

Гиперион

ДЭН СИММОНС

Восход Эндимиона

«АСТ»

1997

Симмонс Д.

Восход Эндимиона / Д. Симмонс — «АСТ», 1997 — (Гиперион)

ISBN 978-5-17-043495-4

Дэн Симмонс – не просто один из классических писателей-фантастов нашего времени. Он – автор самой, наверное, знаменитой и популярной в мире «космической оперы» – тетралогии «Гиперион», «Падение Гипериона», «Эндимион», «Восход Эндимиона», создатель поистине уникального в своей оригинальности мира, загадочного и изменчивого мира порталов, соединяющих планеты, великой реки Тетис и великих звездных войн, в которых причудливо переплелись судьбы священника и солдата, поэта и ученого, консула и детектива. Критики и читатели единодушно признали тетралогия Дэна Симмонса лучшим научно-фантастическим сериалом последнего десятилетия. Не верите? Прочитайте и убедитесь сами!

ISBN 978-5-17-043495-4

© Симмонс Д., 1997

© АСТ, 1997

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	17
3	32
4	46
5	52
6	59
7	66
8	75
9	87
10	100
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Эта книга – для Джека Вэнса, нашего лучшего творца миров.

Посвящаю ее памяти доктора Карла Сагана – ученого, писателя и учителя, который лучшие других выразил словами благороднейшие мечты человечества.

Мы не субстанция, которая просто существует. Мы – структуры, которые увековечивают себя.

Норберт Винер

«Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине»

*А в музыке – Божий перст,
в ней взрыв той воли могучей,
Что, законам высший закон,
мир из хаоса сотворила.
Скажите мне, где еще
нам даровано из трезвучий
Создать не какой-то аккорд,
а немеркнущее светило?»¹*

Роберт Браунинг «Аббат Фоглер»

Если то, что я сказал, окажется недостаточно ясным, а я опасюсь, что так оно и есть, то я верну тебя к месту, с которого начал этот ход мыслей, то есть начал я с рассмотрения, как человека образуют обстоятельства, – но что суть обстоятельства, как не пробные камни его сердца? – но что суть пробные камни, как не искусы его сердца? – но что суть искусы его сердца, как не укрепители или изменители его натуры? – но что есть его измененная натура, как не его душа? – но чем была его душа до того, как она явилась в наш мир и претерпела эти искусы, и изменения, и совершенствования? Разум без Личности – а как создается эта Личность? Через посредство Сердца? А как Сердцу стать этим Посредником, если не в мире Обстоятельств? И теперь ты, полагаю, вместе с Поэзией и Богословием можешь возблагодарить свои Звезды, что мое перо не столь уж многоречиво...»²
Джон Китс. Из письма к брату

Часть первая

1

– Папа умер! Да здравствует Папа! – эхом прокатилось по внутреннему двору замка Сан-Дамазо: Папа Юлий Четырнадцатый был найден мертвым в своих покоях. Святой отец умер во сне. За считанные минуты новость распространилась в тесном скоплении разномастных зданий, по-прежнему называвшихся Ватиканским Дворцом, и побежала по Ватикану, как искра в кислородной среде. Слух охватил комплекс ватиканских служб, проскользнул сквозь ворота Святой Анны в Апостольский Дворец, достиг ушей верных в соборе Святого Петра (архиепископ, служивший мессу, оглянулся через плечо на беспрецедентный гул и шушуканье) и выплеснулся на площадь, где толпились тысяч восемьдесят заезжих имперских чиновников и туристов.

Выкатившись из Ватикана через Колокольную арку, весть разогналась до скорости элементарной частицы, достигла скорости света и унеслась с Пасема со скоростью, в тысячи раз превышающей световую. А в самом центре событий, за древними стенами Ватикана, трезвонили фоны и комлоги, передавая весть в громадный, наводящий ужас замок Святого Ангела, в подвалы Инквизиции. Все утро в Ватикане негромко постукивали четки и шелестели сутаны: служители Церкви, шепча молитвы, всматривались в зашифрованные сообщения на комлогах, ожидая распоряжений сверху. Личные коммуникаторы и импланты тысяч имперских чиновников, командования Флота, политиков и служащих Гильдии торговцев буквально раскалились. Через тридцать минут в пресс-службу Ватикана прибыли представители всех информационных служб Пасема. Все ждали. В межзвездном сообществе, где Церкви принадлежит абсолютная власть, новости в эфир поступают только из официальных источников.

Ровно через два часа десять минут Церковь в лице госсекретаря Ватикана кардинала Лурдзамийского официально подтвердила смерть Папы Юлия Четырнадцатого. Слова кардинала были переданы через орбитальные спутники и разнеслись по всему Пасему. Планета с населением в полтора миллиарда душ (все – возрожденные христиане, носящие крестоформы, практически все – и гражданские, и военные – на службе государства Ватикан или в бюрократическом аппарате Священной Империи Пасема) замерла, слушая сообщение с некоторым интересом. Двенадцать звездолетов класса «архангел» стартовали с орбитальных баз. В момент квантового прыжка все люди на борту погибли, но сообщение осталось в памяти бортовых компьютеров и достигло шестидесяти планет и звездных систем, где находились важнейшие епархии. Возвращаясь на Пасем, курьеры-«архангелы» примут на борт некоторых кардиналов – они успеют как раз к началу Конклава. Впрочем, большинство предпочтут остаться в своих епархиях, страшась неизбежной смерти – даже в гарантированной надежде воскресения, – и отправят интерактивную пластину с голограммой, где записано их «*eligo*»³ за нового Верховного Понтифика.

Восемьдесят пять имперских кораблей с двигателями Хоукинга – в основном сверхскоростные факельщики – готовились к разгону и выходу в гиперпространство. Для членов экипажа путешествие продлится не больше месяца, в реальном времени пройдут годы. Но еще пятнадцать—двадцать дней они будут ждать в пространстве Пасема, пока не завершатся выборы нового Папы, чтобы затем разнести новости по ста тридцати менее значительным епархиям Священной Империи, где архиепископы служат еще миллиардам верных. А уже с центральных миров известие о смерти, воскресении и переизбрании Папы достигнет самых маленьких систем, самых дальних миров и мириад колоний Окраины.

И наконец, флотилия из двух с лишним сотен беспилотных курьерских кораблей выведена из ангара на огромной астероидной базе – бортовые компьютеры ждут официального сообщения о воскресении и переизбрании Папы Юлия, чтобы, разогнавшись до субсветовых скоростей, войти в пространство Хоукинга и доставить известия тем кораблям Священной Империи, которые несут службу на самой границе, у Великой Стены, оберегая человечество от нашествия Бродяг.

Папа Юлий умирал уже восемь раз. У понтифика было слабое сердце, и он отказывался от лечения, отвергая и хирургию, и нанопластику, придерживаясь убеждения, что Папа проживет столько, сколько ему отпущено Богом, а после его смерти изберут нового Папу. Тот факт, что один и тот же Верховный Понтифик был переизбран уже восемь раз, ни в чем его не разубедил. И сейчас, пока тело Папы Юлия готовили к отпеванию, кардиналы начали приготовления к выборам.

Сикстинскую капеллу закрыли для туристов и внесли в нее древние высокие деревянные кресла под балдахинами для восьмидесяти трех кардиналов, которые будут присутствовать во

³ избираю (лат.).

плоти. Для тех, кто должен передать свой голос, установили голографические проекторы и подключили интерактивные матрицы. Перед алтарем поставили стол для декана кардинальской коллегии и двух кардиналов – его помощников. На стол положили карточки, суровую нить, иголки, ящик, серебряное блюдо, льняные одежды и прочие необходимые для выборов предметы и накрыли все белым льняным полотном. Двери капеллы закрыли, заперли и тщательно опечатали. Снаружи поставили швейцарских гвардейцев в полной боевой броне с энергетическими ружьями на изготовку. Такой же пост разместили у входа в часовню воскрешения.

Согласно древнему протоколу, выборы должны состояться не ранее чем через пятнадцать и не позднее чем через двадцать дней. Итак, все было готово.

Некоторые толстяки несут свое бремя как наказание, зримый образ собственной слабости и лени. Другие царственно принимают его как видимый знак возрастающего могущества. Симон Августино кардинал Лурдзамийский принадлежал к последней категории. Он выглядел на хорошие шестьдесят стандартных лет – и сохранял свою внешность уже более двух столетий активной жизни и успешных воскрешений. Лысоватый, круглолицый, с тихим приятным голосом, кардинал Лурдзамийский считался в Ватикане олицетворением здоровья и бодрости. В самых узких кругах церковной иерархии полагали, что кардинал Лурдзамийский – тогда еще молодой, незаметный ватиканский чиновник – под руководством измученного болью отца Ленера Хойта, гипериионского паломника, раскрыл тайну, превратившую крестообразное в орудие воскрешения. И его – как и вновь скончавшегося Папу – связывали с возрождением Церкви, стоявшей тогда на грани исчезновения.

Была в этой легенде доля истины или нет, но в тот день – в первый день после девятой смерти Папы (и за пять дней до воскресения Его Святейшества) – кардинал Лурдзамийский чувствовал себя превосходно. Госсекретарь Ватикана, глава комиссии, осуществлявшей контроль за двенадцатью Священными конгрегациями, и кардинал-префект самой устрашающей и самой таинственной из них – Священной конгрегации вселенской инквизиции, кардинал Лурдзамийский был самым могущественным человеком в курии. И в данный момент, пока тело Его Святейшества Папы Юлия Четырнадцатого лежало в соборе Святого Петра, кардинал Лурдзамийский, бесспорно, был самым могущественным человеком в Священной Империи.

Факт, не ускользнувший в то утро от внимания кардинала.

– Они уже здесь, Лукас? – пророкотал он, обращаясь к человеку, который уже более двух стандартных столетий был его помощником и доверенным лицом.

Высокий, степенный, величественный кардинал Лурдзамийский словно не желал стариться. Тощий, костлявый, суетливый монсеньор Лукас Одди выглядел стариком. Заместитель госсекретаря Ватикана и секретарь секретного отдела, Одди больше был известен как Заместитель. Прозвище «Секрет» также вполне подходило высокому угловатому бенедиктинцу: за двадцать два десятилетия его безупречной службы никто – даже сам кардинал Лурдзамийский – так и не узнал, о чем думает и что чувствует этот человек. Отец Лукас Одди столь долго был верной правой рукой кардинала Лурдзамийского, что Симон Августино давно уже воспринимал его не иначе как бессловесного проводника своей воли.

– Их только что проводили в приемную, – ответил монсеньор Одди.

Кардинал Лурдзамийский кивнул. Более тысячи лет назад – задолго до Хиджры, когда человечество покинуло умирающую Землю и устремилось к звездам, – в Ватикане сложился обычай проводить важные встречи не в личных кабинетах, а в официальных приемных. Внутренняя приемная госсекретаря Ватикана кардинала Лурдзамийского была маленькая, пять квадратных метров, и не отличалась излишней роскошью. Круглый мраморный стол стоял посреди комнаты, сквозь единственное окно виднелась изумительная расписанная фресками крытая галерея; на стенах висели две работы кисти Каро-тана, гения тридцатого столетия, – одна изображала бегство Христа в Гефсиманском саду, на другой Папа Юлий (точнее, отец

Ленар Хойт) принимал первый крестоформ из рук грозного, похожего на гермафродита архангела, а сатана (в обличье Шрайка) бессильно взирал на происходящее.

Четыре человека, сидевшие в приемной, представляли Исполнительный совет Панкапиталистической лиги независимых католических межзвездных торговых организаций, более известной как Гильдия торговцев. Двое – Хельвиг Эрон и Кеннет Хей-Модио – во всем походили друг на друга: изящные дорогие накидки, строгие модельные стрижки, тонкие биомодулированные черты лица североевропейского типа Старой Земли, у каждого – изысканная красная булавка, знак принадлежности к Суверенному Воинскому Ордену Госпиталя Святого Иоанна в Иерусалиме, на Родосе и Мальте – древнему обществу, более известному как орден мальтийских рыцарей. Третий – мужчина азиатского происхождения – был одет в простое кимоно. Его звали Кендзо Исодзаки, и в тот день он был – после Симона Августино, кардинала Лурдзамийского, – бесспорно, вторым по могуществу человеком в Империи. Четвертая – женщина лет пятидесяти, узколицая брюнетка – Анна Пелли Коньяни; по всеобщему мнению – вероятная преемница Исодзаки и (по слухам) давняя любовница женщины-архиепископа с планеты Возрождение-Вектор.

Когда кардинал Лурдзамийский вошел в приемную, все четверо встали и поклонились. Монсеньор Лукас Одди был единственным наблюдателем, он стоял поодаль от стола, скрестив руки на груди; исполненные муки глаза Каро-тановского Христа в Гефсиманском саду смотрели на собравшихся из-за черного плеча монсеньора.

Эрон и Хей-Модио выступили вперед, чтобы преклонить колени и поцеловать кардинальский перстень. Симон Августино небрежно махнул рукой: соблюдение протокола здесь не обязательно. Торговцы заняли свои места, и кардинал сказал:

– Мы старые друзья. В этой беседе я представляю в период временного отсутствия Его Святейшества Святой Престол. Вы знаете: все и всё, о ком или о чем мы будем говорить сегодня, останется в этих стенах. – Кардинал Лурдзамийский улыбнулся. – А эти стены, друзья мои, самые надежные во всей Священной Империи.

Эрон и Хей-Модио ответили натянутыми улыбками. Исодзаки хранил вежливо-благожелательное выражение лица. Анна Пелли Коньяни нахмурилась:

– Ваше преосвященство, могу ли я говорить свободно?

Кардинал выставил перед собой пухлую ладонь. Он никогда не доверял людям, которые просят разрешения говорить свободно, равно как и тем, кто клянется говорить искренне или любит употреблять выражение «честно говоря».

– Разумеется, друг мой. Очень жаль, что в силу сложившихся обстоятельств у нас сегодня так мало времени...

Анна Пелли Коньяни кивнула. Она поняла приказ быть краткой.

– Ваше преосвященство, мы просили об этой встрече потому, что можем говорить с вами не только как верные члены Панкапиталистической лиги Его Святейшества, но и как друзья Святого Престола и ваши друзья.

Кардинал Лурдзамийский вежливо кивнул. Его тонкие губы сложились между складками жира в едва заметную улыбку.

– Разумеется.

Хельвиг Эрон откашлялся:

– Ваше преосвященство, Гильдия торговцев имеет вполне понятный интерес в предстоящих выборах нового Папы...

Кардинал молча ждал продолжения.

– Наша цель сегодня, – продолжил Хей-Модио, – заверить ваше преосвященство – и как госсекретаря Ватикана, и как потенциального кандидата на избрание – в том, что Лига будет и впредь с величайшей преданностью проводить политику Ватикана.

Кардинал Лурдзамийский едва заметно кивнул. Он все понял. Шпионская сеть Исодаки пронюхала о возможном заговоре ватиканской иерархии. Каким-то образом они подслушали самый тихий шепот в самых непроницаемых для шепота комнатах; что-то типа: «Пора заменить Папу Юлия новым понтификом». И Исодаки узнал, что этим новым понтификом должен стать Симон Августино, кардинал Лурдзамийский.

– В это печальное межвременье, – продолжила Коньяни, – мы сочли своим долгом заверить вас, как в частном порядке, так и от имени нашей организации, что Лига будет и впредь служить интересам Святого Престола и Святой Матери Церкви, как она служит уже более двух стандартных столетий.

Кардинал Лурдзамийский снова кивнул, ожидая продолжения, но никто из представителей Гильдии торговцев не сказал более ни слова. На мгновение кардинал задумался, почему Исодаки явился лично? «Чтобы самому наблюдать мою реакцию, не полагаясь на отчеты подчиненных, – понял он. – Старик полагается на свое чутье более, чем на кого-либо и что-либо другое. – Симон Августино улыбнулся. – Верная политика». Он выждал с минуту, пока тишина не стала совсем напряженной, и лишь затем заговорил.

– Друзья мои, – пророкотал он, – вы и представить себе не можете, как греет сердце бедного священника в наше скорбное время визит четырех столь знатных и столь высокопоставленных особ.

Исодаки и Коньяни остались невозмутимы, как инертный газ, но кардинал заметил, что во взглядах двух других мелькнуло плохо скрываемое предвкушение. Если кардинал примет их поддержку, пусть даже неявно, это поставит Гильдию торговцев на один уровень с заговорщиками из Ватикана и *de facto* сделает их равными новому Папе.

Кардинал склонился над столом. Он мысленно отметил, что Кендзо Исодаки за все время разговора не моргнул ни разу.

– Друзья мои, – продолжил кардинал, – как добрые возрожденные христиане, – он кивнул в сторону Эрона и Хей-Модио, – как рыцари-госпитальеры, вы, несомненно, знакомы с процедурой избрания нового Папы. Однако позвольте мне освежить вашу память. Кардиналы и их интерактивные копии собираются в Сикстинской капелле. Существует три способа, какими мы можем выбрать Папу: единогласным одобрением, делегированием либо голосованием. При единогласном одобрении все кардиналы, участвующие в выборах, движимые Духом Святым провозглашают имя одного и того же человека как Верховного Понтифика. И каждый выкрикивает *eligo* – «Я выбираю» – и имя того, кого мы единогласно выбрали. При делегировании мы избираем нескольких – ну, скажем, десять – кардиналов, чтобы они за нас сделали выбор. При голосовании кардиналы голосуют тайно до тех пор, пока чья-либо кандидатура не наберет более двух третей голосов. Потом, когда новый Папа избран, миллиарды зрителей видят *sfumata* – белый дым, который означает, что у Церкви снова есть Первосвященник.

Четыре представителя Гильдии торговцев хранили молчание. Каждому была досконально известна процедура избрания Папы – и, разумеется, не только древний механизм, но и интриги, давление, подтасовки, запугивание и открытый шантаж – все то, что веками сопровождало выборы. И они начали понимать, почему кардинал Лурдзамийский столь подробно объясняет очевидные вещи.

– На последних девяти выборах, – продолжал кардинал, – Папа был избран единогласно... непосредственным воздействием Духа Святого.

Кардинал Лурдзамийский замолчал на долгое тяжелое мгновение. Монсеньор Лукас Одди стоял неподвижный, как Христос на фреске, и бесстрастный, как Кендзо Исодаки.

– У меня нет оснований полагать, – сказал наконец кардинал, – что эти выборы пройдут иначе.

Руководители Гильдии торговцев замерли. Наконец Исодаки слегка наклонил голову. Послание услышано и понято. В стенах Ватикана нет никаких заговорщиков. А если и есть,

кардинал Лурдзамийский держит все в своих руках и в поддержке Гильдии торговцев не нуждается. Если ситуация изменилась и время кардинала Лурдзамийского еще не пришло, Папа Юлий вновь станет главой Церкви и Священной Империи Пасема. Исодзаки и его люди ради неисчислимых прибылей и безграничного влияния, ожидавших их в случае выигрыша, пошли на неимоверный риск. Теперь они столкнулись с последствиями. Столетием раньше Папа Юлий за гораздо меньшее прегрешение отлучил предшественника Исодзаки от Церкви с лишением крестоформа и приговорил к изгнанию из общины верных – к которой принадлежит, разумеется, каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенок на Пасеме и на большинстве планет Священной Империи, – следовательно, к истинной смерти.

– А сейчас – сожалею, но неотложные дела вынуждают меня покинуть ваше приятное общество, – пророкотал кардинал.

Исодзаки, нарушая все протоколы, вскочил, бросился вперед и, преклонив колени, поцеловал кардинальский перстень.

– Ваше преосвященство, – прошептал старый миллиардер.

На этот раз кардинал Лурдзамийский не встал и не вышел из комнаты до тех пор, пока каждый из четырех самых богатых и самых влиятельных коммерсантов не подошел выразить свое почтение.

На следующий день после смерти Папы Юлия звездолет класса «архангел» совершил прыжок в пространство Роши Богов. Это был единственный «архангел», не приписанный к курьерской службе, он был меньше других новых кораблей и назывался он «Рафаил».

Через несколько минут после выхода на постоянную орбиту от «архангела» отделился челнок и с визгом вошел в атмосферу. На борту находились двое мужчин и одна женщина. Все трое – как близнецы: стройные, бледные, темноволосые, с короткой стрижкой. У каждого – одинаково холодные глаза и одинаково тонкие губы. На каждом – строгий красно-черный комбинезон. На запястье – комлог. Само их присутствие в челноке было абсурдно – при переходе корабля класса «архангел» через планково пространство все люди на борту гибнут, а воскресение происходит лишь на третий день.

Эти трое не были людьми.

Выпустив крылья, челнок на скорости в три маха вошел в более плотные слои. Сквозь дымку все отчетливее прорисовывалась поверхность планеты тамплиеров, Роши Богов, – бескрайняя выжженная земля, поля, покрытые слоем пепла, селевые потоки, ледники и редкие зеленые секвойи. Челнок пролетел на субзвуковой скорости над узкой лентой растительности, выжившей в умеренном климате у экватора, и дальше – вдоль реки, к тому, что осталось от Мирового Древа. Исполинский обугленный пень восьмидесяти трех километров в диаметре на километр возвышался над равниной. Челнок обогнул пень и лег на прежний курс – вдоль реки на запад, продолжая снижаться. Он приземлился на плато, там, где река входит в узкое ущелье.

Двое мужчин и женщина сошли по трапу и оглядели местность. На Роше Богов было утро, река бурлила на перекатах, ниже по течению в густых зарослях щебетали птицы. Пахло хвоей, мокрой землей, золой и чем-то еще – чужим и непонятным. Уже более двух с половиной столетий прошло с тех пор, как этот мир испепелили с орбиты. Громадные корабли-деревья тамплиеров, не успевшие выйти в открытый космос, сгорели в пламени пожара, который бушевал на Роше Богов без малого век, и лишь ядерная зима смогла загасить его.

– Осторожно! – предупредил мужчина, когда все трое спустились к реке. – Она натянула моноволоконную нить.

Женщина кивнула и вытащила боевой лазер. Установив максимальную дисперсию пучка, она веером развернула луч над поверхностью воды. Невидимые волокна засверкали, словно покрытая утренней росой паутина, нити тянулись через реку, опутывали валуны, выныривали из белой пены порогов.

Женщина выключила лазер.

– Там нам работать не придется.

Пройдя низиной вдоль берега, они вскарабкались по крутому скалистому склону. Гранит оплавился еще при орбитальной бомбардировке, но на одном уступе виднелись более свежие следы разрушений. У самой вершины, метрах в десяти от кромки воды, в камне был выжжен кратер – идеальная чаша метров пяти в диаметре и с полметра в глубину. На юго-восточном склоне, там, где застыл, сбегая к реке, поток лавы, образовались черные каменные ступени. Поверхность кратера – темная и гладкая – блестела, как полированный оникс в гранитной оправе.

Мужчина поднялся по ступеням, распластался на гладком камне и ухом приник к скале. Мгновение – и он вскочил, дав знак своим спутникам.

– Отойди! – Женщина прикоснулась к комлогу.

Они успели отступить ровно на пять шагов, когда небо прорезало огненное копье энергетического пучка. Птицы, истерически вереща, устремились под защиту деревьев. Воздух мгновенно насытился электричеством и сделался обжигающе горячим. Прокатилась мощная ударная волна. Пламя охватило кроны в радиусе пятидесяти метров.

Ослепительно сияющий конус с поразительной точностью вошел в кратер, и гладкий камень превратился в озеро жидкого огня.

Двое мужчин и женщина не вздрогнули, не шелохнулись. Их комбинезоны раскалились добела, но спецматериал не загорелся. Не загорелась и плоть.

– Пора! – прокричала женщина сквозь рев пламени, и золотой луч погас. Поток горячего воздуха с воем устремился в образовавшийся вакуум. От перепада давления в кратере взбурлило озеро лавы.

Мужчина опустил на колено, словно к чему-то прислушиваясь. Затем встал, кивнул остальным и совершил фазовый переход. Существо из плоти и крови в одно мгновение превратилось в сверкающую хромированную статую. Серебряная кожа идеально отражала голубизну неба, горящий лес и озеро жидкого пламени. Он погрузил руку в кипящую лаву, нагнулся, пошарил – и встал. Казалось, рука, расплавившись, растекается по поверхности еще одной серебряной фигуры – женской. Хромированная статуя мужчины вытащила из бурлящего котла лавы хромированную статую женщины и отнесла ее туда, где не плавился камень и не горела трава. Остальные проследовали за ними.

Мужчина переключился в стандартный режим. Еще мгновение – и из жидкого серебра возникла женщина – двойник той, коротко стриженной, что прилетела на челноке.

– Где эта сукина дочь? – спросила та, что когда-то была известна как Радаманта Немез.

– Ушла, – ответил мужчина (то ли брат-близнец, то ли мужской клон Радаманты). – Они открыли последний портал.

Радаманта Немез поморщилась, сгибая и разгибая онемевшие пальцы.

– По крайней мере я убила мерзкого андроида.

– Нет, – покачала головой женщина, неотличимая от Немез. (Имени у нее не было.) – Они улетели на катере «Рафаила». Андроид потерял руку, но автохирург спас ему жизнь.

Немез кивнула и оглянулась на скалистый утес – с него все еще стекала лава. Над рекой в отблесках пламени сверкала мономолекулярная нить. Позади горел лес.

– Там было... не слишком приятно. Когда с корабля ударил луч, я не могла пошевелиться. И потом не смогла совершить фазовый переход – вокруг был камень. Требовалась огромная концентрация энергии. Долго я там была?

– Четыре земных года, – ответил второй мужчина, до сих пор хранивший молчание.

Радаманта Немез подняла тонкую бровь – вопросительно, не удивленно.

– Центр знал, где я...

– Центр знал, где ты, – подтвердила женщина. Ее голос был точно такой же, как у Немез. И выражение лица точно такое же. – И Центр знал, что ты провалила задание.

Немез едва заметно усмехнулась:

– Значит, эти четыре года – наказание?

– Напоминание, – уточнил мужчина, вытащивший ее из камня.

Радаманта Немез переступила с ноги на ногу, словно проверяя вестибулярный аппарат. Ее голос звучал ровно.

– Итак, почему вы пришли за мной сейчас?

– Девчонка, – коротко ответила другая. – Она вернулась. Операция продолжается.

Немез кивнула.

Мужчина – тот, что спас Немез, – положил руку на ее костлявое плечо.

– И учти: четыре года в камне – ничто по сравнению с тем, что тебя ждет в случае повторного провала.

Мгновение Немез молча смотрела на него. Потом, синхронно – как в балете – повернувшись спиной к шипящей лаве и ревущему пламени, все четверо, шагая в ногу, двинулись к челноку.

На пустынной планете Мадре-де-Диос, на высокогорном плато Льяно-Эстакадо,⁴ названном так из-за колонн атмосферных генераторов, понатыканных через каждые десять километров, отец Федерико де Сойя готовился к ранней мессе.

Нуэво-Атлан – небольшой городок (сотни две шахтеров работают по контракту, несколько десятков обращенных мариан пасут коргоров на ядовитых свалках), и отец де Сойя точно знал, сколько прихожан будет на утренней мессе: четверо. Старая вдова Санчес, которая, если верить слухам, шестьдесят два года назад во время песчаной бури убила своего мужа; близнецы Перелл – они почему-то ходили именно сюда, в эту старую полуразрушенную церковь, хотя в поселке шахтеров была новая, с кондиционерами; и загадочный старик с безобразными шрамами на лице – он всегда молился на самой дальней скамье и ни разу не подошел к причастию.

Бушевала песчаная буря – здесь всегда бушевала песчаная буря, – и последние тридцать метров от своей глинобитной хижины до ризницы отец де Сойя бежал бегом, накиннув на голову прозрачный фибропластовый капюшон. Требник он засунул поглубже в карман, чтобы не засыпало песком. Впрочем, это не помогало. Каждый вечер, когда он снимал сутану и вешал на крючок шапочку, на пол красным водопадом сыпался песок, словно крупинки засохшей крови из разбитых песочных часов. И каждое утро, когда он открывал требник, песок скрипел между страницами и оседал на пальцах.

Священник вбежал в ризницу и заdraил за собой герметичную переборку.

– Доброе утро, отец, – поздоровался Пабло.

– Доброе утро, Пабло, мой самый верный министрант.

На самом-то деле, как мысленно поправил себя священник, Пабло – его единственный министрант. Простой мальчуган – «простой» в старинном смысле слова: честный, недалекий, открытый, преданный, дружелюбный. Пабло помогал де Сойе служить мессу: в обычные дни – в шесть тридцать утра и по воскресеньям дважды, хотя в воскресенье на утреннюю мессу приходили все те же четверо, а на вечернюю – полдюжины шахтеров.

Мальчик кивнул и заулыбался – улыбка на мгновение исчезла, пока он просовывал голову в свеженакрахмаленный стихарь, а затем появилась вновь.

Отец де Сойя пригладил свои темные волосы и подошел к высокому шкафу, где хранилось облачение. Песчаная буря пожирала рассветные лучи, и утро было темное, как ночь

⁴ Llano Estacado – оливковая роща (исп.).

в горах. В пустой холодной комнате светила только одна тусклая лампа. Де Сойя преклонил колени, помолился – привычно, но горячо, – и начал одеваться.

Двадцать лет отец капитан де Сойя – Федерико де Сойя, командир факельщика «Бальтазар», – носил мундир. Тогда единственными символами его священнического служения были крест и жесткий белый воротничок. Ему доводилось надевать боевую пластокевларовую броню, скафандр, тактический шлем – все, что положено капитану факельщика, но ничто не было ему внутренне ближе, чем это скромное облачение приходского священника. Четыре года назад отца капитана де Сойю разжаловали и списали из Флота. За эти годы он вновь обрел свое истинное призвание.

За его спиной в маленькой комнате суеился Пабло: мальчик снял свои грязные грубые башмаки и переобулся в дешевые фибропластовые туфли – мать велела ему надевать их только на мессу.

Отец де Сойя поправил облачение. Сегодня, вознося молитву над дарами, он принесет бескровную жертву во искупление грехов вдовы... или убийцы... и старика со шрамами на последней скамье.

Пабло, улыбаясь, подскочил к священнику. Де Сойя положил руку ему на голову, пытаясь пригладить волосы и заодно передать мальчику свое спокойствие. Затем обеими руками взял чашу и тихо сказал: «Пора». Пабло, чувствуя торжественность момента, перестал улыбаться и первым шагнул к двери в алтарную часть.

Де Сойя сразу заметил, что сегодня в часовне пять человек. Не четыре. Прихожане стояли, преклонив колени, на своих привычных местах, но был и еще кто-то, пятый, – его высокая фигура едва виднелась в глубине маленького нефа сбоку от двери.

Присутствие незнакомца беспокоило отца де Сойю, мешало сосредоточиться полностью на таинстве, частью которого был он сам.

– *Dominus vobiscum*,⁵ – произнес отец де Сойя.

Вот уже более трех тысяч лет – он верил – Господь действительно был с ними... с ними со всеми.

– *Et cum spiritu tuo*...⁶

Пабло эхом повторил его слова, а священник слегка повернул голову: вдруг пламя свечей выхватит высокую, худощавую фигуру из мрака нефа? Нет. Безнадёжно.

Во время евхаристической молитвы отец де Сойя забыл о таинственном незнакомце, сейчас он видел только гостию, которую, держа в негнувшихся пальцах, возносил над алтарем.

– *Nos est enim corpus meum*,⁷ – отчетливо произнес иезуит, ощущая всю силу этих слов и моля – в десятитысячный раз, – чтобы его Господь и Спаситель в милосердии Своем омыл его от тех беззаконий, что совершил он, капитан Флота.⁸

К причастию пошли только близнецы Переллы. Как всегда.

– *Corpus Christi*,⁹ – произнес де Сойя, протягивая им гостию. Он боролся с желанием бросить взгляд на таинственную фигуру в тени.

Месса закончилась почти в полной темноте. Вой ветра заглушил завершающую молитву и ответное «аминь». Электричества в часовне не было – здесь никогда не было электричества, – и десяток мерцающих свечей не мог разогнать мрак. Отец де Сойя благословил паству, отнес чашу в темную ризницу и поставил ее на малый алтарь. Пабло вбежал следом, скинул стихарь и натянул анорак.

⁵ Господь с вами (лат.).

⁶ И со духом твоим (лат.).

⁷ Сие есть тело Мое (лат.).

⁸ Имеется в виду литургическая молитва, произносимая священником перед пресуществлением даров: «Омой меня, Господи, от беззакония моего и от греха моего очисти меня».

⁹ Тело Христово (лат.).

– До завтра, отец.

– Да, спасибо, Пабло. Не забудь...

Поздно. Мальчишка уже выскочил из церкви и помчался к мельнице – он работал там вместе с отцом и дядьями. В неплотно прикрытую дверь мгновенно просочился красный песок.

Будь все, как обычно, отец де Сойя должен был сейчас снять облачение и убрать его в шкаф. Позже, днем, он отнес бы одежду домой и привел в порядок. Но сейчас он медлил. Почему-то ему казалось, что облачение еще пригодится, будто это – пластокевларовая боевая броня и он сейчас не на Мадре-де-Диос, а на борту факельщика, в битве в Угольном Мешке.

Высокая фигура остановилась у входа в ризницу. Отец де Сойя молча ждал, борясь с желанием осенить себя крестным знамением, схватить святыне дары и выставить их перед собой как щит – от вампира или от дьявола. Ветер за стенами церкви застонал, как баныши.

Незнакомец шагнул вперед, и свет лампы упал на его лицо. И де Сойя узнал капитана Марджет Ву, адъютанта адмирала Марусина, командующего Имперским Флотом. И второй раз за это утро де Сойя мысленно поправил себя – не капитана, теперь уже адмирала Марджет Ву: на ее воротнике поблескивали адмиральские шевроны.

– Отец капитан де Сойя? – спросила Марджет Ву.

Иезуит медленно покачал головой. На этой планете, где в сутках всего двадцать три часа, было только семь тридцать утра, но он уже чувствовал себя безмерно усталым.

– Просто отец де Сойя, – ответил он.

– Отец капитан де Сойя, – повторила адмирал Ву, и на этот раз в ее голосе не было вопроса. – Вы вновь призваны на действительную военную службу. У вас десять минут на сборы.

Федерико де Сойя вздохнул и закрыл глаза. Он чуть не плакал. «Прощу тебя, Господи, Отче, да минует меня чаша сия». Когда он открыл глаза, чаша по-прежнему стояла на алтаре, а адмирал Ву по-прежнему выжидающе смотрела на него.

– Есть, – тихо ответил он и медленно, бережно начал снимать с себя облачение.

На третий день после смерти и погребения Папы Юлия Четырнадцатого в саркофаге началось движение. Тончайшие пуповины и чуткие зонды скользнули в сторону и исчезли. Сначала человек, лежавший на каменной плите, казался безжизненным, только поднималась и опадала грудная клетка, затем он вздрогнул, застонал и – долгие, томительные минуты спустя – приподнялся на локте и осторожно сел. Богато расшитый льняной покров соскользнул с него, обнажив до пояса.

Несколько минут человек сидел на краю мраморной плиты, обхватив голову дрожащими руками. Потом поднял взгляд и посмотрел на панель, скрывавшую потайной ход в стене часовни. Панель с еле слышным шипением сдвинулась с места. Кардинал в пурпурном облачении шагнул в сумрак зала. Тихо шелестел шелк. Постукивали четки. Следом за кардиналом вошел высокий стройный мужчина с пепельными волосами и серыми глазами. На нем был простой элегантный костюм из серой – под цвет волос и глаз – фланели. В трех шагах позади кардинала и мужчины в сером вышагивали два швейцарских гвардейца в оранжево-черных мундирах эпохи Возрождения. Оружия при них не было.

Обнаженный человек на мраморной плите моргнул, словно его глазам был невыносим даже приглушенный свет, проникавший в сумрак часовни. Наконец взгляд его сфокусировался.

– Кардинал Лурдзамийский, – прошептал воскресший.

– Да, отец Дюре, – сказал кардинал. Он бережно держал в руках огромную серебряную чашу.

Обнаженный человек поморщился и облизнул губы, словно проснулся с ощущением неприятного вкуса во рту. Он был стар – худое, изможденное лицо, печальные глаза, испещренное шрамами тело. На груди, как две опухоли, мерцали лилово-красным два крестоформа.

– Какой нынче год? – спросил он после долгого молчания.

– 3131 от Рождества Христова, – ответил кардинал.

Отец Поль Дюре закрыл глаза.

– Пятьдесят семь лет с моего последнего воскрешения. Двести семьдесят девять лет с Падения порталов... – Он открыл глаза и посмотрел на кардинала. – Двести семьдесят лет с тех пор, как вы отравили меня, убив Папу Тейяра Первого.

Кардинал Лурдзамийский издал смешок.

– Хорошо считаете. Быстро вы восстановились после воскрешения.

Поль Дюре перевел взгляд на человека в сером.

– Альбедо. Посмотреть пришли? Или ручных иуд приходится подбадривать?

Высокий человек ничего не ответил. Кардинал Лурдзамийский побагровел, поджал свои и без того тонкие губы – теперь их уже невозможно стало различить в багровых складках щек.

– Может, хочешь еще что-нибудь сказать напоследок, антипапа проклятый?

– Не тебе, – прошептал Поль Дюре и закрыл глаза в молитве.

Два швейцарских гвардейца схватили отца Дюре за руки. Иезуит не сопротивлялся. Гвардеец резко запрокинул ему голову, и на тощей старческой шее выступил кадык.

Кардинал Лурдзамийский осторожно подошел поближе. Из складок алого шелкового рукава выскользнул острый кинжал с роговой рукоятью. Кардинал взмахнул рукой – легко и небрежно. Из перерезанной артерии Поля Дюре хлынула кровь.

Отступив, чтобы не запачкать одежды, Симон Августино спрятал нож в складки рукава, поднял огромную чашу и поставил ее под пульсирующую струю. Когда чаша наполнилась почти до краев, а струя иссякла, он кивнул швейцарским гвардейцам, и те тут же отпустили голову отца Дюре.

Воскресший снова был мертв. Голова его запрокинулась, глаза были закрыты, рот разинут в немом крике, края раны разошлись, словно губы в зловещей ухмылке. Швейцарские гвардейцы уложили тело на плиту и сдернули с него покров. Обнаженный мертвец был жалок – перерезанное горло, испещренная шрамами грудь, длинные белые пальцы, впалый живот, дряблые гениталии, костлявые ноги... Смерть и в эпоху воскрешения лишает достоинства всех, даже тех, кто всю жизнь прожил в суровой аскезе.

Гвардейцы держали роскошный покров на безопасном расстоянии. Кардинал Лурдзамийский плеснул кровью из чаши в мертвые глаза, в открытый рот, в ровную ножевую рану на горле, на грудь, на живот, в пах – и все покрылось алыми, в тон кардинальской мантии, брызгами.

– Sie aber seid nicht Fleischlich, sondern Geistlich, – произнес кардинал. – Не плотью, но духом ты сотворен.

Высокий человек в сером поднял бровь:

– Бах?

– Разумеется. – Кардинал поставил опустевшую чашу на мраморную плиту, кивнул швейцарским гвардейцам, и те накрыли тело сложенным вдвое покровом. Роскошная ткань мгновенно пропиталась кровью. – Jesu meine Freunde,¹⁰ – добавил кардинал.

– Именно. – Человек в сером вопросительно поглядел на Симона Августино.

– Да, – кивнул кардинал Лурдзамийский. – Пора.

Человек в сером обошел саркофаг и встал позади гвардейцев, всецело поглощенных своей работой. Когда, тщательно расправив покров, они выпрямились и отошли от саркофага,

¹⁰ Иисус – мой сотоварищ (нем.).

человек в сером поднял руки и приложил ладони к их шеям. Гвардейцы широко распахнули глаза, открыли рты – но не успели даже закричать: глаза их вспыхнули, кожа сделалась прозрачной, и сквозь нее проступило оранжевое пламя. Еще мгновение – и они исчезли, испарились, разлетелись на мельчайшие частицы.

Человек в сером вытер ладони, стряхивая тончайший слой пепла.

– Какая жалость, советник Альбедро, – густым басом пророкотал кардинал.

Человек в сером посмотрел, как оседает в воздухе пыль, перевел взгляд на кардинала и вновь вопросительно поднял бровь.

– Нет-нет-нет, – пробасил кардинал. – Я о покрове. Эти пятна не выведешь ничем. После воскрешения придется ткать новый. – Он повернулся и, шелестя одеждами, направился к потайной двери. – Пойдемте, Альбедро. Нам нужно поговорить, а мне еще мессу служить.

Дверь скользнула на место, и в полумраке часовни осталось лишь накрытое дорогим покровом тело. Легкий серый дымок таял, поднимаясь к куполу, словно отходили души тех, кто был убит здесь несколько минут назад.

2

В ту неделю, когда Папа Юлий умер в девятый раз и в пятый раз был убит отец Поль Дюре, мы с Энеей находились в 160 000 световых лет от Пасема, на похищенной планете Земля – на Старой Земле, настоящей Земле, – вращавшейся вокруг чужой звезды класса G в чужой галактике – Малом Магеллановом Облаке.

Для нас это была необычная неделя. Мы, конечно, не знали, что Папа умер, – между похищенной Землей и планетами Империи не существовало никакой связи, кроме разве что бездействующих порталов. На самом-то деле – теперь я это знаю – до Энеи известие о кончине Папы дошло, и дошло таким способом, о котором мы тогда даже не подозревали, но она никогда не говорила о том, что происходит в Священной Империи (чаще мы называли ее между собой Орденом), а нам и в голову не приходило об этом расспрашивать. Все годы изгнания на Земле наша жизнь была настолько простой, спокойной и полноценной, что сейчас это даже трудно понять, а вспоминать – почти что больно. Ту неделю мы прожили весьма полноценно, хоть и не сказать, чтобы спокойно: в понедельник умер Старый Архитектор (Энея училась у него последние четыре года). Во вторник, холодным зимним вечером, его похоронили в пустыне – похоронили печально и поспешно. В среду Энее исполнилось шестнадцать. На Талиесин опустился покров беды и смятения, и только А.Беттик и я постарались отпраздновать с ней день рождения.

Андроид испек шоколадный торт – любимое лакомство Энеи, а я подарил ей для прогулок изящную резную трость. Я сам вырезал ее из необычайно твердой ветки, которую мы нашли во время очередной вылазки в горы, устроенной Старым Архитектором. В тот вечер в уютной маленькой хижине Энеи мы ели торт и пили шампанское. Энея казалась подавленной – смерть старика и всеобщее смятение выбили ее из колеи. Сейчас мне понятна истинная причина: Энея уже знала о смерти Папы, знала о тех бурных событиях, что ждут нас, и о том, что четыре самых безмятежных года нашей жизни подошли к концу.

Помню наш разговор в тот вечер, в день ее шестнадцатилетия. Стемнело рано и тут же похолодало. За стенами уютной хижины бушевала песчаная буря, кусты полыни и юкки скрипели и гнулись к земле. Мы уже выпили шампанское и теперь сидели у чадающей лампы, держа в руках кружки с горячим чаем, и тихонько беседовали под завывания ветра.

– Странно, – сказал я. – Мы знали, что он старый и больной, но никто, похоже, не верил, что он умрет. – Я, конечно, говорил о Старом Архитекторе, а не о каком-то абстрактном Папе. И – как и все мы, изгнанники на Земле, – наставник Энеи не принял крестоформ. Он в отличие от Папы умер раз и навсегда.

– Похоже, он знал, – тихо проговорила Энея. – За последний месяц он побеседовал с каждым из своих учеников. Своего рода передача последней крупинки мудрости.

– И какой же последней крупинкой мудрости он поделился с тобой? – спросил я. – Ну, то есть если это не секрет... или не что-то такое, слишком личное.

Энея улыбнулась:

– Напомнил, что заказчик непременно заплатит вдвое больше, если сообщать о дополнительных расходах постепенно и только после того, как будет заложен фундамент и конструкция начнет обретать форму. Он сказал, что тогда отступать уже некуда, и клиент не сорвется с крючка.

Мы с А.Беттиком рассмеялись. В нашем смехе не было ничего оскорбительного – Старый Архитектор принадлежал к числу тех редких созданий, в которых истинный гений сочетается с очень сильной личностью, – но, даже вспоминая его с грустью и любовью, мы вынуждены были признать: хитрость и эгоизм тоже были частью его натуры. Старый Архитектор был кибридом Фрэнка Ллойда Райта – человека, жившего еще до Хиджры, в двадцатом веке от Рождества

Христова. И хотя в Талиесинском братстве все – даже самые старшие ученики, его ровесники, – уважительно называли его «мистер Райт», я всегда думал о нем только как о Старом Архитекторе: ведь именно так назвала своего будущего наставника Энея, когда еще только собиралась отправиться к нему на Старую Землю. А.Беттик, видимо, думал о том же, что и я.

– Забавно, – проговорил он.

– Ты о чем? – спросила Энея.

Андроид улыбнулся и потер кулечку. Эта привычка появилась у него в последние несколько лет. Автохирург катера, на котором мы улетели сквозь портал с Роши Богов, спас А.Беттику жизнь, но руку вырастить не сумел – метаболизм андроида слишком отличен от человеческого.

– Да вот... Церковь обладает огромной властью во всех делах человечества, но на вопрос, есть ли у человека душа, которая покидает тело после смерти, до сих пор нет однозначного ответа. Однако в случае мистера Райта мы знаем, что его личность кибрида все еще существует отдельно от его тела – или по крайней мере существовала какое-то время после его смерти.

– Можем ли мы утверждать это с полной уверенностью? – усомнился я.

Чай был горячий и вкусный. Мы с Энеей купили его – точнее, выменяли – на индейском рынке, в пустыне, там, где когда-то стоял город Скоттсдейл.

На мой вопрос ответила Энея:

– Да. Личность моего отца пережила смерть тела и хранилась в петле Шрюна, вживленной в голову матери. Более того, нам известно, что затем она самостоятельно существовала в мегасфере, после чего на время перешла в бортовой компьютер корабля Консула. Личность кибрида продолжает свое существование в виде волнового пакета, который распространяется вдоль матриц данных инфосферы – или в мегасфере, – пока не достигнет ИскИна-источника в Техно-Центре.

Я знал это, но никогда не понимал.

– Хорошо, – сказал я, – но к какому ИскИну отправился волновой пакет мистера Райта? Магелланово Облако никак не связано с Техно-Центром. И инфосферы тут тоже нет.

Энея отставила пустую чашку.

– Связь должна быть, иначе ни мистер Райт, ни другие кибриды, которые бывали на Земле, не смогли бы здесь существовать. Вспомни, пока умирающая Гегемония не уничтожила нуль-порталы, Техно-Центр втайне использовал планково пространство как среду-носитель.

– Связующая Бездна, – повторил я слова из «Песней» старого поэта.

– Именно, – кивнула Энея. – Мне всегда казалось, что это название ни о чем не говорит.

– Как бы она там ни называлась, я все равно не понимаю, как это ей удалось добраться сюда... в другую галактику.

– Среда-носитель Техно-Центра распространяется повсюду, она проходит сквозь время и пространство. – Энея нахмурилась. – Нет, не так... Пространство и время вплетены в нее... Связующая Бездна – выше пространства и времени.

Я огляделся. Лампа освещала маленькую комнату, но за ее стенами царил непроглядный мрак и завывал ветер.

– Значит, Центр может и до нас добраться?

Энея покачала головой. Мы это уже обсуждали. Тогда я не понял, в чем дело. Не понимал я этого и сейчас.

– Эти кибриды связаны с ИскИнами, которые на самом деле не являются частью Техно-Центра. Мистер Райт... Мой отец... второй кибрид Китса... они с Техно-Центром не связаны.

Я окончательно перестал что-либо понимать.

– В «Песнях» сказано, что кибриды Китса – и твой отец в том числе – созданы Уммоном, ИскИном Техно-Центра. Уммон рассказал твоему отцу, что кибриды – результат их экспериментов.

Энея встала и подошла к выходу. Брезент трепетал под напором ветра, но держался, не пропуская песок. Да, она выстроила надежный дом.

– «Песни» написал дядя Мартин. Он хотел честно изложить истину и сделал все, что мог. Но были там моменты, которых он не понимал.

– Я тоже. – Я подошел к Энее, обнял ее за плечи и почувствовал, насколько она повзрослела за эти четыре года. – С днем рождения, детка!

Она оглянулась и положила голову мне на грудь.

– Спасибо, Рауль.

Да, сильно она изменилась с тех пор, как мы увиделись впервые – ей тогда только-только исполнилось двенадцать. Я мог бы сказать, что за эти годы она выросла и обрела женское естество, но, хоть бедра ее и округлились, а грудь отчетливо проступала под старым свитером, я по-прежнему не воспринимал ее как женщину. Да, она уже не ребенок, но еще не женщина. Она... Энея. Блестящие темные глаза были все те же – умные, вопросительные, немного печальные от некоего тайного знания, – и ощущение физического прикосновения, возникающее, когда она обращала на вас свой пристальный, понимающий взгляд, было таким же сильным, как и всегда. Русые волосы за эти годы чуть потемнели, она их остригла прошлой весной, теперь они были короче, чем у меня десять лет назад, когда я служил в гипериионских силах самообороны. Я положил руку ей на голову, взлохматил короткие-короткие волосы и отыскивал взглядом такие знакомые светлые пряди, выгоревшие под безжалостным солнцем Аризоны.

Пока мы стояли и слушали, как бьется о брезент песок, а А.Беттик молчаливой тенью сидел позади нас, Энея взяла мою руку в свои. Сегодня ей исполнилось шестнадцать, и она уже не девочка, скорее молодая женщина, но ее руки все равно казались крошечными в моей огромной ладони.

– Рауль?..

Я молча смотрел на нее и ждал.

– Сделаешь для меня кое-что? – Она сказала это нежно, очень нежно.

– Да. – Я не колебался ни секунды.

Она сжала мою руку и посмотрела мне в глаза. Нет, точнее, заглянула мне в душу.

– Сделаешь для меня кое-что завтра?

– Да.

Она все так же пристально смотрела на меня и все так же сжимала мою руку.

– Ты сделаешь для меня что угодно?

На этот раз я ответил не сразу. Я знал, что влекут за собой такие клятвы, пусть даже это странное, удивительное дитя ни разу еще не просило меня что-нибудь для нее сделать – не просила, чтобы я отправился с ней в эту безумную одиссею. Я обещал это старому поэту, Мартину Силену, еще до того, как познакомился с Энеей. Я знал, что есть вещи, которые я не смог бы – ни в здравом уме, ни в помутнении рассудка – заставить себя сделать. Но чего я не мог бы сделать никогда – это хоть в чем-то отказать Энее.

– Да, – сказал я. – Я сделаю все, о чем ты попросишь.

В это мгновение я понял, что умер, – и воскрес.

Энея больше ничего не сказала, только кивнула, сжала в последний раз мою ладонь и вернулась к свету, к торту, к ожидавшему нас другу-андроиду. Прошло несколько дней – и я узнал, о чем она просила и как трудно остаться верным клятве.

Я прервусь ненадолго. Я понимаю, что вы ничего обо мне не знаете, если вы не читали первую часть моего повествования, а первая часть моего повествования существует только в памяти скрайбера, ведь я пишу на микровеленовых страницах, которые каждый день очищают заново. На этих уничтоженных страницах я рассказал всю правду. Или по крайней мере ту правду, которую я знаю. Или по крайней мере старался говорить правду. Большей частью.

Итак, микровеленовые страницы очищены, скрайбер – здесь, рядом со мной, и значит, первую часть не читал никто. Тот факт, что она была написана в «кошачьем ящике» Шредингера на орбите Армагаста («кошачий ящик» – маленькая сверхнепроницаемая энергетическая оболочка, эллипсоид, удерживающий атмосферу, в нем есть система рециркуляции воздуха и воды, синтезатор пищи, койка, стол, скрайбер и капсула с цианидом, которая разобьется, когда будет зарегистрирован определенный случайный изотоп), практически гарантирует, что вы не читали первых страниц.

Но я не уверен.

Странные вещи происходили тогда. Странные вещи происходят с тех пор. Я не берусь судить о том, читал ли кто-нибудь (и прочтет ли кто-нибудь) те – или эти – страницы.

Так или иначе, но лучше я еще раз представлюсь. Я – Рауль Эндимион. Моя фамилия происходит от «покинутого» университетского города на забытой Богом планете Гиперион. Я специально взял в кавычки слово «покинутый», потому что именно в этом всеми забытом городе я познакомился со старым поэтом – Мартином Силеном, древним автором запрещенной эпической поэмы, «Песней», – и там-то начались мои приключения. Слово «приключения» я употребил с долей иронии и еще в том смысле, что сама наша жизнь – уже приключение. И хотя мое странствие началось как настоящее приключение – с попытки (причем успешной) спасти двенадцатилетнюю Энею от всей мощи Священной Империи и доставить ее живой и невредимой на далекую Старую Землю, – оно растянулось на целую жизнь, и в этой жизни была любовь, была утрата и было чудо.

Как бы то ни было, в то время, о котором я рассказываю, в ту неделю, когда умер Папа, когда умер Старый Архитектор, когда Энея невесело отметила в изгнании свое шестнадцатилетие, мне было тридцать два года, я был все так же высок, все так же крепок, все так же любил охотиться, иногда – подражаться и еще – смотреть, как командуют другие; был все так же неопытен, и только балансировал на краю пропасти, но еще не влюбился навеки в девочку, которую оберегал, как младшую сестренку, и которая – как мне показалось в тот вечер – стала уже взрослой женщиной, не сестрой – но другом.

А еще я должен сказать, что все, что я здесь описываю – события в Священной Империи, убийство Поля Дюре, извлечение из камня Радаманты Немез, мысли отца Федерико де Сойи, – не литературная версия, не экстраполяция и не вымысел, нет, это совсем не то, что было в романах древних авторов, современников Мартина Силен. Я это знаю. Знаю, о чем думал отец де Сойя, знаю, как выглядел в тот день советник Альбедро. Знаю не потому, что я всеведущ, но лишь благодаря событиям и откровениям, которые подарили мне доступ к всеведению.

Вы все поймете позже. По крайней мере я надеюсь, что поймете.

Простите мне это очередное неуклюжее выступление. Человек, личность которого была воспроизведена в кибриде, отце Энеи, – поэт Джон Китс – писал в прощальном письме к своим друзьям: «Я всегда откланивался неуклюже». Вот так и я – не важно, прощальный это поклон или приветственный, как сейчас.

Итак, я возвращаюсь к своим воспоминаниям и прошу вас быть снисходительными, если они покажутся несколько сбивчивыми и не совсем понятными.

Три дня и три ночи после шестнадцатого дня рождения Энеи завывал ветер и клубился песок. И все это время девочка отсутствовала. За минувшие четыре года я привык к ее «отлучкам» – так она их называла – и уже не изводил себя так, как в первое ее исчезновение. Но в этот раз я беспокоился сильнее обычного: из-за смерти Старого Архитектора все двадцать семь учеников и шестьдесят с лишним человек obsługi в лагере среди пустыни – Старый Архитектор называл его Талиесин-Уэст – пребывали в тревоге и в смятении. К тому же всех нервировала песчаная буря – она всегда всех нервирует. Люди семейные и obsługi жили неподалеку, в одном из тех каменных строений, которые мистер Райт велел своим ученикам возвести к

югу от главного здания. Лагерь очень напоминал форт – наружные стены, внутренние дворы и крытые переходы (во время песчаной бури по ним очень здорово было перебегать из дома в дом), – но каждый, пусть даже самый удачный день, прожитый без солнца или без Энеи, приносил мне все больше тревоги и беспокойства.

И каждый день по несколько раз я приходил к ее хижине: она отстояла дальше всех от основного комплекса, почти в четверти мили к северу, если идти в сторону гор. И каждый раз, приходя, я не заставал ее. Дверной полог не был привязан, а на столе лежала записка, в которой она просила меня не беспокоиться, сообщала, что это – просто очередная ее экспедиция и что воды она взяла достаточно. Я все равно беспокоился, но с каждым посещением все больше и больше восхищался ее домом.

Четыре года назад, когда мы с ней прибыли сюда на катере, украденном с боевого корабля Ордена, оба разбитые, обессиленные, обожженные (я уже не говорю об искалеченном андроиде в автохирурге), Старый Архитектор и его ученики приняли нас очень тепло и сердечно. Мистера Райта даже не удивило (а если и удивило – он сумел это скрыть), что двенадцатилетний ребенок переходил через порталы с планеты на планету ради того, чтобы найти его и попроситься к нему в учение. Помню, как в первый же день Старый Архитектор спросил Энею, что она знает об архитектуре. «Ничего, – тихо ответила она, – кроме того, что вы тот, у кого я должна учиться».

Очевидно, ответ оказался правильным. Мистер Райт рассказал ей, что всем своим ученикам, прибывшим на Землю еще до Энеи – как выяснилось, их было двадцать шесть, – он давал задание спроектировать и построить себе в пустыне жилище. Старый Архитектор предложил ей строительные материалы – брезент, камень, цемент, немного драгоценной древесины, – но что из этого сотворить, Энея должна придумать сама.

Прежде чем Энея взялась за работу (мне-то было легче – я просто разбил палатку рядом с лагерем), мы осмотрели постройки других учеников. Выяснилось, что почти все они спроектированы по типу шатров – довольно прочные, иногда с претензией на стиль, – но вряд ли могут служить защитой от песка, дождя и сильного ветра. Мы не увидели ничего запоминающегося.

Одиннадцать дней трудилась Энея над своим жилищем. Я помогал ей – таскал тяжести, копал ямы (А.Беттик в то время лежал в автохирурге), но проект девочка полностью разработала сама, да и большую часть работы проделала тоже самостоятельно. И в результате получился замечательный дом.

Сначала Энея выкопала глубокую яму – она хотела, чтобы большая часть жилища располагалась ниже уровня земли. Затем из гладких каменных плит выложила пол. Тщательно подогнав камни, чтобы не осталось никаких щелей, она застелила пол яркими ковриками и попонами, которые выменяла на индийском рынке в пятнадцати милях от лагеря. Потом Энея возвела каменные стены – на метр в высоту (изнутри казалось, что они выше). Она использовала ту самую технику грубой «пустынной кладки», в которой мистер Райт сложил стены лагеря. Не знаю, как ей это удалось, ведь тогда она еще не слышала уроков Старого Архитектора.

Сначала Энея собирала камни – она находила их в пустыне, в небольших ручейках и сухих руслах неподалеку от лагеря. Камни были всех размеров и цветов – багровые, черные, ржаво-красные и темно-коричневые, а на некоторых были петроглифы или окаменелости. Закончив собирать камни, Энея соорудила деревянную опалубку и уложила самые большие камни гладкой стороной внутрь. Затем она несколько дней под палящим солнцем выгребала из сухого русла песок, возила в тачке к месту строительства, замешивала цементный раствор и заливала им камни.

У нее получилась грубая кладка, камень в бетоне – «пустынная кладка», как называл это мистер Райт, – но выглядело все непривычно, причудливо – и прекрасно: неровные разноцветные камни проступали из бетона, вся поверхность была покрыта живописными изло-

мами... Стены получились достаточно толстыми, чтобы днем не пропускать жар пустыни, а ночью удерживать драгоценное тепло.

Ее жилище было куда более продуманным, чем казалось с первого взгляда, – прошли месяцы, пока я наконец полностью оценил все архитектурные тонкости. Итак, вы откидываете брезентовый полог и, пригнувшись, входите в прихожую, затем спускаетесь по трем широким ступеням винтовой лестницы и оказываетесь у деревянной арки в каменной стене – это вход в комнату. Так вот, наклонный, петляющий коридор – своего рода воздушный шлюз, заслон от песка и зноя пустыни, а полог на входе – брезентовые полотнища внахлест – усиливает эффект. Комната, которую Энея называла «главной», размером была всего три на пять метров, но казалась гораздо больше. У стены – высокий каменный стол, вокруг стола – встроенные скамьи, у северной стены – самый настоящий очаг, рядом, в нишах, еще скамьи. И настоящий, встроенный в стену дымоход, который нигде не соприкасался ни с деревом, ни с брезентом. Там, где кончалась каменная кладка (примерно на уровне глаз, если сидеть на скамье), во всю длину северной и южной стены Энея сделала защищенные экранами окна, при желании их можно было наглухо задраить изнутри брезентом или прикрыть скользящими деревянными ставнями. Из стекловолоконных реек, найденных в гуде лагерного хлама, Энея соорудила каркас для брезентового потолка: правильные арки, резкие пики, своды – как в кафедральном соборе, и таинственные глубокие ниши.

Она устроила себе самую настоящую спальню, куда можно было пройти из гостиной, поднявшись на две ступени и повернув при этом на шестьдесят градусов. Напротив входа, у стены, стоял огромный валун – он был здесь еще до постройки дома. Водопровода не было – мы все пользовались общими душевыми и уборными, но Энея сложила из камня очаровательный маленький бассейн – прямо рядом с кроватью (лист фанеры с матрацем и подушками) – и несколько раз в неделю нагревала воду на общей кухне и таскала ее, ведро за ведром, в свое жилище, чтобы принять ванну.

Свет, проникавший сквозь брезентовые стены и потолок, был тепло-розовым на рассвете, масляно-желтым в полдень и оранжевым вечером. Кроме того, Энея специально расположила дом так, чтобы цереусы, кустарники и кактусы в разное время суток отбрасывали на брезентовые стены разные тени. Да, славное это было жилище. И щемяще пустое, когда моя девочка уходила куда-нибудь.

Я уже говорил, что после смерти Старого Архитектора его ученики и обслуга пребывали в смятении. Возможно, точнее было бы сказать – в растерянности. За трое суток, пока Энея отсутствовала, я вдоволь наслушался причитаний – все-таки девяносто человек, вместе они не сходились, даже за едой: мистер Райт не любил больших скоплений народа. Паника нарастала с каждым днем, и не последнюю роль тут играло отсутствие Энеи. Она была самой младшей ученицей в Талиесине – и вообще самой младшей, – но все уже привыкли спрашивать ее совета и прислушиваться к ее словам. За одну неделю они потеряли своего наставника и своего лидера.

На четвертое утро после ее дня рождения кончилась песчаная буря, и Энея вернулась. Я привычно бегал трусцой, как всегда, сразу после рассвета, и заметил ее издали: она шла по пустыне со стороны гор – темный силуэт в утренних лучах, тоненькая фигурка с короткими волосами, сияющими, как нимб, – и в эту секунду я вспомнил, как впервые увидел ее на Гиперионе, в долине Гробниц Времени.

Заметив меня, она усмехнулась.

– Эй, буль! – крикнула она. (Старая шутка, которую она еще ребенком вычитала в какой-то книге.)

– Эй, скаут! – прокричал я в ответ на том же шутовском жаргоне.

Мы остановились в пяти шагах друг от друга. Мне безумно хотелось броситься к ней, прижать ее к себе и умолять, чтобы она больше не исчезала. Но я сдержался. Кактусы чолья

и кусты полыни отбрасывали длинные тени. Щедрое утреннее солнце омывало нашу смуглую кожу оранжевым сиянием.

– Как настроение в отряде? – спросила Энея. Судя по виду, она все три дня голодала. Она всегда была худенькая, но сейчас ребра прямо-таки выпирали под тонкой хлопчатобумажной футболкой. Ее губы пересохли и потрескались. – Они взбудоражены?

– Ходят под себя кирпичами. – Все эти годы я избегал солдафонских шуток в разговоре с ребенком, но ей ведь уже шестнадцать. А кроме того, порой она употребляла такие словечки, которых не знал даже я.

Энея усмехнулась. Солнце позолотило светлые пряди в ее коротких волосах.

– Ну, думаю, для архитекторов это не вредно.

Я потер подбородок. Пора бриться, уже отросла щетина.

– Серьезно, детка. Они более чем взбудоражены.

Энея кивнула:

– Ага. Они не знают, что делать и куда податься. – Она прищурилась и посмотрела на лагерь: беспорядочное нагромождение камней среди кактусов. На невидимых окнах играли блики. – Давай соберем всех в музыкальном павильоне и поговорим. – И, не дожидаясь ответа, Энея быстро зашагала к Талиесину.

Так начался наш последний день на Земле.

... Я слышу свой голос в скрайбере и вспоминаю, что как раз на этой фразе надолго замолчал. Я хотел рассказать тогда все об этих четырех годах изгнания на Старой Земле – о каждом ученике, о каждом в Талиесинском братстве, о Старом Архитекторе, о его причудах и мелочных придирках, о его блестящих идеях и детской восторженности. Я хотел записать все наши разговоры с Эней за эти сорок восемь местных месяцев (которые – чему я не переставал изумляться – в точности соответствовали *стандартным* месяцам Гегемонии), хотел рассказать, как постепенно приходило ко мне понимание ее невероятных способностей. Наконец, я хотел рассказать обо всех своих вылазках – о кругосветном путешествии на катере, о долгой, полной приключений поездке на автомобиле по Северной Америке, о том, как мне попадались в пути другие группки людей, объединившиеся вокруг кибридов великих личностей прошлого (чего только стоила одна община кибрида Иисуса из Назарета в Новой Палестине). Но, услышав на скрайбере свое молчание, я вспомнил, почему не стал об этом рассказывать.

Я уже говорил, что пишу эти слова в «кошачьем ящике» Шредингера на орбите Армагаста, в ожидании смерти: как только сработает детектор, в воздух будет запущен цианид. Смерть будет быстрой, почти мгновенной. И я должен успеть рассказать вам нашу – мою и Энеи – историю. Я спешу, поэтому стараюсь говорить лишь о главном, не отвлекаясь на мелочи.

Поэтому скажу только, что эти четыре года на Земле достойны подробного описания. Если коротко, то девяносто человек Талиесинского братства были разными – честными (и не очень) и интересными, как все мыслящие человеческие существа, каждый – со своей историей. Да, они достойны отдельного рассказа. Как и мои путешествия в катере и в фургоне «Вуди» 1948 года, который одолжил мне Старый Архитектор. При желании об этом можно написать настоящую эпическую поэму.

Но я не поэт. Я, как следопыт, возвращаюсь к прошедшим дням, и сейчас моя цель – проследить путь Энеи, проследить, как она выросла и стала мессией, и не идти по другим следам. И так я и сделаю.

Старый Архитектор всегда называл наше поселение «привалом в пустыне». Большинство учеников именовали его Талиесином, что по-валлийски означает «сияющее чело» (мистер Райт был родом из Уэльса). Я долго пытался вспомнить планету под названием Уэльс, пока до меня не дошло, что Старый Архитектор жил и умер задолго до эры космических полетов. Энея

чаще всего называла поселок «Талиесин-Уэст», из чего следовало – даже для таких тупых, как я, – что где-то должен быть Талиесин-Ист.

Когда три года назад я спросил ее об этом, Энея объяснила, что настоящий мистер Райт построил свой первый Талиесин в начале тридцатых годов двадцатого века в Спринг-Грин, в штате Висконсин (штат – территориальная единица в бывшем североамериканском государстве, которое называлось Соединенные Штаты Америки). А когда я спросил Энею, походил ли тот Талиесин на нынешний, она ответила:

– Не очень. В Висконсине было несколько Талиесинов, и почти все они сгорели. Вот почему мистер Райт построил здесь столько бассейнов и фонтанов – на случай пожара.

– Значит, он построил первый Талиесин в тридцатых годах?

Энея покачала головой:

– В тридцать втором он основал Талиесинское братство. Но сам он рассматривал это главным образом как возможность использовать бесплатный труд своих учеников – и для того, чтобы воплотить мечту, и для того, чтобы не умереть с голоду во время Депрессии.

– А что такое Депрессия?

– Экономический спад в древних капиталистических государствах. Вспомни, в те времена экономика не была по-настоящему универсальной и зависела от частных коммерческих структур, называемых банками, от золотых запасов и от реальной стоимости денег – железных монет и кусочков бумаги, которые, как тогда полагали, имели определенную ценность. Короче говоря, массовая галлюцинация, а в тридцатые годы галлюцинация обернулась кошмаром.

– О Боже!

– Вот именно. Как бы то ни было, задолго до этого, в 1909 году, мистер Райт, будучи уже не первой молодости, бросил жену и шестерых детей и сбежал в Европу с замужней женщиной.

Я ошарашено заморгал. Представить, что у восьмидесятилетнего Старого Архитектора был бурный роман, закончившийся столь скандально, было довольно трудно. И еще я никак не мог понять, каким образом вся эта история связана с моим вопросом про Талиесин-Ист.

– Когда он вернулся сюда с той, другой женщиной, – заметив, как внимательно я ее слушаю, Энея улыбнулась, – он начал строить первый Талиесин – в своем родном Висконсине для Мамочки...

– Для своей матери? – Я окончательно запутался.

– Для Мамочки Бортвик. Миссис Ченни. Для другой женщины.

– Ой!

Перестав улыбаться, она продолжила:

– Скандал лишил его работы, сделал его здесь, в Штатах, настоящим изгоем. Но он выстроил Талиесин и начал все с нуля, пытаясь отыскать новых заказчиков и покровителей. Его первая жена, Кэтрин, не желала давать ему развод. Газеты – так назывались базы данных, которые наносились на бумагу и регулярно распространялись, – лакомились сплетнями и раздували скандал, не позволяя ему затихнуть.

Во время разговора мы прогуливались по внутреннему дворику. Помню, как раз в этот момент мы остановились у фонтана. Меня всегда изумляло, сколько всего знает этот ребенок.

– А потом, – продолжила Энея, – пятнадцатого августа 1914 года один из рабочих в Талиесине сошел с ума, зарубил Мамочку Бортвик, ее сына Джона и дочь Марту топором, сжег их тела, подпалил лагерь и, прежде чем проглотить ампулу с ядом, убил еще четверых друзей и учеников мистера Райта. Лагерь сгорел дотла.

– Боже мой, – прошептал я, оглянувшись на столовую, где кибрид Старого Архитектора обедал вместе с самыми старшими учениками.

– Он никогда не сдавался. Через несколько дней, восемнадцатого августа, мистер Райт объезжал искусственное озеро близ Талиесина. Плотина не выдержала, и его смыло в реку. Вопреки всему он выплыл. А через пару недель начал строить заново.

Тут мне показалось – я понимаю, что она хочет сказать.

– Почему же мы не в том Талиесине? – спросил я, когда мы побрели по пустынному дворику, удаляясь от журчащего фонтана.

– Хороший вопрос. – Энея покачала головой. – Боюсь, на этой восстановленной Земле его не существует. Хотя для мистера Райта тот Талиесин значил очень многое. Он умер здесь... в окрестностях Талиесин-Уэста... Девятого апреля 1959 года... Но похоронен был в том Талиесине, в Висконсине...

Я резко остановился. Мысль о том, что Старый Архитектор смертен, раньше никогда не приходила мне в голову и теперь вызвала смутное беспокойство. Здесь, в изгнании, все было таким спокойным, неизменным, но сейчас Энея напомнила мне, что всему – и всем – когда-нибудь приходит конец. Или, точнее, приходил конец, пока Церковь не подарила человечеству крестоформы и – вместе с ними – воскресение плоти. Впрочем, никто в нашем братстве – а возможно, вообще никто на этой похищенной Земле – не желал принимать крестоформ.

Этот разговор состоялся три года назад. Сегодня утром, через неделю после смерти кибрида Старого Архитектора, мы были готовы встретить неизбежный конец.

Пока Энея принимала душ и приводила себя в порядок, я разыскал А.Беттика, и мы с ним пошли известить всех о собрании в музыкальном павильоне. Синекоежего андроида, кажется, нисколько не удивило, что Энея, самая младшая из нас, приняла это решение. Последние несколько лет и А.Беттик, и я молча наблюдали, как девочка постепенно становится лидером Талиесинского братства.

С пустыря – в дом obsługi, из дома obsługi – на кухню, там я ударил в большой колокол, висевший над гостевым столом. Те ученики и работники, которых я не предупредил, наверняка услышат колокол и придут узнать, что случилось.

Выйдя из кухни, я объявил о собрании в общей столовой, а потом заглянул еще в личную столовую мистера Райта – сейчас пустую – и в чертежную залу. Это было, пожалуй, самое любопытное помещение в лагере: длинные ряды кульманов и столов под наклонной брезентовой крышей. Утренние лучи сочились сквозь два ряда окон. Запах нагретого солнцем брезента был так же приятен, как щедрый желтый свет. Как-то раз Энея сказала мне, что именно из-за этого ощущения – будто работаешь в доме из света, ткани и камня – мистер Райт и переехал на запад, во второй Талиесин.

В чертежной зале было с десяток учеников, все сидели без дела – сейчас никто не работал, ведь не было больше Старого Архитектора, а без него – с кем обсудить проект? – и я сообщил, что Энея хотела бы собрать нас всех в музыкальном павильоне. Никто не возразил. Похоже, все приняли как само собой разумеющееся, что шестнадцатилетняя девочка просит девяносто человек (и все – старше нее) собраться в разгар рабочего дня. Более того, учеников обрадовало известие, что она вернулась и взяла заботу о них на себя.

Из чертежной залы я направился в библиотеку, где провел столько счастливых часов, а потом заглянул в конференц-зал, освещенный четырьмя встроенными в пол светопанелями, и сообщил о собрании всем, кого застал там. Крытый переход привел меня в театр, там Старый Архитектор по субботам показывал фильмы. Стоило мне туда заглянуть, как меня тут же начинал разбирать смех. Обстановка была весьма торжественная: толстые каменные стены, крыша, наклонный пол, покрытый потертым красным ковром, фанерные скамьи с красными подушками, сотни белых рождественских гирлянд на потолке. Когда мы с Энеей только были в Талиесин, мы были изумлены, узнав, что Старый Архитектор требует, чтобы ученики и их родственники «одевались к обеду» – причем исключительно в старинные смокинги с черными галстуками, совсем как в исторических голофильмах. Женщины непременно должны были надеть старинное вечернее платье. Те, кто, путешествуя через порталы или Гробницы

Времени, не захватил с собой вечерний костюм, снабжались одеждой из собственных запасов мистера Райта.

В первую же субботу Энея вместо выданного ей вечернего платья надела к обеду черный смокинг, белую рубашку и черный галстук. Посмотрев на весьма выразительную физиономию Старого Архитектора, я ни на секунду не усомнился: сейчас он неминуемо вышвырнет нас из братства и изгонит в пустыню, но возмущение на его лице почти тут же сменилось улыбкой, а через несколько секунд он уже весело смеялся. С тех пор он ни разу не просил Энею надеть что-нибудь другое.

После официальных субботних обедов мы слушали музыку или смотрели кино – древние фильмы, снятые на пленку, которые крутил специальный аппарат. Это было все равно что наслаждаться пещерным искусством. И мне, и Энее нравились фильмы, которые подбирал мистер Райт – пленки двадцатого века, многие еще черно-белые, – и по причине, которую он никогда не объяснял, старик предпочитал смотреть их с титрами, прыгавшими на экране.

Сегодня театр был пуст, рождественские гирлянды погашены. Я поспешил дальше, из комнаты в комнату, из здания в здание, созывая учеников, рабочих и всех, кто попадался мне на пути, пока не встретил у фонтана А.Беттика. А тогда мы присоединились к толпе и двинулись к музыкальному павильону.

В павильоне был большой, просторный зал с широкой сценой и шестью рядами зачехленных кресел – по восемнадцать в каждом ряду. Стены обшиты панелями красного дерева (Старый Архитектор вообще любил красный цвет). На застеленной красным ковром сцене – рояль и несколько цветов в кадках. Над головой, на каркасе из стальных прутьев и деревянных балок, – белый брезент. Энея рассказывала, что после смерти первого мистера Райта брезент заменили на пластик – хлопот меньше. Но когда пришел наш мистер Райт, пластик убрали, убрали и стекла в чертежной зале – и вновь вернулся приглушенный свет, сочившийся сквозь белую ткань.

Мы с А.Беттиком остановились у дальней стены. Пришедшие, тихо переговариваясь, занимали места, кое-кто остался стоять в проходе. Когда Энея, раздвинув занавес, выбежала на сцену, все разом умолкли.

Акустика в музыкальном павильоне мистера Райта была хорошая, а Энея и без того обладала способностью говорить, не повышая голоса, но так, чтобы ее слышали все.

– Спасибо, что пришли. Я думаю, мы должны поговорить.

С пятого ряда тут же поднялся Джев Питерс, один из старейших учеников.

– Ты уходила, Энея. Снова в пустыню. – Девочка кивнула. – Ты беседовала с львами, тиграми и медведями?

Никто не захихикал, не зашушукался. Вопрос был задан вполне серьезно, и все девяносто человек столь же серьезно ожидали ответа. Здесь я должен кое-что объяснить.

Все началось с «Песней» Мартина Силена, написанных больше двух столетий назад. В повествовании о паломничестве на Гиперион, о Шрайке, о битве человечества с Техно-Центром объяснялось, как первые киберпространственные сети превратились в планетарные инфосферы. В эпоху Гегемонии ИскИны Техно-Центра, используя нуль-порталы и мультилинии, объединили сотни инфосфер в единую, тайную, межзвездную инфосферу, названную мегасферой. Но согласно «Песням», отец Энеи – кибрид Джона Китса – добрался в бестелесной форме до центра мегасферы и обнаружил, что существует еще одна, большая инфосфера, протянувшаяся, возможно, за пределы нашей галактики, – метасфера, в которую даже ИскИны не рискуют заглядывать, потому что она полна «медведей, тигров и львов» – это слова ИскИны Уммона. Эти самые существа – или интеллекты, или боги, кто их разберет, – тысячу лет назад похитили Землю и перебросили сюда, пока ее не успел уничтожить Техно-Центр. Эти вот львы, тигры и медведи были незримыми стражами нашей планеты. Никто из братства никогда не

видел ни одну из этих сущностей, никто с ними не говорил, никто не имел твердых доказательств их существования. Никто, кроме Энеи.

– Нет, – ответила девочка, – я с ними не разговаривала. – Она опустила глаза, словно смутившись. Она вообще всегда очень сдержанно говорила на такие темы. – Но, мне кажется, я слышала их.

– Они говорили с тобой? – спросил Джев Питерс. В зале повисла тишина.

– Нет. Этого я не сказала. Я просто... слышала их... Совсем немного, это – как если бы вы случайно подслушали чей-то разговор за стенкой...

Многие заулыбались. Толстыми в домах Талиесинского братства были только наружные стены, а перегородки между спальнями – исчезающе тонки.

– Ладно, – сказала с первого ряда Бетс Кимбол, наш шеф-повар – дородная, рассудительная женщина. – Расскажи нам, о чем они говорили.

Энея подошла к самому краю покрытой красным ковром сцены и оглядела собравшихся.

– Сейчас скажу. У нас не будет больше продуктов и товаров с индейского рынка. Он исчез.

Казалось, в павильоне взорвалась граната. Когда гомон немного стих, вперед выступил Хасан – один самых сильных строительных рабочих.

– Что значит «исчез»? Где же мы будем доставать еду?

Для паники имелись все основания. При первом мистере Райте, в двадцатом веке, лагерь братства в пустыне располагался километрах в пятидесяти от крупного города Феникс. В отличие от висконсинского Талиесина, где во времена Депрессии ученики сами выращивали злаки на плодородных землях, попутно работая на строительстве мистера Райта, этот лагерь полностью зависел от Феникса – ученики ездили туда за продуктами и прочими необходимыми вещами, они выменивали их или покупали на бумажные деньги. Старый Архитектор всегда полагался на щедрость клиентов и жил в долг, из месяца в месяц.

Но рядом с нашим лагерем никаких городов не было. Единственная дорога – две засыпанные гравием колеи – уходила на запад, в пустоту. Я это знал, ведь я облетал окрестности на катере и обследовал на автомобиле. Но километрах в тридцати от лагеря еженедельно собирались индейцы, и мы выменивали на разные безделушки провизию и подручные материалы. Так было задолго до нашего с Энеей прибытия на Землю, и, видимо, все обитатели Талиесина считали, что так будет всегда.

– Что значит «исчез»? – хрипло повторил Хасан. – Куда подевались индейцы? Они что, все были кибридами, как мистер Райт?

Энея повела рукой. Я уже привык к этому жесту, аналогу буддийского выражения «му», которое в определенном контексте может быть переведено как «не задавай вопросов».

– Рынок исчез потому, что нам он больше не нужен, – сказала Энея. – Индейцы были вполне настоящие – навахо, апачи... Но они живут своей жизнью, у них – свой эксперимент. С нами они торговали... из любезности.

Все загомонили, многие что-то злобно выкрикивали. Когда шквал недовольства поутих, Бетс Кимбол спросила:

– Что нам делать, девочка?

Энея села на край сцены, не желая отделять себя от остальных.

– Братства больше не существует. Этот этап нашей жизни завершен.

– Неправда! – прокричал из глубины зала молодой ученик. – Мистер Райт вернется! Он же кибрид, вспомните! Искусственный человек! Техно-Центр... или медведи, тигры и львы... Кто бы его ни сотворил, они вернут его нам!

Энея покачала головой – печально, но решительно:

– Нет. Мистер Райт ушел. Братства больше не существует. Без пищи и материалов, которые издавна привозили индейцы, лагерь в пустыне не протянет и месяца. Мы вынуждены уйти.

– Куда, Энея? – тихо спросила Пере, одна из самых молодых учениц в Талиесине.

Пожалуй, именно тогда я впервые понял, что все эти люди целиком полагаются на молодую женщину, которую я до сих пор считал ребенком. Когда Старый Архитектор был рядом – читал лекции, вел семинары, устраивал дискуссии в чертежной зале, возглавлял вылазки в горы, требовал для себя уединения и лучшей пищи, – отношение к Энее как к лидеру было не столь явным. Но теперь все стало очевидным.

– Да, – поддержал кто-то из середины зала. – Куда, Энея?

Она развела руками. Тоже привычный жест: «Вы должны сами ответить на свой вопрос».

– Есть два варианта, – сказала она. – Каждый из вас пришел сюда либо через портал, либо через Гробницы Времени. Вы можете вернуться через тот же портал...

– Нет!

– Как?

– Никогда... Лучше умереть!

– Нет! Орден выследит нас и убьет!

Все кричали одновременно. Их слова выражали глубинный ужас. Я чувствовал запах страха, такой запах исходил от животных, попадавших в мои капканы на Гиперионе.

Энея подняла руку, и все умолкли.

– Вы можете вернуться через порталы в Священную Империю или остаться на Земле, но тогда вам самим придется заботиться о себе.

Многие облегченно вздохнули – выходит, можно не возвращаться. Я их понимал: для меня Орден тоже стал кошмаром. По крайней мере раз в неделю я просыпался в холодном поту: мне снилось, что я возвращаюсь.

– Но если вы останетесь, – продолжила девочка, все так же сидя на краю сцены, – вы окажетесь в одиночестве. У людей, которые здесь живут, свои эксперименты. Свои проекты. Вы здесь не нужны.

В зале вновь поднялся шум, но Энея словно ничего не замечала.

– Если вы останетесь здесь, – спокойно продолжала она, – вы потеряете все, чему научил вас мистер Райт, и то, чему вы научились сами. Земле не нужны архитекторы. Сейчас не нужны. Мы вынуждены вернуться.

– А Ордену они нужны? – ехидно поинтересовался Джев Питерс. – Например, чтобы строить их проклятые церкви?

– Да, – кивнула Энея.

Джев стукнул кулаком по спинке кресла.

– Но они схватят нас и убьют, как только узнают, кто мы... откуда мы...

– Да, – повторила Энея.

– Ты возвращаешься, девочка? – спросила Бетс Кимбол.

– Да, – в третий раз сказала Энея и соскочила со сцены.

Все встали, громко переговариваясь с соседями. Джев Питерс высказал то, что думали все девяносто человек:

– Мы можем пойти с тобой, Энея?

Девочка вздохнула:

– Нет. Мне кажется, уйти отсюда – все равно что умереть или родиться. И каждый решит для себя этот вопрос сам. – Она улыбнулась. – Или с очень близкими друзьями.

Наступила тишина.

– Рауль уйдет первым, – наконец сказала Энея. – Сегодня вечером. Один за другим, каждый из вас сам найдет свой портал. Я помогу вам. Я последней уйду с Земли. Но уйду, обязательно уйду, не позже, чем через две недели. Мы все должны уйти.

Люди стали подходить к сцене, потянулись к девочке с коротко стриженными волосами.

– Некоторые из нас еще встретятся снова. Я уверена, что некоторые из нас еще встретятся.

В ее словах я услышал другое: не все мы доживем до следующей встречи.

– Что ж, – прогудела Бетс Кимбол, обнимая Энею за плечи, – продуктов на прощальный пир у нас хватит. Нынешний ужин вы запомните надолго! Как говорила моя мамаша, никто не путешествует на пустой желудок. Кто поможет мне на кухне?

Люди начали расходиться – группами, семьями, – и все старались держаться поближе к Энее. В эту секунду мне очень хотелось схватить ее за плечи, встряхнуть хорошенечко и завопить: «Какого черта! „Рауль уйдет первым... сегодня вечером“. Да кто, черт побери, ты такая, чтобы указывать, когда мне уходить? И как ты думаешь меня заставить?» Но она была слишком далеко и вокруг нее толпилось слишком много народу. А потому мне осталось одно – с очень злобным видом плестись за толпой, медленно продвигавшейся к кухне.

Энея оглянулась, высматривая меня поверх голов, и в ее глазах была просьба: «Позволь мне все объяснить».

Я отвернулся.

В сумерках она нашла меня в ангаре, который мистер Райт велел выстроить в полукилометре к востоку от лагеря. Вместо стен висели брезентовые полотнища, четыре мощные каменные колонны подпирали деревянную крышу. Этот ангар выстроили специально для катера, на котором мы с Энеей и А.Беттиком прилетели на Землю.

Я откинул брезентовый полог и стоял у открытого люка катера, и тут я увидел Энею, которая шла ко мне по пустыне. У меня на запястье был комлог – браслет, который я не надевал уже больше года; там хранилась почти вся память бортового компьютера – компьютера корабля Консула, и он здорово мне помог, когда я учился управлять катером. Сейчас он мне был не нужен – память комлога загрузили в компьютер катера, да и сам я уже вполне освоился с управлением, но с ним все равно казалось как-то надежнее. Комлог проводил проверку всех систем катера и, если можно так выразиться, что-то бормотал себе под нос.

Энея остановилась в дверях, прямо под откинутым пологом. В косых лучах закатного солнца брезент казался багровым, и все вокруг было исчерчено длинными черными тенями.

Я демонстративно отвернулся.

– Как катер? – спросила она.

Бросив взгляд на комлог, я, не поворачиваясь, ответил:

– Нормально.

– Топлива достаточно?

Я все так же сосредоточенно изучал крышку люка.

– Смотря куда лететь.

Энея подошла ближе и взяла меня за руку.

– Рауль?

На этот раз пришлось на нее посмотреть.

– Не сердись. – Она улыбнулась. – Есть вещи, которые мы вынуждены делать.

Я отдернул руку.

– Иди ты ко всем чертям! И нечего за всех решать, что кому делать! Тоже мне, шестнадцатилетняя соплюшка, а туда же! А ты не думаешь, что есть вещи, которые некоторые из нас как раз и не вынуждены делать? С какой стати я должен куда-то лететь без тебя? – Я выскочил

из ангара и решительно направился к своей палатке. Огромный багровый шар уходил за горизонт. В низких закатных лучах весь лагерь пылал, словно охваченный пожаром.

– Рауль, стой!

– Я нехотя оглянулся, и тут вдруг до меня дошло, насколько она измучена. Весь день она разговаривала, успокаивала, убеждала, объясняла. Прямо не братство, а какое-то гнездо вампиров, которые только ее энергией и живут.

– Ты сказал...

– Ну, сказал, – перебил я. И тут же понял, что веду себя как капризный ребенок. Смутившись, я снова отвернулся, делая вид, будто любуюсь последними красками заката. Несколько минут мы оба молчали, глядя, как сгущаются тени и тускнеет небо на западе. Сколько раз за эти четыре года мы с Энеей вместе смотрели на закат? Сколько долгих вечеров провели за разговорами под звездным небом пустыни? Неужели и впрямь этот закат – наш последний? Я невольно вздрогнул.

– Рауль, – снова позвала Энея, когда сумерки сгустились и стало холодно. – Пойдем со мной?

Я не сказал «да», но я пошел за ней по каменистой осыпи, сосредоточенно глядя под ноги, чтобы не наступить в темноте на какую-нибудь юбку или на очередной кактус. Так мы и шли, пока не дошли до лагеря. Горел свет. Интересно, долго проработают генераторы? В главном резервуаре топлива на шесть дней, в запасном – еще на десять. Индейского рынка нет – значит, запасы пополнить не удастся. Три недели света и... и что дальше? Темнота, упадок, полная остановка строительства – и неминуемая гибель нашего Талиесина...

Я думал, мы направляемся к столовой, но мы миновали освещенные окна – за столами сидели люди, они о чем-то переговаривались, и все провожали взглядами Энею (меня они сейчас не замечали). А мы все шли – мимо студии мистера Райта, мимо конференц-зала, мимо чертежной залы...

Остановились мы только около мастерской. Она стояла на отшибе, специально для работы со всякими ядохимикатами и прочей гадостью. Последнее время я сюда не заглядывал.

В дверях ждал А.Беттик. Андройд улыбался – точно так же, как когда принес на день рождения Энеи шоколадный торт.

Энея молча вошла в мастерскую и включила свет.

На верстаке стояла маленькая лодка, не больше двух метров в длину, похожая на заостренное с обоих концов зерно. Сверху она была затянута непромокаемой тканью, только у кокпита оставалось небольшое отверстие с тубусом – очевидно, для гребца. Рядом лежало весло с двумя лопастями. Я осторожно приблизился и провел рукой по корпусу: гладкий фибропласт на жестком алюминиевом каркасе. Никто, кроме А.Беттика, не смог бы это соорудить. Я негодуя глянул на андроида. Он кивнул.

– Это каяк, – объяснила Энея. – Такие лодки очень давно делали на Старой Земле.

– Видел я эти каяки. У мятежников с Ледяного Когтя были, помню, похожие.

Энея пропустила мою реплику мимо ушей.

– А.Беттик сделал его для тебя по моей просьбе, – спокойно продолжала она. – Несколько недель он не выходил из мастерской.

– Для меня, – тупо повторил я, и меня пробрала дрожь. Теперь понятно, что мне предстоит.

Энея подошла ближе. Она стояла прямо под лампой, и темные круги под глазами казались еще темнее. Сейчас она выглядела гораздо старше своих шестнадцати лет.

– Понимаешь, Рауль, ведь плота у нас больше нет.

Я знал, о каком плоте речь. О том, на котором мы пересекли множество планет и который был уничтожен во время схватки на Роще Богов. Он пронес нас сквозь ледяные пещеры Седь-

мой Дракона, сквозь пустыни Кум-Рияда и пески Хеврона, по океану Безбрежного Моря... Да, я знал, о каком плоте речь. И догадывался, что для меня означает эта лодка.

– Значит, я плыву обратно? Тем же путем?

– Другим. Вниз по реке Тетис. Через другие миры. Через много других миров. Пока река не приведет тебя к кораблю.

– К кораблю? – Мы оставили поврежденный звездолет Консула на неизвестной планете. Девочка кивнула, и на миг тени под глазами исчезли.

– Нам нужен корабль, Рауль. Если можешь, пожалуйста, выполни мою просьбу. Спустись на каяке по реке Тетис, отыщи корабль и прилети на нем туда, где будем ждать мы с А.Беттиком.

– В пространство Ордена? – Меня охватил ужас.

– Да.

– Почему я? – Я посмотрел на А.Беттика и тут же сам устыдился своих мыслей: «Зачем посылать человека... своего лучшего друга... когда есть андроид?» Я опустил глаза.

– Путешествие будет опасным. Я верю в тебя, Рауль, верю, что ты справишься. Верю, что ты найдешь корабль и вернешься к нам.

Я невольно расправил плечи.

– Ладно. Нам надо вернуться к тому portalу, через который мы сюда прилетели?

– Нет. Есть другой, ближе. На Миссисипи.

– Ладно, – повторил я. Над Миссисипи я летал. До нее отсюда около двух тысяч километров к востоку. – Когда выходим? Завтра?

Энея взяла меня за руку.

– Нет, – устало проговорила она. – Сегодня. Сейчас.

Я не возражал. Не спорил. Ни слова не говоря, я взялся за нос каяка. А.Беттик подхватил корму, Энея пристроилась посередине, и мы потащили треклятую лодку к катеру.

3

Великий Инквизитор задерживался. Ватиканский дорожный контроль провел ТМП Инквизитора через закрытую зону вблизи космопорта, перекрыв все движение в восточном секторе Ватикана и продержав тридцатитысячетонный грузовик на орбите до тех пор, пока машина Великого Инквизитора не пролетела над юго-восточной посадочной площадкой.

А в бронированном ТМП Великий Инквизитор – его преосвященство Джон Доменико кардинал Мустафа – не любовался дивными видами приближающегося Ватикана: ни вырастающими в рассветных лучах древними стенами, ни загруженным транспортом двадцатирядным шоссе Понте-Витторио-Эмануэле, переливающимся, как покрытая рябью река. Все внимание Великого Инквизитора был приковано к разведданным, выдаваемым на экран комлога.

Когда последний параграф, промелькнув на экране, был записан в память с запретом доступа, Великий Инквизитор спросил своего помощника, отца Фаррелла:

– И больше не было никаких встреч с торговцами?

Отец Фаррелл, худощавый мужчина с невыразительными серыми глазами, никогда не улыбался, но сейчас его лицо дернулось в ответ на шутку кардинала.

– Нет.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

Великий Инквизитор откинулся в кресле и позволил себе мимолетную улыбку. Торговцы совершили только одну – преждевременную, неудачную попытку прощупать кандидата на Святой Престол, вышеупомянутого кардинала Лурдзамийского, и Инквизитор только что прослушал полную запись этой встречи. Кардинал позволил себе еще одну мимолетную улыбку: Лурдзамийский был прав, полагая, что его приемная полностью защищена от прослушивания. Любое записывающее устройство – даже имплантированное одному из посетителей – было бы немедленно обнаружено и удалено. Любая попытка направить сверхчувствительные микрофоны снаружи также была бы пресечена в зародыше. И сейчас настал звездный час Великого Инквизитора, получившего полную видео– и аудиозапись тайной встречи.

Два стандартных года назад монсеньор Лукас Одди лег в ватиканскую клинику на профилактическую пересадку сердца и замену слуховых и зрительных нервов. Отец Фаррелл имел беседу с хирургом и выказал готовность ознакомить его со всеми достопримечательностями Священной Канцелярии, если тот не имплантирует в тело монсеньора вполне определенное высокотехнологическое устройство. Хирург выполнил поручение и весьма скоро погиб истинной смертью без всякой надежды воскресения в автокатастрофе на Большой Северной Отмели.

У монсеньора Лукаса Одди не было ни электронных, ни механических жучков, просто к его зрительному нерву подсоединили семь бионанорекордеров. Еще четыре аудионанорекордера подключили к его слуховому нерву. Сами биорекодеры ничего не транслировали, они лишь сохраняли данные в химической форме и прогоняли их по кровеносной системе на импульсный передатчик – тоже полностью органический, – вживленный Одди в левый желудочек. Ровно через десять минут после того, как Одди покинул защищенный от прослушивания кабинет кардинала Лурдзамийского, передатчик выдал направленный импульс на один из близлежащих транспондеров. Информация из приемной кардинала Лурдзамийского поступала не в режиме реального времени – факт, по-прежнему печаливший Джона Доменико Мустафу, – но максимально быстро, настолько быстро, насколько позволяла современная технология.

– Исодзаки напуган, – сказал отец Фаррелл. – Он думает...

Великий Инквизитор поднял указательный палец. Фаррелл умолк на полуслове.

– Вы не знаете, напуган он или нет, – проговорил кардинал. – Вы не знаете, о чем он думает. Вы знаете только, что он говорит и что он делает, и на основе этого делаете выводы

о его мыслях и чувствах. *Никогда* не стройте необоснованных предположений относительно ваших врагов, Мартин. Ошибка может оказаться фатальной.

Отец Фаррелл склонил голову в знак покорности и согласия.

ТМП приземлился на крыше замка Святого Ангела. Великий Инквизитор столь стремительно шагнул к люку и спустился по трапу, что Фарреллу пришлось совершить небольшую пробежку, чтобы догнать своего наставника. Коммандос из безопасности, одетые в алые доспехи Священной Канцелярии, тут же выстроились в эскорт, но Великий Инквизитор небрежным взмахом руки отослал их прочь. Он хотел закончить разговор с отцом Фарреллом. Кардинал взял своего помощника за руку – не из нежных чувств, но чтобы замкнуть цепь, – и перешел на субзвуковую речь.

Исодзаки и лидеры торговцев не напуганы. Если бы кардинал Лурдзамийский пожелал от них избавиться, они были бы уже мертвы. Исодзаки нужно было сообщить, что торговцы его поддержат. И он это сообщил. Кто на самом деле напуган – это военные.

Отец Фаррелл нахмурился и передал по субзвуковой костной цепи:

Военные? Но они еще не разыграли свою карту. Они не совершили никакого предательства.

Именно, – отозвался Великий Инквизитор. *– Торговцы свой ход сделали и знают, что, когда придет время, кардинал Лурдзамийский обратится за помощью к ним. А командование Флота слишком долго боялось сделать неверный шаг. Сейчас они боятся, что ждали слишком долго.*

Фаррелл кивнул. Они спустились по гравиколодцу в каменные недра замка Святого Ангела и теперь шли темными коридорами мимо облаченных в броню гвардейцев, сквозь смертоносные силовые поля. У не приметной стальной двери несли караул двое коммандос в алых доспехах, с энергетическими ружьями на изготовку.

– Свободны, – бросил Великий Инквизитор и приложил ладонь к идентификационной пластине. Стальная дверь неслышно скользнула в сторону.

Каменный коридор был мрачным и темным. В комнате ослепительно яркий свет играл на стерильных поверхностях и приборных панелях. Техники, оторвавшись от работы, посмотрели на Великого Инквизитора. Одну стену целиком занимали квадратные дверцы, более всего напоминавшие торцы выдвижных гробов в древнем морге. Одна из этих дверок была открыта, и на выдвинутой из ледяного хранилища плите лежал обнаженный мужчина.

Великий Инквизитор и отец Фаррелл подошли поближе.

– Он быстро восстанавливается, – сообщил техник, стоявший у пульта. – Мы держим его на грани сознания. Можем привести в чувство за несколько секунд.

– Как долго продолжался последний холодный сон? – спросил отец Фаррелл.

– Шестнадцать локальных месяцев. Тринадцать с половиной стандартных.

– Разбудите его, – приказал Великий Инквизитор.

Секунда – и веки мужчины дрогнули. Он был невысок, подтянут и мускулист, на теле – ни шрамов, ни кровоподтеков. Руки и ноги крепко связаны. За левым ухом был вживлен нейрошунт, от которого почти невидимые оптоволоконные провода тянулись к консоли.

Человек застонал.

– Капрал Бассин Ки, – позвал Великий Инквизитор. – Вы меня слышите?

Капрал Ки издал какой-то нечленораздельный звук.

Великий Инквизитор кивнул и продолжил тоном светской беседы:

– Ну что, капрал, начнем с того, на чем мы остановились?

– Долго... – с трудом шевеля сухими, застывшими губами, проговорил капрал Ки. – Долго я...

Отец Фаррелл, подойдя к пульту управления, кивнул Мустафе.

Оставив вопрос капрала без ответа, Джон Доменико кардинал Мустафа ласково поинтересовался:

– Почему вы с капитаном де Сойей отпустили девочку?

Капрал Ки открыл глаза, моргнул – словно свет причинял ему боль – и снова закрыл. Он ничего не сказал.

Великий Инквизитор кивнул своему помощнику. Отец Фаррелл пробежался пальцами по пиктограммам сенсорной панели, но не стал пока активизировать ни одну из них.

– Повторяю. Почему вы с де Сойей позволили девочке и ее преступным сообщникам бежать с Роши Богов? На кого вы работали? Каковы были ваши мотивы?

Капрал Ки лежал на спине, стиснув кулаки и крепко зажмурив глаза. Он по-прежнему молчал.

Великий Инквизитор едва заметно указал головой влево, и отец Фаррелл взмахнул двумя пальцами над пультом. Для человека непосвященного пиктограммы выглядели столь же абстрактно, как иероглифы, но Фаррелл хорошо знал их значение. Та, что он выбрал, символизировала раздавленные яички.

Капрал Ки судорожно вздохнул и открыл рот в безмолвном крике, но нейроингибиторы заблокировали звук.

Великий Инквизитор кивнул, и Фаррелл убрал пальцы с активной зоны над пиктограммой. По телу капрала пробежала дрожь, мышцы живота непроизвольно сократились.

– Это всего лишь виртуальная боль, – прошептал Великий Инквизитор. – Нейронная имитация. Ваше тело не пострадало.

Ки попытался изогнуться и посмотреть, правда ли это, но путы прочно держали его.

– А может, и нет, – продолжил кардинал. – Может, на этот раз мы прибегли к старым, менее изысканным методам. – Он подошел поближе к плите, так, чтобы Ки мог видеть его лицо. – Повторяю... почему вы и отец капитан де Сойя отпустили девочку на Роше Богов? Почему вы атаковали члена экипажа Радаманту Немез?

Капрал Ки оскалился в ухмылке:

– С-с-сука!

– Именно. – Великий Инквизитор снова кивнул отцу Фарреллу.

На этот раз Фаррелл активизировал пиктограмму «раскаленная проволока над правым глазом».

И вновь капрал Ки открыл рот в безмолвном крике.

– Итак, – ласково проговорил Великий Инквизитор, – почему?

– Прошу прощения, ваше преосвященство, – отец Фаррелл бросил взгляд на комлог, – но месса Конклава начинается через сорок пять минут.

Великий Инквизитор махнул рукой.

– У нас еще есть время, Мартин. У нас еще есть время. – Он тронул капрала Ки за плечо. – Факты, капрал. Всего несколько слов – и вас отведут в ванную, оденут и выпустят на свободу. Вы согрешили против Господа и Церкви, но сущность Церкви – прощение грехов. Объясните нам ваше предательство, и все будет прощено.

Это было поразительно – но капрал Ки расхохотался.

– Сволочь! – произнес он. – Ты уже заставил меня рассказать все, что я знаю, с помощью правдосказа. Тебе известно, почему мы прикончили эту стерву и отпустили ребенка. И ты никогда не выпустишь меня на свободу. Пошел ты...

Великий Инквизитор пожал плечами и отошел от капрала. Глянув на свой золотой комлог, он тихо сказал:

– У нас еще есть время. Много времени. – И кивнул Фарреллу.

Пиктограмма на пульте виртуальной боли, с виду напоминавшая обычные круглые скобки, означала раскаленный клинок в пищевод. Именно эту пиктограмму активизировал, изящно взмахнув пальцами, отец Фаррелл.

Отец капитан Федерико де Сойя был воскрешен на Пасеме и две недели провел на положении узника в ватиканской ректории Легионеров Христа. Ректорий был тихий и уютный. Маленький пухлый капеллан, отвечавший за воскрешение – отец Баджо, – как всегда, предупредителен, приветлив и заботлив. Де Сойя ненавидел это место и этого священника.

Никто прямо не сказал отцу капитану де Сойе, что ему возбранено покидать ректорий, ему просто дали понять, что он должен оставаться здесь, пока его не вызовут. Через неделю после воскрешения, когда он окреп и набрался сил, его вызвали в штаб-квартиру Имперского Флота, где он имел встречу с адмиралом Ву и ее шефом, адмиралом Марусиным.

Отец капитан де Сойя вошел в кабинет, отдал честь, встал «вольно» и приготовился слушать. Адмирал Марусин объяснил, что при повторном рассмотрении решения трибунала четырехлетней давности были выявлены нарушения и упущения в ведении дела. Дальнейшее изучение привело к отмене решения: отец капитан де Сойя должен быть немедленно восстановлен в прежнем звании капитана Флота. Было решено подыскать ему соответствующий корабль для несения боевой службы.

– Ваш старый факельщик «Бальтазар» уже несколько лет стоит в сухом доке, – сказал адмирал Марусин. – Полное переоборудование корабля класса «архангел-эскорт». Ваш помощник, капитан Стоун, – превосходный командир.

– Так точно, сэр, – ответил де Сойя. – Стоун была превосходным исполнителем. Уверен, из нее вышел хороший начальник.

Адмирал Марусин рассеянно кивнул, перелистывая веленовые страницы еженедельника.

– Да-да, – проговорил он. – Действительно хороший. Мы рекомендовали ее на новый «архангел» планетарного класса. У нас найдется «архангел» и для вас, отец капитан.

Де Сойя моргнул, постаравшись скрыть удивление.

– «Рафаил», сэр?

Адмирал поднял глаза, и на его обветренном, испещренном морщинами лице мелькнула тень улыбки.

– Да, «Рафаил», но не тот, каким командовали вы. Тот сейчас переименован и переоборудован для курьерской службы. Новый «архангел» «Рафаил»... кстати, отец капитан, вы что-нибудь слышали об «архангелах» планетарного класса?

– Нет, сэр. Ничего конкретного. – Кое-что он слышал на своей пустынной планете, проходя мимо кантины, где громко разговаривали пьяные шахтеры.

– Четыре стандартных года, – пробормотал Марусин, качая головой. Его седые волосы были аккуратно зачесаны назад. – Адмирал, введите Федерико в курс дела. Кратко.

Марджет Ву кивнула и прикоснулась к сенсорной панели на тактическом пульте, встроенном в стену. Между ней и капитаном де Сойей повисла голограмма звездолета. Отец капитан сразу заметил, что новый корабль превосходит старый «Рафаил» размерами, блеском, изяществом – и беспощадностью.

– Его Святейшество обратился с просьбой к каждой индустриально развитой планете Священной Империи построить – или по крайней мере финансировать постройку – одного боевого «архангела» планетарного класса, – отрывисто проговорила адмирал Ву. – За четыре года со стапелей сошел двадцать один крейсер. Еще шестьдесят почти готовы. – Изображение стало вращаться, все увеличиваясь. Внезапно лазерный луч рассек главную палубу. – Жилые помещения, рубка и тактический центр намного просторнее, чем на вашем старом «Рафаиле», – просторнее даже, чем на вашем старом факельщике. Двигатели – и квантовые, и термоядерные – в полтора раза меньше, при этом – эффективнее, надежнее, проще в эксплуатации. На борту

нового «Рафаила» – три катера и один скоростной разведбот. Автоматические саркофаги на двадцать восемь членов экипажа плюс двадцать два морских пехотинца.

– Защита? – спросил отец капитан де Сойя, сцепив руки за спиной.

– Силовые поля десятого уровня. Новейшие секретные технологии. Электроника класса «омега». Генератор помех. Кроме того – стандартный набор гиперкинетических и лазерных средств.

– Огневая мощь? – Де Сойя мог бы и сам оценить огневую мощь по апертурам на голограмме, но ему хотелось послушать, что скажет Марджет Ву.

Вместо нее ответил Марусин, и в его голосе звучала такая гордость, будто он демонстрировал де Сойе своего новорожденного внука.

– По всей длине корпуса – энергетические пушки, но питаются они не от термоядерного, а от квантового двигателя. Уничтожают все на расстоянии в половину астроединицы. Новые гиперкинетические ракеты Хоукинга – миниатюризированные! – в два раза легче и компактнее тех, которые были у вас на «Бальтазаре». Плазменные боеголовки. Нейродеструкторы...

Отец капитан де Сойя постарался сохранить невозмутимость. Нейродеструкторы во Флоте Ордена были запрещены.

Должно быть, Марусин заметил что-то в его взгляде.

– Времена меняются, Федерико. Этот бой – последний. Бродяги плодятся в своих норах как кролики. Если мы не остановим их сейчас, через год-другой они захватят Пасем.

Отец капитан де Сойя кивнул.

– Могу я узнать, сэр, какая именно планета финансировала постройку нового «Рафаила»?

Марусин усмехнулся и ткнул пальцем в голограмму. Корабль стал стремительно увеличиваться, словно наползая на де Сойю. Корпус раскололся как орех и открыл тактический центр, а изображение все увеличивалось и увеличивалось, пока отец капитан не смог разглядеть маленькую бронзовую табличку – «Корабль флота Его Святейшества „Рафаил“, а ниже: „Построен на средства жителей планеты Небесные Врата во спасение всего человечества“.

– Чему вы улыбаетесь, отец капитан? – спросил адмирал Марусин.

– Ну... сэр, это просто... да, дело в том, что я бывал на Небесных Вратах, сэр. Конечно, с тех пор прошло больше четырех лет, сэр, но тогда там проживало с десятков старателей да еще гарнизон на орбите. С тех пор как триста лет назад на планету напали Бродяги, сэр, там никто не селился. Я просто представить себе не могу, чтобы Небесные Врата финансировали такой корабль. Мне кажется, тут потребовался бы совокупный доход планеты типа Возрождение-Вектор...

Марусин по-прежнему усмехался.

– Абсолютно точно, отец капитан. Небесные Врата – это сущий ад: ядовитая атмосфера, кислотные дожди, серные трясины. Планета так и не оправилась после нападения Бродяг. Однако Его Святейшество полагает, что такие миры следует передавать под опеку частным лицам. На Небесных Вратах, по счастью, сохранились залежи тяжелых металлов. Поэтому мы продали планету.

На этот раз де Сойя все-таки моргнул.

– Продали? Всю?

Марусин фыркнул.

– Мы продали ее «Опус Деи», отец капитан, – пояснила адмирал Ву.

Де Сойя ничего не сказал, но молчание не означало, что он все понял.

– «Опус Деи» – религиозное объединение, – добавила Ву. – Ему... а, ну да... ему почти двенадцать столетий. Основано в 1920 году от Рождества Христова. За последние несколько лет стало не только могущественным союзником Святого Престола, но и достойным соперником Гильдии торговцев.

– А, понятно. – Отец капитан де Сойя вполне мог представить себе, как религиозное объединение покупает целую планету, но чего он представить себе не мог – так это каким образом торговцы не придушили в зародыше столь серьезного соперника. Нет, так не бывает. Он повернулся к адмиралу Марусину: – Последний вопрос, сэр.

Адмирал бросил взгляд на комлог и коротко кивнул.

– Я не служил на Флоте четыре года, – тихо произнес де Сойя. – Все это время я не носил форму, не отслеживал новые технические достижения. Мир, где я совершал священническое служение, был так далек от всех текущих событий, что я с таким же успехом мог бы все эти четыре года провести в криогенной фуге. Разве можно доверить мне командование новым «архангелом», сэр?

Марусин нахмурился.

– Мы быстро введем вас в курс дела, отец капитан. Командование Флота знает, что делает. Вы отказываетесь от назначения?

Мгновение отец капитан де Сойя медлил.

– Никак нет, сэр, – наконец сказал он. – Я ценю доверие, оказанное мне вами и Священной Империей. И сделаю все, что в моих силах, адмирал. – Де Сойя прошел двойную школу послушания – как иезуит и как офицер флота Его Святейшества.

– Не сомневаюсь, Федерико. Мы рады вашему возвращению. Если не возражаете, нам хотелось бы, чтобы вы оставались в ректории Легионеров на Пасеме – пока мы не будем готовы отправить вас на ваш корабль.

«Проклятие! – подумал де Сойя. – Опять под арестом у проклятых Легионеров».

– Конечно, сэр, – сказал он вслух. – Там уютно.

Марусин снова посмотрел на комлог. Очевидно, аудиенция заканчивалась.

– Какие-нибудь просьбы, отец капитан?

Де Сойя снова помедлил. Он знал, что просить не следует – это не принято. И все равно сказал:

– Да, сэр... Есть одна. На старом «Рафаиле» со мной служили трое солдат. Швейцарские гвардейцы, я забрал их с Гипериона... Стрелок Реттиг – да, он погиб, сэр... но сержант Грегориус и капрал Ки были со мной до конца, и я хотел узнать...

Марусин кивнул:

– Вы хотите, чтобы они были с вами на новом «Рафаиле». Вполне обоснованно. У меня был кок, которого я таскал за собой с корабля на корабль... Беднягу убили во второй битве в Угольном Мешке... Я ничего не знаю об этих людях... – Адмирал посмотрел на Марджет Ву.

– По счастливой случайности, отец капитан, – проговорила та, – повторно изучая ваше дело, я посмотрела файлы. Сержант Грегориус проходит службу на Кольце Ламберта. Не сомневаюсь, что его перевод будет рассмотрен. Что касается капрала Ки... боюсь...

Де Сойя почувствовал дурноту. Ки был с ним на Роще Богов – Грегориуса тогда пришлось после неудачного воскрешения оставить в саркофаге, – и в последний раз он видел неунывающего коротышку капрала после возвращения на Пасем, когда полицейские увели его в другую камеру. Де Сойя долго тряс ему на прощание руку и уверял, что они непременно еще встретятся...

– Боюсь, что капрал Ки погиб два стандартных года назад, – договорила Ву. – Был убит во время нападения Бродяг на Клин Стрельца. Насколько я поняла, его наградили Серебряной звездой святого Михаила... посмертно, разумеется.

Де Сойя скорбно кивнул.

– Благодарю вас, – сказал он.

Адмирал Марусин одарил де Сойю отеческой улыбкой государственного деятеля и протянул через стол руку.

– Удачи, Федерико. Задайте Бродягам жару на своем «Рафаиле».

* * *

Штаб-квартира Гильдии торговцев располагалась не на самом Пасеме, а в точке Лагранжа, в шестидесяти орбитальных градусах над планетой. Между миром Ватикана и гигантским полым Тором – углеродным бубликом 270 метров толщиной, около километра в высоту и 26 километров в диаметре – дрейфовала половина имперских орбитальных баз. Как-то раз Кендзо Исодзаки вычислил, что ракета, запущенная с Тора торговцев, будет уничтожена ровно через 12,06 наносекунды.

Кабинет Исодзаки – светлая луковица на длинном угольно-черном стебле – возвышался на четыреста метров над внешним ободом Тора. Оболочку луковицы при желании можно было затемнить. Сегодня она была прозрачной, если не считать одну секцию, поляризованную, чтобы приглушить нестерпимый блеск желтого пасемского солнца. Из-за вращения Тора кабинет время от времени попадал в его тень, и тогда в бездонной черноте космоса зажигались звезды – словно кто-то отдергивал тяжелую штору, а за ней – тысячи ярких, немигающих свечей. «Или мириады костров во вражеском лагере», – подумал Исодзаки, когда в двадцатый раз за день наступила тьма.

Сегодня, когда стены были абсолютно прозрачны, его овальный кабинет казался островком, затерянным в черной безграничности космоса. Сверкали звезды, серебрился вдали Млечный Путь. Но отнюдь не это привычное зрелище занимало сейчас мысли главы Гильдии торговцев: среди звезд мазками исполинской кисти были прочерчены выхлопы трех грузовиков. Исодзаки настолько наловчился определять по ним скорость и расстояние, что с ходу мог сказать, что это за корабли и когда они пришвартуются. «Молдахар» дозаправился от газового гиганта в созвездии Эпсилон Эридана, и его след был краснее обычного. Капитан «Эммы Констант», как всегда, спешила доставить на Тор свой груз – стратегически важные металлы с Пегаса-51, – а потому тормозила с превышением всех допустимых норм. Самый короткий хвост принадлежал «Элемозинерии Апостолика», только что вышедшей из состояния С-плюс после квантового прыжка. Исодзаки знал наперечет все три сотни выходных апертур в этом секторе и мгновенно определил, что она прилетела из системы Возрождения.

Тем временем из пола возник прозрачный цилиндр лифта, и звезды осветили пассажира. Исодзаки знал, что цилиндр прозрачен только снаружи. Он набрал код, и дверца кабины отъехала в сторону.

Из лифта вышла Анна Пелли Коньяни. По команде Исодзаки ИскИн бесшумно закрыл за ней дверь. Даже не взглянув на звездное небо, ближайшая помощница и протеже главы Гильдии подошла к столу.

– Добрый день, Кендзо-сан.

– Добрый день, Анна. – Он жестом указал на самое удобное кресло.

Коньяни покачала головой и осталась стоять. Она никогда не садилась в кабинете Исодзаки. Исодзаки никогда не забывал предложить ей сесть.

– Месса Конклава скоро закончится, – сказала Коньяни.

Исодзаки кивнул. В то же мгновение ИскИн затемнил стены кабинета и включил трансляцию с Пасема.

Собор Святого Петра этим утром переливался алым, пурпурным, черным, белым – восемьдесят три кардинала, прибывших на Конклав, подходили к причастию, возвращались на свои места, преклоняли колени, молились, вставали, пели. А позади толпы кандидатов на папский престол стояли сотни епископов и архиепископов, дьяконов и сотрудников курии, военачальников и гражданских администраторов, делегаты от доминиканцев, иезуитов, бенедиктинцев, салезианцев и единственный представитель немногих оставшихся францисканцев. И наконец, в самых дальних рядах стояли почетные гости – делегаты от Гильдии торговцев, от

«Опус Деи», от Ватиканского банка и представители Понтификальной академии наук. Повсюду виднелись пестрые мундиры швейцарских гвардейцев и палатинской стражи, командир тайной Дворянской гвардии – бледный темноволосый мужчина в красном мундире – стоял поодаль.

Исодзаки и Коньяни молча наблюдали пышное зрелище. Оба они были приглашены на мессу, но за последние несколько столетий у руководства Гильдии сложилась традиция почитать крупные церковные церемонии собственным отсутствием, посылая на них лишь своих официальных представителей. Оба они смотрели, как кардинал Куэзноль служит мессу, и оба видели в нем ту ничего не значащую марионетку, каковой он и являлся; все внимание Исодзаки и Анны Пелли Коньяни занимали кардинал Лурдзамийский, кардинал Мустафа и еще полдюжины сильных мира сего в первых рядах.

Прозвучало заключительное благословение, месса закончилась, и кардиналы торжественной процессией направились в Сикстинскую капеллу. В присутствии капитана швейцарских гвардейцев и префекта Ватикана двери капеллы были заперты и опечатаны. На этом прямая трансляция завершилась. Далее следовали комментарии и рассуждения на фоне закрытых дверей.

– Достаточно, – бросил Исодзаки.

Изображение исчезло, стены вновь растворились, и солнечные лучи заполнили комнату, повисшую над черной бездной.

Анна Пелли Коньяни едва заметно улыбнулась:

– Голосование будет недолгим.

Исодзаки вернулся к своему креслу.

– Анна, как по-вашему, мы – правление Гильдии торговцев – обладаем реальной властью? На лице Коньяни отразилось недоумение.

– Судя по моим дивидендам за последний финансовый год, Кендзо-сан, наша прибыль составила тридцать шесть миллиардов марок.

Исодзаки сцепил пальцы в замок.

– Мадам Коньяни, – сказал он, – не будете ли вы так любезны снять пиджак и блузку?

Его протее даже не моргнула. За все двадцать восемь стандартных лет их совместной работы – по сути, работы начальника и подчиненного – месье Исодзаки еще ни разу не дал повода заподозрить его в сексуальных домогательствах. Всего мгновение она колебалась, потом спокойно расстегнула пиджак, повесила его на кресло (то самое, в которое она никогда не садилась) и, стянув с себя блузку, аккуратно положила ее поверх пиджака.

Исодзаки встал, обошел стол и остановился в шаге от нее.

– У вас красивое белье. – Он снял с себя пиджак и расстегнул старомодную рубашку.

Коньяни стянула комбинацию, обнажив маленькую, прекрасной формы грудь с розовыми сосками.

Кендзо Исодзаки поднял руку, словно собираясь коснуться ее груди, – но не коснулся. Он приложил ладонь к собственному лиловому крестоформу.

– Вот, – проговорил он, – вот где власть. – Отвернувшись, он начал одеваться. Коньяни, пожав плечами, последовала его примеру.

Когда оба оделись, Исодзаки сел за стол и привычным жестом указал на кресло. К его молчаливому удивлению мадам Анна Пелли Коньяни села.

– Из ваших слов следует, – начала Коньяни, – что успешность или же безуспешность нашей попытки стать доверенными людьми нового Папы – если вообще когда-нибудь будет новый Папа – не имеет никакого значения. Главный рычаг – воскрешение – все равно останется в руках Церкви.

– Не совсем. – Исодзаки вновь сцепил пальцы. – Я утверждаю лишь, что тот, кто управляет крестоформом, управляет человеческой вселенной.

– Церковь... – Коньяни осеклась. – Ну конечно, крестоформ – только составляющая в равновесии сил. Техно-Центр открыл Церкви тайну воскрешения. Они в союзе с Церковью уже двести восемьдесят лет...

– У Техно-Центра свои цели, – тихо сказал Исодзаки. – Какие цели, Анна?

Кабинет погрузился во тьму. За стенами вновь вспыхнули звезды. Коньяни задумчиво смотрела на Млечный Путь.

– Кто знает? – ответила она наконец. – Закон Ома.

– Очень хорошо, – улыбнулся Исодзаки. – Путь наименьшего сопротивления может ведь привести нас не к Церкви, а к Техно-Центру?

– Но советник Альбедро не встречается ни с кем, кроме Папы и кардинала Лурдзамийского.

– Или встречается, но мы этого не знаем, – поправил Исодзаки. – Так или иначе, Техно-Центр вмешивается в дела человечества.

Коньяни кивнула. Она поняла недосказанное: сконструированные специалистами Гильдии ИскИны экстра-класса способны отыскать в инфосфере путь к Техно-Центру. Без малого триста лет главным девизом Церкви и Священной Империи было: «Не должно строить мыслящие машины, равные человеку или его превосходящие». ИскИны, используемые в Империи, были не «искусственными интеллектами», а «искусными инструментами», вроде тех, с которых все и началось почти тысячу лет назад: именно такой дебильный автомат стоял в кабинете Исодзаки, таким был и жизнерадостно-тупой компьютер на старом «Рафаиле» капитана де Сойи. Но последние десять лет в секретных лабораториях Гильдии торговцев проводились различные исследования, и результатом их стало воссоздание автономных ИскИнов, таких же, если не лучше тех, что были в эпоху Гегемонии. На карту было поставлено очень и очень многое, выигрыш означал абсолютную монополию во всех торговых операциях и нарушение издавна сложившегося равновесия между Флотом и Гильдией; проигрыш – отлучение, пытки в подвалах Инквизиции и неминуемую казнь.

Анна Пелли Коньяни встала.

– Боже мой, – проговорила она, – это явно будет последняя пробежка.

Исодзаки кивнул и снова улыбнулся.

– Анна, вам известно, откуда произошло это выражение?

– «Пробежка»? Нет... кажется, из спорта?

– Из древней агрессивной игры под названием «футбол».

Коньяни знала: все, что говорит шеф, имеет отношение к делу. Рано или поздно он сам объяснит, чем важна эта информация. Она молча ждала.

– У Церкви есть нечто, что хочет... в чем нуждается Техно-Центр, – сказал Исодзаки. – Укрощение крестоформа – их часть сделки. Церковь вынуждена отдать взамен нечто равноценное.

«Равноценное бессмертию миллиардов человеческих существ?» – подумала Коньяни.

– Я всегда полагала, – сказала она, – что, когда двести с лишним лет назад Ленар Хойт и кардинал Лурдзамийский вступили в контакт с выжившими элементами Техно-Центра, Церковь предложила со своей стороны тайно восстановить статус Техно-Центра в человеческой вселенной.

Исодзаки развел руками:

– Зачем, Анна? Где выгода Центра?

– Когда Центр был составной частью Гегемонии, он управлял Великой Сетью и мультинетями и использовал нейроны человеческого мозга для создания Высшего Разума.

– Ах да, – проговорил учитель. – Но нуль-порталов больше нет. Если они используют людей... как? и где?

Анна Пелли Коньяни невольно приложила руку к груди.

Исодзаки усмехнулся:

– Раздражает, да? Как слово, которое вертится на кончике языка, но которое никак не вспомнить. Головоломка с утраченным фрагментом. Но этот утраченный фрагмент только что нашелся.

Коньяни подняла бровь:

– Девочка?

– Вернулась в Священную Империю, – сказал глава Гильдии торговцев. – Наши агенты, приближенные к кардиналу Лурдзамийскому, подтвердили, что Центру это известно. Она вернулась после смерти Его Святейшества... Знают только госсекретарь, Великий Инквизитор и командование Флота.

– Где она?

Исодзаки покачал головой:

– Если Техно-Центр это и знает, то не потрудился сообщить. Однако командование Флота вызвало того капитана – де Сойю...

– Центр предсказал, что он должен участвовать в поимке девочки, – едва заметно улыбнулась Коньяни.

– Ну и? – Исодзаки явно гордился своей ученицей.

– Закон Ома.

– Именно.

Женщина снова невольно прикоснулась к груди.

– Если мы первыми найдем девочку, мы получим рычаг... сможем вступить в переговоры с Центром. И еще *средства* – наши новые возможности... – Никто из руководства Гильдии не упоминал о секретном проекте вслух, даже в защищенных от прослушивания кабинетах. – Если у нас будет девочка и *средства*, – продолжила Коньяни, – у нас появится рычаг, чтобы потеснить Церковь в сделке Техно-Центра с человечеством.

– Если только мы выясним, что же дает Центру Церковь за контроль над крестоформами, – пробормотал Исодзаки. – И предложим то же самое... или нечто лучшее.

Коньяни рассеянно кивнула. Она видела, как все это связано с ее деятельностью координатора «Опус Деи».

«Любим путем», – внезапно поняла она.

– Тем временем мы должны первыми найти девочку... Флот, конечно, задействует свои средства, о которых никогда не узнают в Ватикане.

– Верно и обратное. – Исодзаки очень любил интеллектуальные игры.

– И мы тоже должны последовать их примеру, – сказала Коньяни, направляясь к лифту. – Все средства... – Она улыбнулась учителю. – Решающая игра на троих с нулевой суммой, так, Кендзо-сан?

– Именно, – кивнул Исодзаки. – Победителю достается все – власть, бессмертие, богатство, превосходящее всякое воображение. Проигравшему – полное разорение, истинная смерть и вечное рабство всех потомков. – Он поднял указательный палец. – Но игра – не на троих, Анна. На шестерых.

Коньяни остановилась у самого лифта.

– Я вижу только четверых... У Техно-Центра – свои причины первым отыскать девочку. Но...

– Мы должны допустить, что ребенок преследует собственные цели в этой игре, верно? И есть еще кто-то – или что-то, – кто ввел ее пешкой в эту игру... итак, вот вам шестой игрок.

– А может, это кто-то из пяти? – Коньяни улыбнулась. Она тоже любила азартные игры с высокими ставками.

Исодзакки кивнул и повернулся в кресле – смотреть сквозь прозрачную стену очередной восход. Он не оглянулся, когда закрылась дверь и Анна Пелли Коньяни уплыла в лифте из его кабинета.

Над алтарем Сикстинской капеллы Иисус Христос – лик Его неумолим и безжалостен – делит людей на праведных и неправедных, на благословенных и проклятых. Третьего не дано.

Кардинал Лурдзамийский, сидя в своем кресле под балдахином, разглядывал «Страшный Суд» Микеланджело. Христос на этой фреске всегда казался кардиналу устрашающим, властным и беспощадным – словом, идеальный наблюдатель за выборами первосвященника.

В маленькой часовне едва уместились восемьдесят три высоких деревянных кресла под балдахинами с восемьюдесятью тремя кардиналами. Оставшегося места как раз хватило для голограммы отсутствующих тридцати семи – если проецировать их по очереди.

Это было первое утро «сидения» кардиналов в Ватиканском дворце. Кардинал Лурдзамийский чувствовал себя свежим и бодрым – этой ночью он спал на жесткой кровати в своем Ватиканском кабинете, на завтрак монахини принесли ему в покои Борджа простую еду и дешевое белое вино. После трапезы все кардиналы собрались в Сикстинской капелле – каждый в своем кресле, занавески раздвинуты.

И вот час настал. Все кардиналы поднялись со своих мест. Рядом со столом декана коллегии кардиналов замерли голограммы тридцати семи отсутствующих. Из-за тесноты изображения были совсем маленькими – крохотные фигурки в кукольных домиках, парящие над полом, словно тени былого. Кардинал Лурдзамийский привычно улыбнулся: размеры изображений строго соответствовали рангу отсутствующих.

Папу Юлия всегда переизбирали единогласно. Один из помощников декана поднял руку: возможно, Дух Святой и направляет собравшихся, но без координации не обойтись. Рука опустилась, и восемьдесят три присутствующих кардинала и тридцать семь голограмм разом заговорили.

– Eligo! Отец Ленар Хойт! – закричал кардинал Лурдзамийский и оглянулся на кардинала Мустафу, выкрикивавшего те же слова из своей кабинки.

Декан коллегии кардиналов и его помощники замерли в ожидании. Выкрики были громкими и отчетливыми, но – и это совершенно очевидно – единодушия не наблюдалось. Впервые за двести семьдесят лет.

Кардинал Лурдзамийский не улыбался и не оглядывался по сторонам. Он и так знал, кто именно не стал выкрикивать имя Папы Юлия. Он знал, чем удалось подкупить этих мужчин и женщин. Он знал, чем они рискуют, и знал, что им почти наверняка придется расплачиваться. Кардинал Лурдзамийский знал все это потому, что именно он тайно дирижировал происходящим.

После недолгого совещания тот кардинал, по сигналу которого началось голосование, произнес:

– Будем считать голоса.

Пока готовили и раздавали бюллетени, кардиналы возбужденно переговаривались между собой. На памяти большинства из них еще ни разу не случилось ничего подобного. Тем временем почти все голографические изображения разом исчезли. Остались лишь те, кто догадался заранее подготовить для выборов интерактивные чипы.

Церемониймейстеры прошли вдоль старинных кресел, раздавая карточки. Помощники декана заглянули к каждому – убедиться, что у всех есть перо. Когда все было готово, декан снова поднял руку, открывая голосование.

Кардинал Лурдзамийский взглянул на карточку. В левом верхнем углу были напечатаны слова: «Eligo in Summum Pontificem».¹¹ Чуть ниже оставалось место для одного имени. Симон Августино кардинал Лурдзамийский вписал: «Ленар Хойт», сложил карточку и демонстративно поднял руку. Вслед за ним все восемьдесят два кардинала, присутствовавших лично, и с полдюжины интерактивных голограмм проделали то же самое.

Декан коллегии начал вызывать кардиналов по рангу. Кардинал Лурдзамийский первым встал с кресла и, преследуемый неотступным, пугающим взглядом Христа, направился к алтарю. У самого алтаря он осенил себя крестным знамением, опустил на колени и склонил голову в безмолвной молитве. Затем поднялся и громко произнес:

– Призываю в свидетели Господа нашего, Иисуса Христа, который судит все мои помыслы, намерения и действия, в том, что я отдаю свой голос за человека, достойного быть Его наместником.

Кардинал торжественно положил сложенную вдвое карточку на серебряное блюдо и, выждав несколько мгновений, опустил ее в ящик. Декан коллегии кивнул; кардинал Лурдзамийский снова преклонил колени перед алтарем и вернулся на место.

Кардинал Мустафа, Великий Инквизитор, прошествовал к алтарю – отдать свой голос...

Голосование длилось больше часа. Один помощник декана высыпал карточки на стол. Второй пересчитал – восемьдесят девять, включая шесть интерактивных, – и аккуратно переложил в другой ящик. Начался подсчет голосов.

Первый кардинал развернул карточку, переписал с нее имя и передал второму, тот, отметив карточку, протянул ее третьему и последнему – Куэзнолю. Куэзноль громко и отчетливо объявил имя и лишь затем сам расписался на бюллетене.

Кардиналы тотчас записали имя на скрайберы. После Конклава скрайберы соберут и файлы уничтожат, чтобы не осталось никаких записей о ходе выборов.

Итак, подсчет голосов продолжался. Кардинала Лурдзамийского – как и остальных присутствовавших – интересовало одно: смогут ли кардиналы-отступники реально ввести в игру новую фигуру.

Огласив очередное имя, Куэзноль одну за другой нанизывал карточки на нить, протыкая иглой слово «eligo». Когда были зачитаны все бюллетени, на обоих концах нити завязали узлы.

Избранника пригласили в капеллу. Стоя у алтаря в простой черной сутане, он казался смиренным и несколько растерянным.

Встав, декан коллегии кардиналов спросил:

– Принимаешь ли ты свое каноническое избрание на Святой Престол?

– Да, принимаю, – ответил священник.

При этих словах перед ним поставили кресло с балдахином. Декан простер руки и возгласил:

– Принимая твое каноническое избрание, все собравшиеся – перед лицом Бога Всемогущего – признают тебя епископом римской Церкви, Папой и главой коллегии епископов. И да поможет тебе Господь.

– Аминь. – Кардинал Лурдзамийский потянул за шнур и опустил балдахин.

Балдахины опустили все восемьдесят три присутствовавших и тридцать семь голографических образов. Лишь новый Папа не опустил балдахина. Священник – теперь Верховный Понтифик – сидел в своем кресле, откинувшись на подушки.

– Какое имя ты избираешь для своего понтификата? – спросил декан.

– Я избираю имя Урбан Шестнадцатый, – ответил священник.

¹¹ Избираю Верховным Понтификом (лат.).

По капелле пронесся шепоток. Декан протянул руку, помог Папе подняться и вместе с помощниками вывел его из капеллы.

Кардинал Мустафа сказал, повернувшись к кардиналу Лурдзамийскому:

– Он, должно быть, имел в виду Урбана Второго. Урбан Пятнадцатый жил в двадцать седьмом веке – жалкий трус, способный только детективы читать да писать трогательные послания бывшей возлюбленной.

– Урбан Второй, – задумчиво протянул кардинал Лурдзамийский. – Да, конечно.

Через несколько минут декан и его помощники вернулись вместе со священником – теперь уже Папой, облаченным во все белое – белая сутана, белая шапочка, широкий белый пояс. Кардинал Лурдзамийский – как и все остальные – опустился на колени прямо на каменный пол, и новый понтифик дал свое первое благословение.

Карточки сожгли, предварительно плеснув в огонь *bianco*, чтобы дым был по-настоящему белым.

Кардиналы вышли из Сикстинской капеллы и направились древними коридорами в собор Святого Петра. Декан кардинальской коллегии объявил с балкона многотысячной толпе имя нового Папы.

Среди пятисот тысяч людей, собравшихся в то утро на площади Святого Петра, был отец капитан Федерико де Сойя. Его выпустили из ректория Легионеров Христа лишь несколько часов назад. Чуть позже, после полудня, ему надлежало явиться в космопорт Имперского Флота для отправки на корабль. Прогуливаясь по Ватикану, де Сойя внезапно оказался в толпе среди тысяч мужчин, женщин и детей, и толпа, как могучая река, вынесла его на площадь.

Когда показались первые клубы белого дыма, собравшихся охватило ликование. И без того немыслимое скопление народа под балконом Святого Петра стало каким-то образом еще гуще под напором тысяч и тысяч, стекавшихся из-под колоннады и с ближайших улиц. Сотни швейцарских гвардейцев с трудом сдерживали этот могучий натиск.

Декан кардинальской коллегии объявил об избрании нового Папы, Его Святейшества Урбана Шестнадцатого, и по площади прокатился вздох изумления. Де Сойя внезапно осознал, что стоит как в столбняке, открыв рот. Никто не сомневался, что новым Папой станет Юлий Пятнадцатый. Неужели?.. Нет, об этом даже думать нельзя.

Новый понтифик вышел на балкон, и изумленные возгласы сменились приветственными – возгласы нарастали, становились все громче и громче и никак не желали стихать.

Это был Папа Юлий – знакомое лицо, высокий лоб, печальные глаза... Отец Ленар Хойт, спаситель Церкви, вновь избран Папой. Его Святейшество поднял руку в привычном благословении и замер, ожидая тишины, но приветствия все не стихали, и рев эхом заполнил всю площадь.

«Почему Урбан Шестнадцатый?» – задумался отец капитан де Сойя. Будучи священником, принадлежа к обществу Иисуса, он достаточно хорошо изучил историю Церкви и сейчас мгновенно перебрал в уме всех Пап по имени Урбан. Почти все они ничем не прославились за годы понтификата. Почему...

– Проклятие! – воскликнул отец капитан де Сойя, но никто не расслышал его за многоголосым ревом толпы. – Проклятие! – повторил он.

Крики еще не стихли, и новый понтифик даже не начал говорить и еще не объяснил свой странный выбор, но де Сойя уже знал. И от этого знания у него заболело сердце.

Урбан Второй был Папой с 1088 по 1099 год от Рождества Христова. На соборе в Клермоне... кажется, в ноябре 1095 года... Урбан Второй провозгласил священную войну против мусульман на Ближнем Востоке, призвал к спасению Византии и к освобождению христианских святынь от мусульманского владычества. Его призыв привел к Первому крестовому походу... первой из многих кровопролитных кампаний.

Толпа наконец успокоилась. Папа Урбан Шестнадцатый заговорил – знакомый, наполненный новой силой голос парил над головами полумиллиона собравшихся и через ретрансляторы разносился по самым дальним уголкам Священной Империи Пасема.

Отец капитан де Сойя протискивался сквозь толпу, стремясь поскорее вырваться с тесной площади, запруженной народом, – его внезапно охватила клаустрофобия.

Бесполезно. Толпа стояла стеной, в радостном возбуждении внимая каждому слову понтифика. Отец капитан де Сойя остановился и склонил голову. Когда в толпе завопили: «Deus le volt!»,¹² де Сойя заплакал.

Крестовый поход. Слава. Окончательное решение проблемы Бродяг. Неисчислимые смерти. Невообразимые разрушения. Отец капитан де Сойя крепко зажмурился, но его по-прежнему преследовали видения: ослепительно яркие взрывы в бездонной черноте космоса, целые миры, охваченные огнем, океаны, превращающиеся в пар, и континенты, превращающиеся в кипящие потоки лавы; он видел горящие орбитальные леса, обугленные тела, парящие в невесомости, он видел хрупких, крылатых созданий, сгорающих в пламени и обращающихся во прах.

Отец капитан де Сойя плакал, окруженный ликованием полумиллионной толпы.

¹² Такова воля Господа! (лат.)

4

Я по опыту знал – труднее всего уходить и прощаться ночью.

Больше всего любят ночные операции в армии. Кажется, за время моей службы все важнейшие марш-броски в гиперионских силах самообороны начинались после полуночи. С тех пор предрассветная тьма у меня всегда ассоциируется с какой-то странной смесью возбуждения и страха, предвкушения и ужаса, и еще – с запахом опоздания. Энея сказала всем, что я должен уйти вечером, но ведь на сборы нужно время. Мы вылетели где-то в начале третьего и лишь перед самым рассветом достигли места назначения.

А ведь если бы Энея не объявила заранее о моем уходе, можно было бы обойтись без всей этой суеты и спешки. За четыре года очень многие в Талиесинском братстве привыкли во всем следовать советам Энеи. Но только не я. Мне было тридцать два. Энее – шестнадцать. Это я должен был опекать и защищать ее и – если уж на то пошло – указывать ей, что делать и когда. И мне совсем не нравился такой поворот событий.

Кроме того, я думал, что А.Беттик полетит с нами, но Энея сказала, что он должен остаться в лагере, и еще двадцать минут ушло на то, чтобы разыскать андроида и попрощаться с ним.

– Мадемуазель Энея говорит, что мы обязательно встретимся, – сказал он. – Значит, месье Эндимион, так оно и будет.

– Рауль, – в пятисотый раз поправил я его. – Зови меня Рауль.

– Хорошо. – А.Беттик едва заметно улыбнулся: не будет он меня слушаться.

– Иди ты в задницу! – Я пожал ему руку. Мне очень хотелось обнять старого друга, но я знал, что это лишь смутит его. Не могу утверждать, что андроиды в буквальном смысле слова запрограммированы на роль холодного чопорного слуги – в конце концов, они не роботы, а живые органические существа, – но по сути своей они все равно безнадежно официозны. Уж этот-то по крайней мере точно.

Ну вот, а потом мы отправились в путь: вывели катер из ангара в ночную пустыню и тихо-тихо – как только можно было – взлетели. Мне не удалось попрощаться со всеми – время было позднее и многие легли спать. Но я тешил себя надеждой, что еще встречу кого-нибудь из старых друзей на своем пути. Впрочем, на самом-то деле надежды было мало.

Катер мог бы долететь до цели и на автопилоте – Энея ввела в компьютер все координаты, – но я включил ручное управление, чтобы хоть чем-то занять себя и отвлечься. Нам предстояло преодолеть около полутора тысяч километров. Мы бы запросто покрыли это расстояние за десять минут, если бы не необходимость экономить энергию, а так пришлось максимально раздвинуть крылья и лететь на субзвуковой скорости в десяти километрах над поверхностью. Мы приказали бортовому компьютеру помалкивать и откинулись в креслах, наблюдая, как проносится внизу ночной материк.

– Детка, куда мы так торопимся? – спросил я.

Энея задумчиво повела рукой – я знал этот жест уже пять лет.

– Главное – начать. – Сейчас ее голос звучал совсем тихо, почти безжизненно, в нем не осталось и следа той бодрости и энергии, которая всех в Талиесинском братстве заставляла следовать ее воле. Возможно, я был единственным, кто это почувствовал, только мне в ее голосе слышались слезы.

– Ну конечно... Взять и выгнать меня глухой ночью...

Энея покачала головой и отвернулась к черному ветровому стеклу. И я понял, что она действительно плачет. Когда она повернулась, в мокрых глазах отразились на миг красные огоньки приборов.

– Если ты не отправишься сегодня, я не выдержу и попрошу тебя не уходить. А если ты не уйдешь, я снова не выдержу и останусь на Земле... и никогда не вернусь.

В эту секунду мне безумно захотелось взять ее за руку, но я только крепче сжал штурвал.

– Эй, мы же можем вернуться вместе. Я вообще не вижу смысла уходить порознь.

– Смысл есть, – прошептала Энея так тихо, что мне пришлось склониться к ней – иначе бы я не расслышал.

– За кораблем мог бы съездить А.Беттик. А мы с тобой останемся на Земле до тех пор, пока не поймем, что готовы вернуться...

Энея покачала головой:

– Я *никогда* не буду готова вернуться, Рауль. Мне просто до смерти страшно!

Перед глазами у меня пронеслась вся наша лихая скачка по планетам – погони, перестрелки, факельщики, истребители, морские пехотинцы, швейцарские гвардейцы и та тварь, что чуть не прикончила нас на Роще Богов, – и я сказал:

– И мне страшно, детка. Может, нам лучше остаться? Здесь они не смогут добраться до нас.

Энея посмотрела на меня, и я узнал это выражение: нет, не упрямство, просто уверенность в том, что решение принято и говорить больше не о чем.

– Ладно. Но ты не ответила, почему А.Беттик не может сесть в этот каяк, проплыть по реке Тетис и привести корабль. И почему мне нельзя телепортироваться вместе с тобой.

– Я ответила. Ты просто не слушал. – Энея поехала. – Рауль, если ты уйдешь и мы договоримся встретиться в определенное время в определенном месте в пространстве Ордена, мне придется телепортироваться отсюда и сделать то, что я сделать должна. А то, что я должна сделать сейчас, я должна сделать одна.

– Энея...

– Что?

– Ты хоть сама догадываешься, что это полный бред?

Девочка не ответила. Под нами, чуть левее, промелькнули костры какого-то лагеря. Я поглядел на них и прибавил:

– Не знаешь, что за эксперимент проводят там твои инопланетные друзья?

– Не знаю. И они не инопланетные друзья.

– Не инопланетные? Или не друзья?

– Ни то и ни другое. – Пожалуй, она впервые дала столь четкое определение тому богоподобному разуму, что похитил Старую Землю – и нас вместе с ней.

– Расскажи что-нибудь об этих не-инопланетных не-друзьях, – попросил я. – В конце концов все может случиться... Не факт, что я доберусь до назначенного места встречи. А знаешь, мне бы хотелось узнать их тайну, пока я еще не ушел.

Не успел я закончить фразу, как тут же пожалел о своих словах. Энея вздрогнула как от удара.

– Прости, детка. – На этот раз я все-таки взял ее за руку. – Прости, я не хотел. Просто я очень зол.

Энея кивнула, и я снова увидел слезы на ее глазах.

Мысленно отвесив себе подзатыльник, я сказал:

– В Талиесине все были уверены, что эти инопланетяне – великодушные, богоподобные создания. Люди говорят: «Львы, и тигры, и медведи», а думают «Иисус, и Яхве, и И.П.» – ну тот, из старого фильма, который нам показывал мистер Райт. И все были уверены – когда братству придет конец, они явятся и отведут нас домой, к маме. Никакой опасности. Никакого переполоха. Никакого психоза.

Энея улыбнулась сквозь слезы.

– Люди ждут явления Иисуса, и Яхве, и И.П., которые придут спасти их задницы, уже давно, задолго до того, как, научившись прикрывать вышеозначенные задницы медвежьими шкурами, вылезли из пещер. Придется им подождать еще немного. Это наше дело... наша битва... и мы сами должны заботиться о себе.

– Чья «наша»? Ты, я и А.Беттик против восьмисот миллиардов возрожденных христиан? – горестно спросил я.

Энея снова изящно махнула рукой.

– Ага, – сказала она. – Пока – так.

Там, где мы приземлились, мало того что было темно, так еще и лил дождь – холодный, противный осенний дождь. Миссисипи – большая река, одна из самых больших на Старой Земле; катер долго кружил над водой, пока наконец не приземлился в маленьком городе на западном берегу. Я следил за посадкой по монитору – в залитом дождем иллюминаторе царил непроницаемая тьма.

Мы пролетели над холмом, покрытым голыми деревьями, потом – над узким асфальтированным мостом и приземлились метрах в пятидесяти от берега, на мощенной камнем площади. Городок лежал в распадке между лесистыми холмами, и я разглядел на мониторе маленькие деревянные домики, кирпичные пакгаузы и несколько высоких зданий у самой реки – должно быть, силосные башни. Словом, самая обычная архитектура девятнадцатого, двадцатого и двадцать первого столетий, характерная для этой части Старой Земли: то ли этот город почему-то миновали землетрясения и пожары Эпохи Бед, то ли львы, и тигры, и медведи восстановили его – не знаю. Узкие улочки были совершенно пусты, и инфракрасный датчик не обнаружил поблизости ни живых существ, ни работающих двигателей – но опять-таки было ведь всего полпятого утра, дикий холод и дождь. Кто, будучи в здравом уме и твердой памяти, выйдет из дома до рассвета в такую погоду?

Мы накинули пончо, я подхватил свой рюкзачок и попрощался с катером:

– Пока, Корабль. Веди себя прилично.

Мы спустились по трапу в дождливую ночь.

Энея помогла мне вытащить из багажника каяк, и мы двинулись вниз, к реке, по мощенной камнем улочке. В прошлый раз у меня были очки ночного видения, какое-никакое оружие и крепкий плот со всякими приспособлениями. А сейчас – только лазерный фонарик, единственное, что напоминало о нашем путешествии на Землю (поставленный на минимум, луч освещал скользкую от дождя брусчатку метра на два перед нами), охотничий нож навахо в рюкзаке, несколько сэндвичей и пакет с сухофруктами.

Я был вполне готов выступить против Ордена.

– Что это за город? – спросил я.

– Ганнибал, – ответила Энея, пытаясь удержать скользкий каяк.

Пришлось мне взять фонарик в зубы и подхватить проклятую лодчонку второй рукой. И лишь когда мы добрались до берега и я, опустив каяк на землю, снова взял фонарь в руку, я наконец сказал:

– А, Сент-Питерсберг.

Недаром я столько часов провел в талиесинской библиотеке за чтением древних печатных книг.

Энея задумчиво кивнула.

– Это безумие. – Я повел лучом фонарика вдоль пустынной улицы, по кирпичной стене пакгауза, вниз, к темной реке. Течение было ужасающе быстрым. Только безумец мог рискнуть пуститься в плавание.

– Да, – согласилась Энея. – Безумие.

Холодные струи дождя стекали с ее капюшона.

Я обошел каяк и взял ее за руку.

– Ты видишь будущее. Когда мы должны встретиться снова?

Она стояла, опустив голову, и я не видел ее лица. В руке, которую я отчаянно сжимал сквозь полу пончо, жизни было не больше, чем в засохшей ветке. Она что-то проговорила, но так тихо, что я ничего не расслышал сквозь шум дождя и рев воды.

– Что? – переспросил я.

– Я *невижу* будущее. Я помню отдельные его фрагменты.

– Какая разница?

Энея вздохнула и подошла поближе. Было холодно, и наше дыхание, превращаясь в пар, в самом буквальном смысле слова смешивалось в воздухе. От тревожного ожидания отчаянно забились сердце.

– Разница в том, – объяснила она, – что видение – однозначно, воспоминание... ну, это совсем другое.

Я покачал головой. Дождь, стекая с капюшона, заливал мне глаза.

– Не понимаю.

– Помнишь день рождения Бетс Кимбол? Когда Джев играл на рояле, а Кикки упился до бесчувствия?

– Ну? – Меня уже раздражала эта дискуссия – посреди ночи, посреди дождя, посреди нашей разлуки.

– Когда это было?

– Что?

– Когда это было? – повторила она. Позади нас воды Миссисипи вырывались из мрака, чтобы в следующее мгновение вновь исчезнуть, умчаться во мрак со скоростью монорельсового поезда.

– В апреле. Нет, в начале мая. Точно не помню.

Энея кивнула.

– А как был одет в тот вечер мистер Райт?

У меня еще ни разу не возникало такого желания наорать на Энею или отшлепать ее. Ни разу – до этой минуты.

– Откуда мне знать? Зачем вспоминать?

– А ты попробуй.

Я тяжело вздохнул и устремил взгляд на темные холмы в черноте ночи.

– Вот дерьмо, ну не помню я... в сером шерстяном костюме? Да, точно, помню, он стоял у рояля, и на нем был серый шерстяной костюм. Ну тот, с большими пуговицами.

Энея снова кивнула.

– День рождения Бетс мы отмечали в середине марта, – проговорила она сквозь завесу дождя. – А мистер Райт не пришел, потому что простудился.

– Ну и? – Я уже знал, к чему она ведет.

– Ну и я помню отдельные фрагменты будущего, – повторила она, и в ее голосе послышались слезы. – Я боюсь полагаться на эти воспоминания. Если я скажу, когда мы должны встретиться снова, это может оказаться как серый костюм мистера Райта.

Одну долгую минуту я молчал. Капли дождя колотили по воде, словно крохотные кулачки по крышке гроба. Наконец я кивнул:

– Угу.

Энея подошла совсем близко и обвила меня руками. Зашуршали, соприкоснувшись, наши пончо. Я почувствовал, как пробежала дрожь у нее по спине. Она отступила на шаг:

– Дай мне, пожалуйста, фонарик.

Я молча протянул ей фонарь. Энея откинула нейлоновый фартук на крохотном кокпите каяка и осветила вделанную в фибропластовый корпус деревянную панель. На панели была единственная красная кнопка.

– Видишь?

– Ага.

– Не трогай ее, что бы ни случилось.

Скажу честно, это меня здорово рассмешило. Среди книг, которые я прочел в библиотеке Талиесина, были абсурдистские пьесы типа «В ожидании Годо». У меня возникло ощущение, что нас здесь затопило потоком сюрра и абсурда.

– Я серьезно, – сказала Энея.

– Зачем нужна кнопка, если ее нельзя трогать? – поинтересовался я, вытирая мокрое от дождя лицо.

Энея покачала головой:

– Не трогай ее до тех пор, пока у тебя не останется иного выхода.

– А как я узнаю, детка, что иного выхода не осталось?

– Узнаешь. – Она еще раз обняла меня. – Давай-ка лучше спустим лодку на воду.

Я наклонился, чтобы поцеловать ее в лоб. За последние несколько лет я делал это десятки раз – провожая ее в «отлучки», встречая, просто чтобы понять, какая у нее температура, когда она болела. Но сейчас, когда я наклонился, Энея подняла голову, и я в первый раз, сам того не ожидая, поцеловал ее в губы.

Кажется, я говорил уже, что во взгляде Энеи было куда больше силы, чем в прикосновении любого другого человека... что ее прикосновение было подобно электрическому разряду. А этот поцелуй... он был сильнее ее взгляда и прикосновения. В ту ночь, в Ганнибале, на западном берегу реки Миссисипи, на планете, которая когда-то звалась просто Земля, затерянной где-то в Малом Магеллановом Облаке, в темную дождливую ночь мне было тридцать два года, и за все тридцать два года я еще ни разу не испытал такого потрясения, каким стал этот наш первый поцелуй.

Я отпрянул. В луче фонаря я увидел, как блестят ее темные глаза... В них светилось озорство и еще, возможно, облегчение, словно закончилось долгое ожидание, и еще что-то...

– До свидания, Рауль! – Она приподняла корму каяка.

Совершенно ошалевший, я толкнул лодку в темную воду и, подтянувшись на руках, нырнул в кокпит. А.Беттик рассчитал все идеально: лодка была как раз по мне, как хороший костюм. Я устроился так, чтобы при гребле не задеть, случаем, красную кнопку. Энея толкнула каяк, и он закачался на воде. Она протянула мне весло, потом – рюкзак, потом – фонарь.

Я направил луч на разделившую нас темную воду.

– Где портал? – Собственный голос показался мне вдруг чужим и далеким. Все мои мысли, все чувства до сих пор были заняты ее поцелуем. Мне тридцать два года. Этому ребенку едва исполнилось шестнадцать. Мой долг – охранять и защищать ее до тех пор, пока в один прекрасный день мы не вернемся на Гиперион, к старому поэту. Нет, это просто безумие.

– Ты его непременно увидишь, – сказала Энея. – Вскоре после рассвета.

Значит, плыть придется не один час. Настоящий театр абсурда.

– А что я должен делать после того, как найду корабль? Где мы встречаемся?

– На планете Тянь-Шань. Это значит «Небесные горы». Корабль должен знать, как найти ее.

– Это в пространстве Ордена?

– На самой границе, – ответила Энея. – Когда-то она была на Окраине Гегемонии. Орден включил Тянь-Шань в свой протекторат и обещал прислать миссионеров, но покорить планету ему пока не удалось.

– Тянь-Шань, – повторил я. – Ладно. Как я тебя там найду? Планеты – они большие.

Ее темные глаза блестели в свете фонарика – то ли от дождя, то ли от слез, а может, от того и другого вместе.

– Ищи гору под названием Хэн-Шань... Священную Гору Севера. Рядом с ней – Цыань-кун-Су – Храм-Парящий-в-Воздухе. Я буду там.

Я рубанул воздух кулаком.

– Класс! Значит, мне всего-то и нужно будет заглянуть в местные казармы Ордена, спросить, где тут Храм-Парящий-в-Воздухе, а ты будешь парить там, поджидая меня.

– На Тянь-Шане всего несколько тысяч гор, – произнесла она ровным, печальным голосом. – И всего несколько городов. Корабль сам найдет Хэн-Шань и Цыань-кун-Су с орбиты. Приземлиться тебе там не удастся, но ты сможешь сойти с Корабля.

– Почему мне не удастся там приземлиться? – спросил я, раздраженный всеми этими головоломками в головоломках.

– Увидишь, Рауль. – В ее голосе были слезы. – Пожалуйста, уплывай.

Течение пыталось увлечь лодку на середину реки, но я отчаянно выгребал вдоль берега. Энея шла вдоль кромки воды, на шаг позади меня. Небо на востоке как будто слегка посветлело.

– Ты уверена, что мы встретимся? – прокричал я сквозь стену дождя.

– Я ни в чем не уверена, Рауль.

– Даже в том, что мы оба переживем все это? – Я не знал, что значит «это». И даже не знал, что значит «переживем».

– А в этом – особенно, – сказала девочка, и я увидел знакомую улыбку, полную озорства, предчувствия, печали и какой-то удивительной мудрости.

Течение уносило меня прочь.

– Сколько времени уйдет на поиски Корабля?

– Думаю, всего несколько дней, – прокричала она. Нас разделяло уже несколько метров, а течение несло меня на стремнину.

– А когда я найду Корабль... сколько лететь до Тянь-Шаня?

Энея что-то прокричала в ответ, но ее голос затерялся в плеске волн о борта моей маленькой лодки.

– Что?! – завопил я. – Не слышу!

– Я люблю тебя! – И ее голос отчетливо и звонко прокатился над темной водой.

Течение подхватило лодку и понесло. Я не мог говорить. Руки не слушались.

– Энея!

Я направил луч света на берег, в темноте промелькнуло ее пончо, а потом луч выхватил бледный овал лица, полускрытый капюшоном.

– Энея!

Она что-то крикнула, помахала рукой. Я помахал в ответ.

Течение становилось все сильнее. Я отчаянно заработал веслом, чтобы не врезаться в дерево, зацепившееся корнями за песчаную отмель, а потом меня вынесло на стремнину и помчалось на юг. Я оглянулся, но Энею уже скрыли от меня последние дома Ганнибала.

Через минуту я услышал гул двигателей, быстро глянул на небо – надо мной пронеслась какая-то тень. Может быть – тень ее катера. А может – дождевая туча.

Река уносила меня на юг.

5

Отец капитан де Сойя покинул систему Пасема на звездолете «Рагуил» – крейсере класса «архангел», точной копии корабля, на который он был назначен командиром. Чудовищное ускорение квантового двигателя, известного в Священной Империи как двигатель Гидеона, убило де Сойю мгновенно. Воскрес он не за три, а за два дня – риск был велик, но распоряжения командования не предусматривали задержек, – и очнулся на стратегической космической станции «Омикрон2-Эпсилон3» на орбите мертвой, каменистой планеты, вращавшейся во мраке космоса на бывшей Украине, между Эпсилоном Эридана и Эпсилоном Индейца, в дюжине световых лет от того места, где когда-то была Старая Земля.

Де Сойе дали сутки на сборы, после чего он был доставлен на пересадочный пункт, в сотне тысяч километров от военной базы. Девушка-мичман, пилотировавшая катер, отклонилась от стандартной траектории, чтобы капитан мог как следует разглядеть свой новый корабль, и де Сойю полностью захватило открывшееся ему зрелище.

«Рафаил», вне всяких сомнений, был чудом современной техники, не воссоздание – как все имперские корабли, которые прежде видел де Сойя, – и не развитие технических достижений Гегемонии. Судя по внешнему дизайну, корабль был создан для работы в полном вакууме, но, несмотря на сложность конструкции, оставалось четкое ощущение смертоносной стремительности. Корпус состоял из сочетания морфосплавов и островков энергетического поля и мог мгновенно менять форму – всего несколько лет назад такое казалось немыслимым. Пока катер медленно летел по баллистической дуге мимо «Рафаила», де Сойя наблюдал, как длинный корабль из серебристо-хромового становится матово-черным, практически исчезая из поля зрения. Гладкий фюзеляж поглотил все оружейные рубки и жилые каюты, оставив лишь оружейные блистеры и зонды силовых полей. Либо звездолет готовился к квантовому прыжку, либо офицеры на борту прекрасно знали, что в катере летит их новый капитан, и устроили небольшое шоу.

Де Сойя знал: и первое, и второе предположение в равной степени соответствуют истине. Перед тем как крейсер сделался абсолютно черным, де Сойя успел заметить сферы термоядерных двигателей, висевшие гроздьями жемчужин вдоль центральной оси; на «Бальтазаре», факельщике, которым когда-то командовал де Сойя, двигатели были все собраны вместе. Еще он заметил, насколько меньше двигатели Гидеона тех, что были на старом «Рафаиле». И последнее, что он успел заметить, – мерцание огней в исчезающих полупрозрачных кубриках и абсолютно прозрачный купол капитанского мостика. Из инструкций, полученных перед вылетом в штабе Флота, де Сойя знал: в боевых условиях все прозрачные участки покрываются толстым слоем брони, но он всегда ценил возможность полюбоваться сквозь невидимые стены бездонным космосом.

– Приближаемся к «Уриилу», сэр, – сообщила девушка-пилот.

Де Сойя кивнул. Издалека «Уриил» казался близнецом нового «Рафаила», но, когда катер подлетел ближе, стали заметны дополнительные омега-генераторы, добавочные антенны и купол конференц-зала – все, что положено флагманскому кораблю.

– Приготовьтесь, сэр, швартуемся.

Де Сойя снова кивнул и опустил в антиперегрузочное кресло второго пилота. Стыковка прошла настолько гладко, что он практически не почувствовал толчка. Де Сойе очень хотелось похвалить молодого пилота, но привычки бывалого командира взяли верх.

– В следующий раз, – сказал он, – приближаясь к кораблю, не тяните с торможением до последней секунды. На флагмане не одобряют показательных выступлений.

Улыбка сошла с ее лица. Де Сойя положил руку ей на плечо.

– А в остальном – хорошая работа. Я бы взял вас пилотом к себе на корабль.

У девушки засверкали глаза.

– Спасибо, сэр. Об этом можно только мечтать. Эта работа на станции... – Она осеклась, сообразив, что сказала слишком много.

– Знаю. – Де Сойя направился к шлюзу. – Знаю. Но сейчас – радуйтесь, что вы не участвуете в крестовом походе.

Шлюз распахнулся, и почетный караул проводил отца капитана де Сойю на борт «Уриила», названного – если де Сойя не ошибался – именем ветхозаветного предводителя небесного воинства.

В девяноста световых годах от «Уриила» и всего лишь в трех световых годах от Пасема на гигантской скорости вышел из подпространства старый «Рафаил». При таком ускорении выдавливается костный мозг из человеческих костей, разрушаются клетки человеческого организма, размазываются нейроны человеческого мозга. Радаманта Немез и ее клоны не испытывали приятных ощущений, но ни один из них не вскрикнул и даже не поморщился.

– Что это за место? – спросила Немез, разглядывая бурую планету, которая заполняла экран. «Рафаил» тормозил при 230 g. Немез не села в амортизационное кресло – она повисла на поручне с небрежностью кондуктора, пробирающегося по переполненному автобусу.

– Свобода, – ответил ее близнец.

Немез кивнула. Больше никто ничего не говорил, пока «архангел» не вышел на орбиту и от него не отделился катер, с визгом устремившийся в разреженную атмосферу.

– Он будет здесь? – спросила Немез. От ее висков тянулись к пульту управления оптоволоконные нити.

– О да, – ответила ее двойняшка.

На Свободе жила горстка людей, но после Падения всем пришлось укрыться в силовых куполах в сумеречной зоне, и у них не было техники, способной отследить «архангел» или планетарный катер. В этой системе не было ни одной имперской базы. Между тем на солнечной стороне этого скалистого мира даже свинец кипел, как вода; а на теневой стороне разреженный воздух был близок к точке замерзания. Однако в недрах непригодной для жилья планеты на восемьсот с лишним тысяч километров протянулись туннели, каждый – квадратного сечения со стороной тридцать метров. Свобода была одним из девяти миров-Лабиринтов, открытых еще на заре Хиджры и исследованных в эпоху Гегемонии. К этим девяти мирам принадлежал и Гиперион. И ни один человек не знал тайну создателей этих Лабиринтов.

Катер миновал завесу аммиачного ливня на теневой стороне, завис на мгновение перед отвесной стеной льда, которую можно было различить только с помощью сверхчувствительных датчиков, сложил крылья и устремился к квадратному отверстию Лабиринта. После первого поворота туннель на многие километры протянулся прямо как стрела. Под ним радар показывал паутину других переходов. Катер пролетел три километра и на первом же перекрестке свернул влево, еще пять километров на юг, полкилометра вниз – и Немез посадила катер.

Инфракрасный датчик уловил тепло только от остывающей лавы. Немез увеличила чувствительность прибора. Пустота. Нахмурившись, она включила бортовые прожекторы.

Идеально прямой коридор уходил в бесконечность, теряясь во мраке, вдоль стен – ряды каменных плит, и на каждой плите – обнаженное человеческое тело. Немез бросила взгляд на экран радара: под ними – такие же прямые туннели, каменные плиты, обнаженные тела.

– Выходим, – сказал мужской клон Радаманты – тот, что вытащил ее из озера лавы на Роще Богов.

Немез не стала возиться со шлюзом. Воздух с ужасающим ревом вырвался из катера. В подземелье сохранились остатки атмосферы – очень разреженной, хуже, чем на Марсе, – но для Немез этого было достаточно. Ее датчики показали температуру: минус 162 градуса по Цельсию.

У стены, освещенный бортовыми прожекторами, стоял человек.

– Добрый вечер, – сказал советник Альбедо – высокий мужчина в безупречном сером костюме, сшитом по последней пасемской моде. Он общался напрямую, на частоте 75 мегагерц. Губы Альбедо не шевелились, улыбка обнажала ровные белые зубы.

Немез молча ждала. Она знала: ни выговора, ни наказания больше не будет. Три Сектора готовили ей новое задание.

– Девочка, Энея, вернулась в Священную Империю, – сказал Альбедо.

– Куда именно? – спросила двойняшка Немез. В ее ровном голосе чувствовалось нетерпение.

Советник Альбедо развел руками.

– Портал... – начала Немез.

– На этот раз ничего нам не сообщил. – Советник по-прежнему улыбался.

Немез нахмурилась. За все века существования Великой Сети Три Сектора Техно-Центра так и не научились пользоваться порталами, не оставляя следа.

– Кое-Что-Еще... – проговорила она.

– Разумеется. – Альбедо резко махнул рукой, прекращая бессмысленные разговоры. – Но нам по-прежнему никто не мешает регистрировать сам факт связи. И мы уверены, что девочка – среди тех, кто возвращается через порталы Сети со Старой Земли.

– Есть и другие? – спросил мужской клон Немез.

Альбедо кивнул.

– Сначала было немного. Теперь – больше. По последним данным – не менее пятидесяти случаев.

Немез скрестила руки на груди.

– Вы полагаете, что Кое-Что-Еще завершает эксперимент со Старой Землей?

– Нет. – Альбедо подошел к ближайшей плите и посмотрел на обнаженное человеческое тело – молодая женщина, лет восемнадцать, не больше. Рыжеволосая, на бледной коже и на веках – слой инея. – Нет, – повторил он. – Секторы сходятся на том, что возвращается только группа Энеи.

– Как нам ее найти? – задумчиво спросила двойняшка Немез. – Мы могли бы прыгнуть на каждый из миров, где есть порталы, и лично опросить каждый.

Альбедо кивнул.

– Кое-Что-Еще способно скрыть местонахождение конечного портала. Однако Центр почти уверен, что закрыть доступ к матрицам памяти оно не в состоянии.

«Почти уверен», – повторила про себя Немез. Непривычная формулировка для Техно-Центра.

– Мы хотим, чтобы вы... – начал Альбедо, указывая пальцем на двойняшку Немез. – Ортодоксы не дали вам имен, так?

– Нет, – ответила та. На ее бледный лоб падали мягкие темные пряди. На тонких губах не было даже тени улыбки.

Альбедо хмыкнул.

– Радаманте Немез имя было нужно, чтобы войти в команду «Рафаила». Думаю, имена понадобятся и остальным. Хотя бы для моего удобства. – Альбедо указал на женщину: – Скилла. – Затем повернулся к мужчинам: – Гиес. Бриарей.

Все трое никак не отреагировали на это крещение.

– Вас это забавляет, советник? – спросила Немез.

– Да, – ответил Альбедо.

Воздух, вырывавшийся из катера, конденсировался вокруг них зловещим туманом. Тот, кого отныне звали Бриарей, сказал:

– Мы возьмем этот «архангел» и обследуем все миры старой Сети. Мне кажется, начать следует с планет реки Тетис.

– Да, – согласился Альбеде.

Скилла постучала ногтем по замерзшей ткани комбинезона.

– С четырьмя кораблями поиск пойдет в четыре раза быстрее.

– Естественно, – кивнул Альбеде. – Мы отказались от этого по нескольким причинам – в первую очередь из-за того, что у Флота не так уж много свободных «архангелов», которые можно было бы одолжить.

Немез подняла бровь.

– Разве Техно-Центр когда-нибудь просил Империю об одолжении?

– Нам нужны их деньги, заводы и человеческие ресурсы для постройки кораблей, – очень спокойно ответил Альбеде. – Вторая – и главная – причина в том, что мы не хотим разъединять вас на случай, если придется встретиться с кем-то – или с чем-то, – с кем – или с чем – вы в одиночку не справитесь.

Немез по-прежнему стояла, подняв бровь. В словах советника она услышала намек на ее провал на Роце Богов.

– С чем во всей Священной Империи мы можем не справиться, советник? – спросил Гиес.

И вновь человек в сером костюме развел руками. Клубы тумана за его спиной разошлись, открыв бледные тела на каменных плитах.

– Со Шрайком.

Немез фыркнула:

– Я побила его голыми руками.

Альбеде, все так же улыбаясь, покачал головой.

– Нет, – сказал он. – Ты воспользовалась нашим гиперэнтропийным устройством, чтобы отправить его на пять минут в будущее. А это не то же самое, что побить голыми руками.

– Шрайк больше не подчиняется Высшему Разуму? – спросил Бриарей.

Альбеде в последний раз развел руками.

– Боги грядущего больше не общаются с нами, мой дорогостоящий приятель. Они воюют друг с другом, и эхо их сражений разносится во времени. Если дело нашего бога должно быть выполнено в наше время, мы должны выполнить его сами. – Советник обвел взглядом четверых киборгов. – Инструкции понятны?

– Найти девчонку, – сказала Скилла.

– И? – спросил советник.

– Убить ее, – ответил Гиес. – Без колебаний.

– А если вмешаются ее последователи? – Улыбка Альбеде стала еще шире, а голос звучал пародией на школьного учителя.

– Убить их, – отозвался Бриарей.

– А если появится Шрайк? – Улыбка внезапно пропала.

– Уничтожить, – сказала Немез.

Альбеде кивнул.

– Еще вопросы есть?

– Сколько здесь человек? – показала Скилла на плиты с телами.

Советник Альбеде потер подбородок.

– Несколько десятков миллионов на этой планете, в этой секции Лабиринта. Но здесь много секций. – Он снова улыбнулся. – И еще восемь миров-Лабиринтов.

Медленно повернув голову, Немез посмотрела сквозь туман на уходящие в бесконечность ряды плит. Датчики показывали, что температура тел равнялась температуре воздуха.

– Это работа Ордена, – заключила она.

Альбеде хмыкнул:

– Разумеется. Зачем Трем Секторам Сознания или грядущему Высшему Разуму складировать человеческие тела? – Он подошел к телу рыжеволосой женщины и постучал по застывшей груди. Воздух в туннеле был слишком разреженным, чтобы в нем разносился звук, но Немез почувствовалось, будто она слышит скрежет ногтя по холодному мрамору.

– Еще вопросы? – справился Альбедро. – У меня важная встреча.

Ни слова не говоря, четверо киборгов повернулись и вошли в катер.

* * *

В тактическом центре «Уриила» собрались двадцать офицеров Флота: капитаны кораблей эскадры и все первые помощники. Среди помощников был и командор Хоган Жабер по прозвищу Жаба. Тридцати шести стандартных лет, возрожденный христианин с Малого Возрождения, отпрыск некогда могущественного рода, чьи владения покрывали два с половиной миллиона гектаров – и чей нынешний долг составлял почти пять марок на гектар, Жабер посвятил свою жизнь служению Церкви и отдал свои профессиональные таланты Флоту. Кроме того, он был шпионом и потенциальным убийцей.

Он с любопытством поглядывал на своего нового командира. Все в эскадре – едва ли не все на Флоте – были наслышаны об отце капитане де Сойе. Бывшему командиру факельщика пять лет назад доверили папский диск – символ практически неограниченной власти, и дали сверхсекретное задание, и де Сойя это задание провалил. В чем состояло задание, никто толком не знал, но из-за папского диска отец капитан нажил немало врагов во всем Имперском Флоте. Его последующий провал и внезапное исчезновение послужили поводом для множества догадок, почти все сходилось на том, что де Сойю отдали в руки Инквизиции, отлучили от Церкви и скорее всего казнили.

Но сейчас он стоял здесь, в тактическом центре, и ему было поручено командование величайшей ценностью – крейсером класса «архангел».

Внешность де Сойи удивила Жабера: невысокий, темноволосый, с печальными глазами, больше подходившими святому великомученику с древней иконы, чем капитану боевого звездолета. Адмирал Алдикакти, коренастая луизианка, председательствовавшая на совещании, быстро представила друг другу собравшихся.

– Отец капитан де Сойя, – сказала она, едва де Сойя занял свое место за круглым серым столом посреди круглого серого зала. – Полагаю, кое-кого из присутствующих вы знаете. – Адмирал славилась полным отсутствием такта и свирепостью в битвах.

– Капитан Стоун – мой давний друг. – Де Сойя кивнул своему бывшему старшему помощнику. – С капитаном Хирном мы вместе участвовали в сражениях. Я знаком с капитаном Сати, и с капитаном Лемприером мы встречались. Кроме того, я имел честь работать с генералом Учикавой и генералом Барнс-Эйвне.

Адмирал Алдикакти фыркнула.

– Генерал Барнс-Эйвне представляет здесь морских пехотинцев и швейцарскую гвардию. Вы уже познакомились со своим помощником, отец капитан?

Де Сойя покачал головой, и Алдикакти представила ему Жабера. Жабу удивили сила рукопожатия капитана и властность в его взгляде. «Пускай у него глаза мученика, – подумал Жабер, – этот человек привык отдавать приказы».

– Хорошо, начнем, – рывкнула адмирал Алдикакти. – Пожалуйста, капитан Сати.

Следующие двадцать минут в блистере сменяли друг друга голографические изображения и траектории полетов. Комлоги и скрайберы наполнялись данными и записями. Сати говорил очень тихо. Изредка ему задавали вопросы или просили пояснений.

Жабер, изумленный размахом операции, делал собственные пометки и, выполняя работу старшего помощника, записывал все данные, которые впоследствии могут понадобиться капитану.

Эскадра «Гидеон» была первой эскадрой крейсеров класса «архангел». Факельщики с двигателями Хоукинга были отправлены к месту randevu – на Окраину, в двадцати световых годах за Великой Стеной, – заблаговременно, за несколько месяцев, но лишь для участия в первой операции: после квантового прыжка семи «архангелам» предстояло действовать самостоятельно.

– Наиболее удачное сравнение – марш генерала Шермана через Джорджию в американской Гражданской войне, еще до Хиджры, в девятнадцатом веке, – сказал капитан Сати, и больше половины офицеров тут же запросили у комлогов данные об этом историческом событии. – До сих пор, – продолжал Сати, – наши сражения с Бродягами проходили на «ничейной земле»: за Великой Стеной или на границе. Глубоких рейдов практически не было. – Сати сделал паузу. – Пять лет назад отец капитан де Сойя провел один из самых глубоких.

– Комментарии будут, отец капитан? – спросила адмирал Алдикакти.

Мгновение де Сойя колебался.

– Мы сожгли орбитальный лес, – произнес он наконец. – Соппротивления не было.

Хогану Жаберу показалось, что капитану об этом говорить стыдно.

Сати удовлетворенно кивнул:

– Мы надеемся, что так же будет и на этот раз. По сообщениям разведки, основные силы Бродяг сосредоточены у Великой Стены, в глубине территории – лишь незначительные группы. Без малого триста лет они размещали свои военные силы, базы и жилые системы, исходя из ограничений технологии Хоукинга.

В блистере вновь возникли тактические голограммы.

– Уже стало штампом считать, что преимущество Священной Империи – в налаженных линиях транспорта и связи, а сила Бродяг – в их скрытности и затерянности в пространстве. Глубокие рейды были невозможны из-за уязвимости наших тылов и партизанской тактики Бродяг, которые нередко успевали полностью уничтожить наш авангард еще до подхода основных сил.

Сати замолчал, глядя на сидевших вокруг стола офицеров.

– Дамы и господа, эти дни ушли в прошлое. – Зал заполнила голограмма: прочерченная красной линией траектория эскадры подобно лазерному клинку рассекала межзвездное пространство.

– Задание – уничтожить все внутренние базы Бродяг и их колонии. – Тихий голос Сати неожиданно обрел силу. – Кометные фермы, города-бидонвили, торы, скопления Л-5, орбитальные леса, родильные астероиды, пузырьковые ульи... все!

– И штатских «ангелов» тоже? – спросил отец капитан де Сойя.

Хоган Жабер моргнул. На Флоте Бродяг-мутантов называли «ангелы Люцифера» или просто «ангелы» (ирония на грани кощунства), но подобные термины редко использовались в разговорах с высшим командным составом.

– Особенно «ангелов», отец капитан, – ответила адмирал Алдикакти. – Его Святейшество Папа Урбан объявил крестовый поход против проклятых нелюдей-Бродяг, которые плодятся во мраке космоса. Его Святейшество особо подчеркнул в своей энциклике, что в Божьей Вселенной нет места этим богопротивным мутантам. *Штатских Бродяг не существует*. Вы чего-то не понимаете, отец капитан де Сойя?

Офицеры за столом затаили дыхание. Наконец де Сойя ответил:

– Нет, адмирал. Я понимаю энциклику Его Святейшества.

Инструктаж продолжался.

– В операции будут задействованы следующие крейсеры класса «архангел». – Сати принялся перечислять: – «Уриил», «Рафаил», «Михаил», «Гавриил», «Рагуил», «Ремиил» и «Сариил». Флагман – «Уриил». Звездолеты будут совершать квантовый прыжок к нужной системе и затем тормозить в самой системе один-два дня, за это время команды успеют воскреснуть. Его Святейшество даровал нам соизволение на использование саркофагов нового типа – вероятность успешного воскрешения девятьюстами два процента. После перегруппировки сил мы нападаем на Бродяг, наносим им максимальный урон – и совершаем прыжок к следующей точке. Любой звездолет, получивший серьезные повреждения, будет оставлен, команду эвакуируют на другие корабли, крейсер уничтожат. Ни один «архангел» с двигателем Гидеона не должен достаться Бродягам, пускай даже без таинства воскрешения он для них бесполезен. Продолжительность операции – около трех стандартных месяцев. Вопросы?

Отец капитан де Сойя поднял руку.

– Прошу прощения. Я отсутствовал несколько стандартных лет, но я заметил, что все корабли эскадры носят имена архангелов, упомянутых в Ветхом Завете.

– Да, отец капитан, – кивнула адмирал Алдикакти. – Ваш вопрос?

– Только это, адмирал. По-моему, в Библии по именам упоминаются только семь архангелов. Как же будут называться остальные корабли?

За столом послышались смешки, и де Сойя понял, что своим вопросом, как и предполагал, разрядил напряжение.

Адмирал Алдикакти улыбнулась:

– Мы приветствуем возвращение товарища по оружию и сообщаем ему, что ватиканские теологи изучили книгу Еноха и прочие неканонические тексты, чтобы найти там других ангелов, которых можно возвести в ранг «почетных архангелов», и Священная Канцелярия постановила дать их имена кораблям Флота. Мы сочли... э-э-э... символическим, что первые семь «архангелов» планетарного класса, названные именами Библейских архангелов, должны испепелить врага священным огнем.

Смешки сменились одобрительными возгласами и негромкими аплодисментами.

Больше вопросов не было.

– Да, еще одно... – сказала адмирал Алдикакти. – Если увидите этот корабль... – Над столом повисла голограмма диковинного звездолета. По меркам Флота – совсем небольшой корабль, корпус обтекаемый, как для полетов в атмосфере, у дюз стабилизаторы.

– Что это? – улыбнулась капитан Стоун. – Шутка Бродяг?

– Нет, – без всякого выражения тихо ответил де Сойя. – Это технология времен Великой Сети. Личный звездолет... принадлежавший конкретному человеку...

Некоторые из помощников снова засмеялись.

Адмирал Алдикакти разрубила изображение ребром ладони, и смешки мгновенно стихли.

– Отец капитан прав. Это корабль времен Великой Сети, когда-то он принадлежал одному дипломату Гегемонии. – Она покачала головой. – У них были деньги на красивую жизнь. На корабле установлен двигатель Хоукинга, модифицированный Бродягами, возможно, он вооружен и должен рассматриваться как опасность.

– Что мы должны делать, если встретим его? – спросила капитан Стоун. – Захватить в качестве трофея?

– Нет, – проговорила адмирал. – Уничтожить на месте. Испарить. Еще вопросы?

Вопросов больше не было. Офицеры разошлись по своим кораблям готовиться к первому прыжку. По дороге на «Рафаил» старший помощник Жабер докладывал своему новому командиру о готовности корабля и команды, а сам все время думал: «Надеюсь, мне не придется убивать этого человека».

6

Я по опыту знал – после боли вынужденной разлуки, когда покидаешь семью, уходя на войну, или когда смерть разлучает с тем, кто дорог, или когда расстаешься с тем, кого любишь, и не знаешь, увидишься ли вновь, – испытываешь странное спокойствие, чуть ли не облегчение, словно самое страшное уже позади и бояться нечего. Так оно и было в тот дождливый предрассветный час, когда я оставил Энею на Старой Земле.

Мой каяк был маленьким, а Миссисипи – огромной. Пока не рассвело, я работал веслом в бешеном темпе, почти в панике – подгоняемый возбуждением, я напряженно всматривался, стараясь разглядеть коряги, отмели и плавник в ревущем потоке. Река была здесь очень широкой – кажется, не меньше мили. (Старый Архитектор пользовался старинными мерами длины: милями, ярдами, футами, и многие из нас в Талиесине приобрели привычку подражать ему.) Наверное, река вышла из берегов – мертвые деревья показывали, что вода разлилась на сотни метров от первоначального русла – и теперь бурлила меж высоких утесов.

Где-то через час начало светлеть. Сначала слева проявились границы серых облаков и черно-серых круч – и потом по поверхности реки разлился ровный, холодный свет. Не зря я так осторожничал в темноте: река буквально кишела длинными щупальцами отмелей, бревнами, полузатопленными деревьями – корни, как головы гидры, проносились по стремнине, словно исполинские тараны, сокрушая все на своем пути. Я выбрал, как я надеялся, самый удачный поток и, усиленно работая веслом, чтобы не врезаться в плавающие обломки, попробовал насладиться рассветом.

Все утро я плыл на юг, не встречая никаких признаков человеческого жилья, если не считать одного случая – промелькнули древние белые здания, затонувшие среди мертвых деревьев и солоноватых вод там, где некогда был западный берег, а теперь топь у подножия утесов. Дважды я причаливал к островам: в первый раз – чтобы облегчиться, а во второй – чтобы облегчить маленький рюкзак, единственное, что я взял с собой. Во время второй остановки – позже утром, когда солнце пригрело реку и меня, – я сидел на бревне на песчаном берегу и ел сэндвичи с холодным мясом и горчицей. Я прихватил с собой две фляжки – одну повесил на пояс, другую сунул в рюкзак – и пил понемногу, сдерживая себя – ведь неизвестно, можно ли пить воду Миссисипи, и уж тем более неизвестно, когда мне удастся возобновить запас.

Уже днем я заметил впереди город и арку портала.

Немного раньше в Миссисипи справа влился приток, и река стала значительно шире. Должно быть, это Миссури. Я спросил комлог, и память корабля подтвердила мою догадку.

И вскоре после этого я увидел арку.

Этот портал сильно отличался от тех, сквозь которые мы проходили в наших странствиях: больше, древнее, приземистее, сильнее изъеден ржавчиной. Может, когда-то он был высоким и стоял на суше, на западном берегу реки, но теперь металлическая арка торчала из воды в сотнях метров от берега. Остовы затопленных зданий – «низких небоскребов» эпохи до Хиджры, как подсказал мне мой недавно приобретенный архитектурный навык, – торчали неподалеку из медлительных вод.

– Сент-Луис, – сообщил браслет комлога. – Уничтожен еще до Злых Лет. Покинут до Большой Ошибки восьмого года.

– Уничтожен? – переспросил я, направляя каяк к гигантскому своду и впервые заметив, что западный берег позади арки изгибается правильным полукругом, образуя мелкое озерцо. На берегу выстроились дугой старинные деревья. Метеоритный кратер? Или воронка от бомбы или взорвавшейся электростанции? Впрочем, есть и другие варианты, не знаю. – Как уничтожен?

– Нет информации, – отозвался комлог. – У меня имеются данные, относящиеся к арке прямо по курсу.

– Ведь это портал? – спросил я, сражаясь с сильным течением западнее стремнины и направляя каяк к арке.

– Не совсем, – сказал комлог. – Размеры и местоположение артефакта совпадают с местоположением и размерами так называемой Гетуэй-Арк, архитектурного сооружения, возведенного в городе Сент-Луис во времена Соединенных Штатов Америки, национального государства, в середине двадцатого столетия. Символизирует экспансию на запад протонационалистических пионеров европейского происхождения, мигрировавших сюда с целью вытеснения североамериканских туземцев.

– Индейцев, – уточнил я, тяжело дыша от напряжения. Кое-как мне удалось обуздать каяк и подвести его к арке. Хотя солнце уже час с лишним пекло в полную силу, вдруг похолодало – набежали серые облака и снова задул холодный ветер. По фибропласту каяка забарабанили дождевые капли. Течение несло каяк прямо к центру арки, и я отложил весло, приняв все меры, чтобы случайно не нажать на таинственную красную кнопку. – Значит, этот портал построили в честь людей, которые убивали индейцев... – Я подался вперед и оперся на локти.

– Первоначально Гетуэй-Арк не могла служить порталом, – сообщил комлог.

– И как она пережила эту... катастрофу? – Я указал веслом на кратер и затопленные здания.

– Нет информации, – ответил комлог.

– И ты не знаешь, портал ли это? – Я снова принялся грести. Арка нависала надо мной, до ее свода было не меньше ста метров. Лучи зимнего солнца тускло поблескивали на ржавых боковинах.

– Нет. В моей памяти нет сведений о наличии порталов на Старой Земле.

Разумеется, откуда им быть? Старая Земля провалилась в черную дыру в результате Большой Ошибки – или была похищена львами, тиграми и медведями, – как минимум за полтора столетия до того, как Техно-Центр одарил Гегемонию технологией порталов. Но все же здесь был маленький, однако вполне работоспособный портал на реке – точнее, на ручье – в западной Пенсильвании, сквозь него мы с Энеей и вышли с Роши Богов четыре года назад. Во время моих странствий я видел и другие.

– Что ж, – сказал я, обращаясь больше к самому себе, чем к идиоту-комлогу, – если этот портал не работает, поплывем дальше. Энея знала, что делает, посылая нас сюда.

Но если честно, я здорово сомневался. Под аркой не наблюдалось характерного для порталов мерцания: проблесков солнечного света или тусклого сияния звезд. Только темнеющее небо и черная полоса леса на дальнем берегу.

Откинувшись назад, я смотрел на арку – во многих местах отсутствуют облицовочные панели и торчат стальные ребра конструкции. Каяк вошел в арку, поплыл дальше и... ничего не произошло. Ни малейшего изменения, никакого резкого светового или гравитационного сдвига, никаких инопланетных запахов. Эта штука оказалась просто доисторической развалиной, которая лишь отдаленно напоминала...

Все переменилось.

Только что я плыл по бурлящей Миссисипи к озеру на месте города Сент-Луис – и вдруг в одно мгновение оказался на своей крошечной фибропластовой лодочке в узком канале между стенами освещенных зданий, а где-то в вышине, над самыми крышами, догорал закат.

– Иисусе, – прошептал я.

– Древний мессия, – охотно сообщил комлог. – Религии, основанные на его предполагаемых учениях, включают в себя дзен-христианство, древний и современный католицизм и такие протестантские секты, как...

– Заткнись, – сказал я. – Режим послушного ребенка. – Теперь комлог будет говорить, только когда его спросят.

По каналу – если это, конечно, был канал – плыли и другие лодки. Дюжины яхт, гребных лодок и каяков двигались вверх и вниз по течению. На набережных и эспланадах, на мостах – везде сотни людей, парочки или небольшие компании, все коренастые, в ярких одеяниях.

Подняв весло, я почувствовал, насколько изменилась сила тяжести: в два раза больше земной, по первому впечатлению – и медленно поднял голову к сотням – нет, тысячам, – освещенных окон, балконов и посадочных площадок, к серебристым поездам, пронесившимся по прозрачным трубам над рекой, к ТМП, воздушным платформам и паромам, перевозившим людей через этот невероятный каньон... и понял.

Лузус. Это должен быть Лузус.

Я уже встречался с лузианами – богатые охотники, прилетавшие на Гиперион пострелять уток, очень богатые игроки в казино на Девяти Хвостах (я работал там вышибалой) и даже несколько эмигрантов в наших гипернионских силах самообороны, по всей вероятности, скрывавшиеся от властей. Все они, коренастые и мускулистые, как две капли воды походили на тех, кого я видел сейчас на набережных и эспланадах; и все они чем-то напоминали примитивные, но весьма мощные паровые машины.

Никто, похоже, не обращал никакого внимания ни на меня, ни на мой каяк. Странно: ведь с точки зрения лузиан я должен был возникнуть ниоткуда, материализоваться под аркой портала.

Оглянувшись, я понял, почему мое появление прошло незамеченным. Портал был старинным – некогда, во времена Гегемонии, он стоял на реке Тетис, и арка была встроена в стену Улья, – а ведь здесь повсюду громоздились платформы и мостки, и так получилось, что тот участок канала, за порталом, терялся в глубокой тени. На моих глазах маленькая моторная лодка вынырнула из этой тени, словно тоже возникла из небытия.

А в таком одеянии – на мне были свитер и куртка (если учесть, что из каяка торчали только плечи) – я вполне мог сойти за коренастого лузианина, ничем не выделявшегося в этой пестрой толпе. Мимо пронеслась парочка на реактивных лыжах. Они приветливо помахали мне.

Я помахал в ответ.

– Иисусе, – снова прошептал я.

На сей раз комлог промолчал.

Здесь я должен прервать свой рассказ.

У меня было искушение – хотя в «кошачий ящик» в любой момент может быть выпущен цианид – описать во всех подробностях мою одиссею. И действительно, из всего, что было за эти четыре года, только мое странствие и заслуживает называться настоящим приключением.

И впрямь, нетрудно было догадаться – это мое путешествие будет вроде того, первого, с Возрождения-Вектор на Старую Землю. Тогда наш с Энеей путь лежал в основном через пустынные или покинутые миры: Хеврон, Новая Мекка, Роща Богов, безымянная планета джунглей, где мы оставили корабль Консула. Впрочем, в тех немногих случаях, когда мы натыкались на местных жителей – словно по иронии судьбы, так и произошло на Безбрежном Море, – контакт имел катастрофические последствия для обеих сторон: я взорвал плавучую платформу, меня поймали, арестовали, подстрелили и чуть было не утопили. По ходу дела я потерял все самое ценное из нашего снаряжения, даже древний ковер-самолет, сохранившийся со времен легендарной Сири, и не менее древний револьвер сорок пятого калибра, некогда принадлежавший Ламии Брон, матери Энеи.

Но большую часть пути река Тетис несла Энею, А.Беттика и меня по пустынным мирам – зловеще пустынным, как Хеврон или Новая Мекка, словно некий ужас выгнал оттуда людей, – и там мы были одни.

Но только не здесь. Лузус бурлил жизнью. Впервые я понял, почему планетарные соты называют Ульями.

Путешествуя по незаселенным планетам, мы с А.Беттиком и Энеей полагались исключительно на собственные силы. А сейчас – одинокий и, в сущности, беззащитный, я поймал себя на том, что машу рукой имперской полиции и лузианским священникам. Канал был здесь не шире тридцати метров, бетон и пластик – никаких притоков, ответвлений, спрятаться совершенно негде. Под мостами и переходами, правда, можно было бы остаться незамеченным, но речной транспорт непрерывным потоком проплывал мимо этих мест. Нет, спрятаться негде.

Впервые в жизни я оценил все безрассудство перемещений через порталы. Моя одежда явно нездешняя, и стоит мне только ступить на берег, как все это сразу же заметят. Да и телосложение неподходящее. А уж гиперионский выговор и подавно наведет на подозрения. У меня нет ни денег, ни личной карточки, ни лицензии на право вождения ТМП, ни бумаг с имперской печатью.

Я уже давно жадно принимался к соблазнительным ароматам с берега – ветерок явственно доносил запах жаркого и холодного пива, но понимал: стоит мне выйти и заглянуть в бар, не пройдет и минуты, как меня арестуют.

Конечно, некоторые имперские подданные перемещались между мирами – миллионеры, деловые люди, искатели приключений, готовые проводить месяцы в криогенной фуге и годы в транспортных звездолетах, самонадеянные из-за самого факта наличия крестоформа: пока они странствуют, работа, и дом, и семья никуда не денутся в их возрожденном христианском мире – но таких мало. К тому же никто не путешествует по галактике без денег и без разрешения официальных властей. Да, так и есть – если я все-таки рискну заглянуть в кафе, бар или ресторан, кто-нибудь наверняка вызовет местную полицию или имперский военный патруль. Для начала они установят, что на мне нет креста, что я – язычник в христианской вселенной.

Я облизнул пересохшие губы – желудок утробно урчал от голода, руки не слушались от усталости и повышенной гравитации, глаза слезились от недосыпа и переживаний, но я, отринув береговые соблазны, двинулся вдоль по каналу... Эх, лучше бы следующий портал оказался ближе, чем дальше.

Здесь я воздержусь от повествования об удивительных видах и звуках, о диких людях и встречах. Я никогда не был на таком застроенном, таком людном и таком домашнем мире, как Лузус. Чтобы обследовать шумный Улей, промелькнувший мимо, у меня ушел бы по меньшей мере месяц.

Шесть часов путешествия по каналу – и я зарулил под желанную арку и очутился на Фройде – шумном, суетливом, густо заселенном мире, о котором я почти ничего не знал и даже не смог бы определить, где я, собственно, нахожусь, если б не штурманские файлы комлога. Там я наконец выпался, спрятав каяк в пятиметровом коллекторе. Я сладко спал на клочьях фибропласта, повисшего на проволоочной изгороди.

Проспал я стандартные сутки, но на Фройде сутки длятся тридцать девять стандартных часов, поэтому следующий портал я разыскал вечером того же дня, меньше чем в пяти километрах ниже по течению.

С солнечной Фройде, населенной имперскими подданными, я перенесся на Невермор – мир угрюмых горных селений, нависающих над пропастью каменных замков и вечно хмурого неба. Ночью в черной вышине проносились кометы и местные вороны; расправив кожистые крылья, парили они над рекой, и черные силуэты перечеркивали яркие хвосты комет.

Меня окликнули плотогоны, и я помахал в ответ, продолжая грести к полосе бурлящей воды, которая чуть не перевернула каяк. Вослед завывали сирены со стен неверморских замков.

Я миновал портал и очутился в знойной, выжженной солнцем пустыне, на маленькой планете, которая, как сообщил комлог, называлась Витус-Грей-Балиан Б. Я никогда не слышал о ней, ее не было даже в старинных звездных атласах времен Гегемонии, которые бабушка бережно хранила в своем фургоне и в которые я при каждом удобном случае так и норовил заглянуть.

По дороге на Старую Землю река Тетис пронесла нас с А.Беттиком и Энеей через Новую Мекку и Хеврон, в пустынях там не было жизни и города стояли покинутые. Но здесь, на Витус-Грей-Балиане Б, глинобитные постройки сгрудились у кромки воды, и примерно через километр встречались плотины и дамбы – вода отводилась на поля, протянувшиеся вдоль реки. По счастью, река служила тут основной транспортной артерией, и я вынырнул из арки портала под прикрытием тяжелой баржи и продолжал себе грести среди бесчисленных лодок и судов – скифов, плотов, барж, буксиров, моторных лодок. Метрах в трех-четырех над поверхностью воды изредка проплывали ТМП.

Гравитация здесь была слабая – возможно, даже меньше двух третей земной, и временами возникало странное ощущение, что следующий взмах весла поднимет каяк над водой. Но если сила тяжести почти не чувствовалась, то свет – солнечный свет – придавил меня гигантской потной дланью. Полчаса такой гребли, и я опустошил вторую фляжку. Пришла пора заняться поисками воды.

Можно подумать, что обитатели планеты с низкой гравитацией непременно худы как щепки – полная противоположность коренастым обитателям Лузуса, – но почти все, кого я видел на берегах реки – мужчины, женщины, дети, – были такие же низкорослые и коренастые, как лузиане. В их одежде, яркой и многоцветной, чувствовалась та же пестрота, что и у обитателей Фройде, но здесь у каждого был какой-нибудь один ярчайший оттенок – алые комбинезоны, лазурные плащи и накидки, изумрудно-зеленые костюмы, платья, шарфы и шляпы, струящийся поток желтого шифона и розовые тюрбаны. Я заметил, что двери и ставни глинобитных домиков, лавок, гостиниц тоже окрашены все в определенный цвет. Что бы это значило? Может, знак касты? Политическая ориентация? Социальный или экономический статус? Или обозначение родства? В любом случае, что бы это ни было, нечего и думать затеряться в толпе на берегу в моем хаки.

Но выбора не оставалось – либо причалить к берегу, либо умереть от жажды. Миновав очередной автоматический шлюз, я подгреб к пирсу и с трудом привязал прыгающий на волне каяк – по реке как раз прошла тяжелая баржа. Я направился к круглому деревянному сооружению – похоже, это была артезианская скважина: женщины в желтых платьях выходили оттуда с кувшинами. Меня вот только беспокоило – если я наберу воду, не нарушу ли я тем самым какой-либо закон, кастовое ограничение, религиозное установление или местный обычай. Имперских властей в ближайшей окрестности не наблюдалось – ни черных сутан, ни красно-черных мундиров, – но это еще ничего не значит. Ведь даже на Окраине, к которой, как сообщил комлог, принадлежит Витус-Грей-Балиан Б, практически нет такой планеты, где так или иначе не присутствовал бы Орден. Я незаметно переложил охотничий нож в задний карман куртки – попробую в случае чего прорваться к лодке. Но если явится полиция, с парализаторами и игольниками, мое путешествие на этом закончится.

Правда, оно все равно должно было закончиться, и очень скоро, но тогда я этого не знал. Меня даже не насторожила боль в спине, появившаяся еще на Лузусе.

Итак, я неуверенно приближался к колодцу, если это колодец.

Это был колодец.

Никто никак не отреагировал ни на мой высокий рост, ни на тусклую одежду. Никто, даже дети в ярко-синем и ярко-красном – на миг они перестали играть, посмотрели на меня без всякого интереса и вернулись к своим делам. Я напился вдоволь и наполнил водой обе фляжки. У меня сложилось впечатление – уж не знаю почему, – что обитатели Витус-Грей-Балиана Б (или по крайней мере жители этой прибрежной деревушки) просто-напросто слишком вежливы, чтобы пялиться на меня или расспрашивать, что мне нужно. Завинтив вторую фляжку и уже повернувшись, чтобы идти к каяку, я подумал, что даже трехглавый инопланетный монстр – или, если уж пошел такой сюр, сам Шрайк – запросто мог бы напиться в жаркий знойный день из этого артезианского колодца, и его бы никто ни о чем не спросил.

Я сделал три шага по пыльной улице, и тут накатила боль. Я согнулся пополам, не в силах вздохнуть, упал на колени, завалился набок и скрючился в приступе раздражающей боли. Я бы завопил, если б мог. Хватая воздух, как рыба, выброшенная на берег, я свернулся в позе эмбриона, сраженный болью.

Нельзя сказать, что я вовсе уж не знаком с болью и лишениями. Когда я служил в силах самообороны, гипериионские военные как раз изучали этот вопрос, и тогда выяснилось: почти все новобранцы, отправленные на Ледяной Коготь сражаться с мятежниками, настоящие слабаки – боли совсем не выдерживают. А в городах северной Аквилы вряд ли вообще когда-либо испытывали боль, с которой не могли справиться пилюли или автохирург.

Я вырос на Гипериионских пустошах, и у меня несколько побольше опыта по этой части: порезы, сломанная нога (на меня наступил выючный мул), синяки и ушибы (падения со скал), сотрясение мозга, ожоги, разбитые губы, фонарь под глазом – результат потасовок с друзьями. А на Ледяном Когте меня ранили трижды – дважды шрапнелью, когда погибли все вокруг, и один раз из снайперской винтовки. Тогда, помнится, даже послали за священником, который долго уговаривал меня, пока еще не поздно, принять крестоформ.

Но такой боли я не испытывал никогда.

Я стонал, задыхался – похоже, мне все-таки удалось пробить стену вежливости и привлечь к себе внимание местных. Я поднял руку и запросил от комлога информацию, что со мной творится. Нет ответа. Между приступами невыносимой боли я повторил запрос. Нет ответа. И тут я вспомнил, что сам переключил эту хреновину в режим послушного ребенка. Я позвал его по имени и повторил запрос.

– Могу я активировать скрытую биосенсорную функцию, месье Эндимион? – спросил дебильный ИскИн.

Я и понятия не имел, что у него есть эта самая биосенсорная функция, скрытая, или как ее там. Я что-то промычал в ответ, и меня опять скрутила боль. Ощущение было такое, словно в спину вонзили кривой нож и медленно поворачивают в ране. Боль текла сквозь меня как ток по раскаленной проволоке. Началась рвота. Красивая женщина в ослепительно белом одеянии попятилась и подняла одну белую сандалию.

– Что со мной? – выдавил я между приступами боли. – Что происходит? – И попробовал ощупать спину – наверняка там кровь и открытая рана. Я искал торчащую стрелу или копье, но там ничего не было.

– Вы в состоянии шока, месье Эндимион, – объяснил лоботомированный ошметок ИскИна Корабля Консула. – Кровяное давление, рефлексы, пульс полностью подтверждают диагноз.

– От чего? – с трудом проговорил я и застонал: боль вырвалась на волю и разлилась по всему телу. Мой желудок был пуст, но позывы на рвоту не прекращались. Нарядные аборигены соблюдали дистанцию, даже сейчас я заметил, что им несвойственны дурные манеры: они не перешептывались, не пялились на меня, но свои занятия тем не менее отложили.

– Что случилось? – Я старался говорить шепотом. – Что могло вызвать такое?

– Пуля, – пропищал комлог. – Колотая рана. Копье, нож, стрела, дротик. Или лазер, или импульсный заряд. Или игольник. Возможно, вам в печень или в почки ввели длинную тонкую иглу.

Корчась от боли, я еще раз ощупал спину, дотянулся до ножа в чехле и отшвырнул его подальше. Куртка и рубашка целы и невредимы – хотя, по идее, должны уже насквозь пропитаться кровью. Из меня не торчало ничего острого.

Боль снова прожгла меня, и я громко застонал. Так я не стонал даже тогда, когда меня подстрелил снайпер на Ледяном Когте или когда мул дяди Вани сломал мне ногу.

Боль мешала мыслить отчетливо, и в голове мелькало примерно следующее: «Местные... каким-то образом... телепатия... отравили... воду... невидимые лучи... карают за...»

Отказавшись от попытки додумать, я снова застонал. Кто-то в ярко-голубой юбке или тоге и безупречных сандалиях – ногти покрашены в синий цвет – подошел поближе.

– Простите, сэр, – раздался нежный голосок на сетевом английском с сильным акцентом. – У вас что-то случилось? – Это прозвучало как: «Увассто-тослусилось?»

– Аргх! – Меня била судорога.

– Могу я чем-то помочь? – произнес тот же голосок.

– О... аргх!.. Да...

От боли я едва не потерял сознание. Перед глазами заплескали черные точки. Я уже не видел ни голубой юбки, ни сандалий. Дикая боль не отпускала... Я не мог скрыться в беспомощности.

Вокруг шелестели мантии и тоги. Аромат духов, одеколона, мыла... Чьи-то руки подхватили меня. В спину и в основание черепа будто вонзилась раскаленная добела проволока.

7

Папская аудиенция была назначена на 8.00 по ватиканскому времени. В 7.52 черненький ТМП Джона Доменико Мустафы прибыл к пропускному пункту на Виа-дель-Бельведер. Инквизитор и его доверенное лицо, отец Фаррелл, прошли через детекторы и датчики – сначала контрольный пункт швейцарской гвардии, затем пост палатинской стражи и, наконец, новый пост, Дворянской гвардии.

Джон Доменико кардинал Мустафа, Великий Инквизитор, незаметно переглянулся со своим помощником, когда они проходили последний контрольный пункт. Дворянская гвардия, казалось, состояла из клонированных близнецов – сплошь худощавые мужчины и женщины, бледные, темноволосые, с застывшими взглядами. Мустафа знал, что тысячу лет назад швейцарские гвардейцы были наемниками на папской службе, палатинская стража состояла из надежных местных, непременно рожденных в Риме: они обеспечивали почетную охрану во время публичных выходов Его Святейшества, а в Дворянскую гвардию набирали аристократов – нечто вроде папской награды за преданность. Ныне швейцарская гвардия – самое элитное подразделение командос, палатинская стража всего лишь год назад была восстановлена Папой Юлием Четырнадцатым, а сейчас Папа Урбан, как оказалось, решил доверить свою безопасность новой Дворянской гвардии.

Великий Инквизитор знал, что эти близнецы действительно клоны, ранние прототипы засекреченного Легиона, авангард новой армии, сконструированный Техно-Центром по требованию Папы и его госсекретаря. Инквизитор дорого заплатил за эту информацию и знал: его положение – если не жизнь – окажется под угрозой, если только кардинал Лурдзамийский или Его Святейшество узнают о том, что ему это известно.

Они миновали посты охраны. Кардинал Мустафа отказался от услуг чиновника, предложившего проводить их наверх. Пока отец Фаррелл поправлял после обыска сутану, Мустафа открыл дверцу древнего лифта, который должен был доставить их в папские покои.

Тайный ход на самом деле начинался в подвале – воссозданный Ватикан был построен на холме, и вход с Виа-дель-Бельведер был ниже первого этажа. Неторопливый подъем в скрипучей клетке лифта – отец Фаррелл явно нервничал, перебирал бумаги, вертел скрайбер и вообще ерзал и места себе не находил, а кардинал Мустафа отдыхал, – и вот первый этаж – двор Сан-Дамазо. Вот и второй этаж – причудливые апартаменты Борджа и Сикстинская капелла. Со скрипами и стонами лифт проехал второй этаж с официальной приемной, консисторией, библиотекой, аудиенц-залом и замечательными палатами Рафаэля. На третьем этаже они остановились, и дверцы кабины с лязгом распахнулись.

Кардинал Лурдзамийский и его помощник, монсеньор Лукас Одди, кивали и улыбались.

– Доменико. – Кардинал Лурдзамийский крепко пожал руку Великому Инквизитору.

– Симон Августино, – вежливо склонил голову Великий Инквизитор.

Итак, на встрече будет присутствовать госсекретарь. Мустафа подозревал и опасался, что именно так оно и будет. Выйдя из лифта и шагая к папским покоям, Великий Инквизитор бросил взгляд на кабинет госсекретаря и – в десятитысячный раз – позавидовал близости этого человека к Папе.

Папа встретил гостей в просторной, ярко освещенной галерее, соединявшей секретариат Ватикана с личными покоями Его Святейшества. Понтифик улыбался. Странно, обычно он неулыбчив. Сутана с белым воротником, белый пояс, на голове круглая белая шапочка. Белые туфли еле слышно шелестели по гладким плитам пола.

– А, Доменико. – Папа Урбан Шестнадцатый протянул перстень для поцелуя. – Симон. Как хорошо, что вы пришли.

Отец Фаррелл и монсеньор Одди, преклонив колена, терпеливо ждали своей очереди приложиться губами к кольцу святого Петра.

Его Святейшество прекрасно выглядит, подумал Великий Инквизитор, он определенно помолодел и посвежел. Да, куда лучше, чем до его недавней смерти. Высокий лоб и горящие глаза – те же самые, но Мустафа отметил, что в облике воскресшего Папы появилось что-то такое... какая-то настойчивость и убежденность.

– Мы как раз собирались совершить утреннюю прогулку по саду, – сказал Его Святейшество. – Не хотите ли присоединиться?

Все четверо кивнули и поспешили следом за Папой. Прошли галерею и по гладкой широкой лестнице поднялись на крышу. Личные помощники Его Святейшества держались на расстоянии, у выхода в сад швейцарские гвардейцы застыли по стойке «смирно», глядя прямо перед собой. Кардинал Лурдзамийский и Великий Инквизитор отставали от Папы буквально на шаг, а отец Фаррелл и монсеньор Одди держали дистанцию в два шага за ними.

Папские сады – лабиринт цветущих шпалер, нежно струящихся фонтанов, аккуратных живых изгородей и деревьев с трехсот миров Священной Империи, каменные дорожки и причудливый цветущий кустарник. Надо всем этим – силовой купол класса «десять». Прозрачный изнутри и непрозрачный для внешних наблюдателей, он обеспечивал и конфиденциальность, и защиту. Небо Пасема в это утро было сияющим и безоблачно синим.

– Кто-нибудь из вас помнит, – начал Его Святейшество под шелест сутан по каменным плитам дорожки, – когда небо здесь было желтым?

Кардинал Лурдзамийский издал нечто вроде урчания – у него это означало смехок.

– О да, – сказал он, – я помню. Небо было отвратно желтое, в воздухе было все что угодно, но только не то, чем дышат, жуткий холод и нескончаемый дождь. Да, тогда Пасем считался отверженным миром. Потому-то старая Гегемония вообще позволила Церкви обосноваться здесь.

Папа Урбан Шестнадцатый едва заметно улыбнулся и указал на синее небо и теплое ласковое солнце:

– Итак, мы видим определенные улучшения за время нашего служения, так ведь, Симон Августино?

Оба кардинала тихонько рассмеялись. Они быстро обошли крышу, и Его Святейшество выбрал другой маршрут через центр сада. Переступая по узкой дорожке с плиты на плиту, кардиналы и их помощники гуськом следовали за белой сутаной понтифика. Вдруг Его Святейшество остановился перед тихо журчащим фонтаном и обернулся.

– Вы слышали, – сказал он, и вся шутливость куда-то исчезла, – эскадра адмирала Алди-какти переведена за Великую Стену?

Кардиналы кивнули.

– Это первое, но далеко не последнее вторжение, – пояснил святой отец. – Мы не надемся... не предсказываем... мы *знаем*.

Глава Священной Канцелярии, госсекретарь и их помощники ждали продолжения.

Папа посмотрел на каждого по очереди.

– Сегодня, друзья мои, мы намерены посетить Кастель-Гандольфо...

Великий Инквизитор поймал себя на том, что его так и тянет – зачем? – посмотреть наверх. Папский астероид все равно не увидишь в дневное время. Он знал, что королевское «мы» понтифика вовсе не есть приглашение – ни для кардинала Лурдзамийского, ни для него.

– ...где несколько дней проведем в медитации, молитве и размышлениях над нашей следующей энцикликой, – продолжал Папа. – Она будет называться «Redemptor Hominus» и станет наиважнейшим документом нашего папского служения Святой Матери Церкви.

Великий Инквизитор склонил голову. «Искупитель человечества», – подумал он. Это может быть что угодно.

Когда кардинал Мустафа поднял взгляд, Папа улыбался, будто прочел его мысли.

– Это будет о нашем священном долге, Доменико, – сохранить человечность человека. Это должно продолжиться, прояснить и расширить то, что получило известность как энциклика Крестового похода. Должно определить волю Господа нашего – нет, заповедь... род человеческий должен пребывать в обличье человеческом и не оскверняться преднамеренными мутациями и уродствами.

– Окончательное решение проблемы Бродяг, – пробормотал кардинал Лурдзамийский. Его Святейшество нетерпеливо кивнул:

– Да, но не только. «Redemptor Hominis» объяснит роль Церкви в определении будущего. Дорогие друзья, в некотором смысле будет намечен план на следующее тысячелетие.

«Матерь Божия!» – подумал Великий Инквизитор.

– Священная Империя – полезное орудие, – продолжал святой отец, – но в предстоящие дни, месяцы и годы мы зложим фундамент для более действенного проявления роли Церкви в повседневной жизни всех христиан.

«То есть все миры Империи следует прибрать к рукам, – мысленно перевел Великий Инквизитор, не поднимая глаз в глубокомысленном внимании к словам Папы. – Но как?»

Папа Урбан Шестнадцатый снова улыбнулся. Кардинал Мустафа заметил, уже не впервые, что глаза его никогда не улыбаются – в них застыли горечь и настороженность.

– По выходе энциклики, – сказал Его Святейшество, – вы сможете полнее уяснить себе роль Священной Канцелярии, нашей дипломатической службы и таких полезных организаций и объединений, как «Опус Деи», понтификальная комиссия «Мир и справедливость» и Cor Unum.

Великий Инквизитор постарался скрыть изумление. Cor Unum! Понтификальная комиссия под официальным названием Pontificum Consilium «Cor Unum» de Humana et Christiana Progressione Fovenda – всего лишь незначительный комитет, и это так вот уже несколько столетий. Мустафа не сразу припомнил их президента... Кардинал дю Нойе вроде бы. Ничтожная фигура в ватиканской бюрократии. Старуха. «Что, черт возьми, здесь происходит?»

– Мы живем в волнующее время, – сказал кардинал Лурдзамийский.

– Так-то оно так... – Великому Инквизитору почему-то вспомнилось древнее китайское проклятие насчет эпохи перемен.

Папа продолжил прогулку, и кардиналы с помощниками заторопились следом. Сквозь силовой купол проникал легкий ветерок, шевеливший золотистые цветы на изваянии священного дуба.

– Кроме того, наша новая энциклика затронет серьезную проблему ростовщичества в новую эпоху, – добавил Папа.

Великий Инквизитор от неожиданности сбился с шага, и ему пришлось поторопиться, чтобы не отстать. Потребовалось огромное усилие, чтобы сохранить безразличие. Ему-то это удалось, а вот отец Фаррелл за его спиной, похоже, был просто в шоке.

«Ростовщичество? – подумал Великий Инквизитор. – Триста лет действуют установленные Церковью для Гильдии правила торговли. Никто не желает возвращения первобытного капитализма... Но контроль не слишком суров... Если это – попытка сосредоточить все политические и экономические силы непосредственно в ведении Церкви... Неужели Юлий... то есть Урбан... намерен отменить гражданскую автономию Империи и Гильдии торговцев? И вообще, при чем тут военные?»

Его Святейшество остановился у чудесного куста с белыми цветами и ярко-голубыми листьями.

– Смотрите, как хорошо прижилась иллирийская горечавка, – с нежностью проговорил он. – Подарок архиепископа Поске с Галабии-Пескас.

«Ростовщичество! – думал Великий Инквизитор в диком замешательстве. – Отлучение от Церкви... лишение крестоформа... за нарушение торговых ограничений и контроля доходов... Прямое вмешательство Ватикана... Матерь Божия!»

– Но мы пригласили вас по другому поводу, – сообщил Папа Урбан Шестнадцатый. – Симон Августино, будьте так добры, поделитесь с кардиналом Мустафой теми тревожными разведданными, которые были получены вчера.

«Им стало известно о наших биошпионах, – в панике подумал Мустафа. Сердце тяжело ухало. – Они знают об агентах... о том, что Священная Канцелярия попыталась напрямую связаться с Техно-Центром... о прощупывании кардиналов перед выборами... обо всем!»

Он сохранил соответствующее выражение лица: глубочайшая заинтересованность, сугубо служебная обеспокоенность тем, что Папа употребил слово «тревожные».

Громадный кардинал Лурдзамийский словно подобрался. Тяжелое гроыхание слов будто исходило из его груди или даже живота. За его спиной как пугало посреди поля маячила фигура монсеньора Одди (Мустафа вырос на сельскохозяйственной планете Малое Возрождение).

– Шрайк снова появился, – сказал кардинал Лурдзамийский.

«Шрайк! Какое он имеет отношение...» – Обычно острый ум Мустафы спотыкался, он был не в состоянии ухватить суть всех этих изменений и откровений. Наверняка ловушка. Осознав, что госсекретарь молчит и ждет ответа, Великий Инквизитор тихо спросил:

– А военные власти на Гиперионе могут разобраться с этим, Симон Августино?

Кардинал Лурдзамийский покачал массивной головой – толстые щеки затряслись, как желе.

– Демон появился не на Гиперионе, Доменико.

Мустафа изобразил приличествующее случаю изумление. «Я знаю из допроса капрала Ки, что чудовище появилось на Роще Богов четыре года назад, видимо, чтобы помешать убийству девочки по имени Энея. Чтобы узнать это, мне пришлось организовать мнимую смерть Ки и похищение после его назначения в Имперский Флот. Они знают? И почему сейчас мне это сообщили?» – Великий Инквизитор ждал, когда метафорический топор обрушится на его вполне реальную шею.

– Восемь стандартных дней назад, – продолжал кардинал Лурдзамийский, – чудовищное существо, которое может быть только Шрайком, появилось на Марсе. Число погибших... истинной смертью – монстр вырывает крестоформы из тела жертв – катастрофически велико.

– Марс, – тупо повторил кардинал Мустафа. Он посмотрел на святого отца, ожидая объяснений, наставлений... даже приговора, которого он так боялся, но Верховный Понтифик изучал почки на розовом кусте. Отец Фаррелл шагнул вперед. Великий Инквизитор жестом остановил его. – Марс? – Он не чувствовал себя таким тупым и неосведомленным уже десятилетия, если не столетия.

Кардинал Лурдзамийский улыбнулся:

– Да... На одном из терраформированных миров в системе Старой Земли. До Падения там находился штаб ВКС, Военно-Космических Сил, но для Империи Пасема этот мир практически бесполезен – слишком далеко. Вам совершенно незачем было знать о нем, Доменико.

– Я знаю, где Марс, – возразил Великий Инквизитор более резко, чем хотел. – Я просто не понимаю, как там мог очутиться Шрайк. – «И какое, черт бы вас всех побрал, это имеет отношение ко мне?» – мысленно прибавил он.

Кардинал Лурдзамийский кивнул:

– В соответствии с тем, что нам известно, демон по прозвищу Шрайк действительно никогда раньше не покидал Гиперион. Но сомневаться не приходится. Этот ужас на Марсе... Губернатор объявил чрезвычайное положение, архиепископ Робсон лично обратился к Его Святейшеству за помощью.

Великий Инквизитор потер подбородок и задумчиво кивнул:

– Имперский Флот...

– Корабли Флота, дислоцированные в Старом Округе, были срочно переброшены туда, – перебил госсекретарь. Верховный Понтифик склонился над карликовым деревцем и простер руку над крохотной, кривой веточкой, словно благословляя. Казалось, он не слушает.

– Корабли укомплектованы морскими пехотинцами и швейцарскими гвардейцами, – продолжал кардинал Лурдзамийский. – Мы надеемся, что они одолеют и – или – уничтожат этого демона...

«Матушка учила меня никогда не доверять тем, кто употребляет выражение „и/или“, – подумал Мустафа.

– Конечно, – сказал он вслух. – Я отслужу за них мессу.

Кардинал Лурдзамийский вновь улыбнулся. Святой отец наконец-то оторвался от созерцания чахлого деревца.

– Вот именно, – сказал Лурдзамийский, и Мустафе послышалось урчание довольного кота, измывающегося над несчастной мышью. – Мы согласны, что это скорее дела веры, чем Флота. Шрайк – как открылось Его Святейшеству более двухсот лет назад – воистину демон, возможно, главный агент Сатаны.

Мустафа мог только кивнуть.

– Мы полагаем, что лишь Священная Канцелярия достаточно подготовлена и оснащена – духовно и материально, – чтобы должным образом изучить это появление... и спасти несчастных мужчин, женщин и детей на Марсе.

«Козел вонючий!» – подумал Джон Доменико кардинал Мустафа, Великий Инквизитор и префект Священной Конгрегации по вопросам вероучения, известной под названием Верховной конгрегации святой инквизиции – и привычно мысленно раскаялся в произнесении непристойности.

– Понятно, – сказал он вслух, ровным счетом ничего не понимая, но восхищаясь ловкостью своих врагов. – Я немедленно назначу комиссию...

– Нет-нет, Доменико, – вмешался Его Святейшество, подходя поближе. – Вы должны отправляться немедленно. Эта... материализация демона угрожает целостности Тела Христа.

– Отправляться... – тупо повторил Мустафа.

– Мы реквизируем у Флота новейший звездолет класса «архангел», – живо отреагировал кардинал Лурдзамийский. – На борту – двадцать восемь человек команды, вы можете взять с собой еще двадцать одного... ваш персонал и служба безопасности... итак – двадцать один – и вы сами, разумеется.

– Разумеется, – повторил кардинал Мустафа и изобразил улыбку. – Разумеется.

– Имперский Флот ведет битву с этим воплощением дьявола – с Бродягами, в тот самый миг, когда мы с вами беседуем, – пророкотал кардинал Лурдзамийский. – Но демонической угрозе можно противостоять – и нанести сокрушительный удар – силой Церкви нашей святой.

– Разумеется, – поспешил согласиться Великий Инквизитор. «Марс, – подумал он. – Самый дальний прыщ на заднице цивилизованной вселенной. Триста лет назад я бы воспользовался мультилинией, а теперь придется выйти из игры и проторчать там столько, сколько им будет угодно. Никакой информации. Никакой возможности управлять моими людьми. А Шрайк... Если его все еще контролирует этот, чтоб его, Высший Разум Техно-Центра, то он очень просто может быть запрограммирован убить меня. Просто великолепно». – Разумеется, – повторил он. – Святой отец, когда я должен отправляться? Вы позволите мне закончить с текущими делами Священной Канцелярии... У меня есть в запасе несколько дней... или недель?

Папа улыбнулся и сжал локоть Мустафы.

– «Архангел» уже ждет вас и ваших людей, Доменико. Нам сообщили, что оптимальное время вылета – через шесть часов.

– Разумеется, – в последний раз сказал Великий Инквизитор, опустился на колени и поцеловал папский перстень.

– Господь с вами. – Папа коснулся склоненной головы кардинала и произнес формальное благословение на латыни.

Поцеловав перстень и ощутив на языке привкус камня и металла, Великий Инквизитор еще раз улыбнулся про себя ловкости тех, кого он думал переиграть и превзойти в коварстве.

Отцу капитану де Сойе так и не удалось поговорить с сержантом Грегориусом, а сейчас остались считанные минуты до прыжка в пространство Бродяг.

Первый прыжок – тренировочный полет в безымянную систему в двадцати световых годах за Великой Стеной. Как и Эпсилон Эридана, солнце в этой системе было класса К; но не красный карлик, а типа Арктура.

Эскадра «Гидеон» совершила переход без происшествий – новые саркофаги двухдневного автоматического воскрешения работали без сбоев. На третий день семь «архангелов» уже тормозили в системе, играя в тактические «кошки-мышки» с девятью факельщиками, которые прибыли туда раньше, после нескольких месяцев пути. Факельщикам было приказано спрятаться в системе, а «архангелам» – найти их и уничтожить.

Три факельщика укрылись в облаке Оорта среди протокомет, выключили двигатели, заглушили передатчики, а энергию расходовали на самом минимуме. «Уриил» засек их на расстоянии в 0,86 светового года и выпустил три виртуальные гиперкинетические ракеты. Де Сойя вместе с шестью другими капитанами находился в тактическом пространстве – солнце где-то на уровне пояса, двухсоткилометровые выхлопы семи «архангелов» словно процарапаны алмазом на черном стекле – и наблюдал, как голограммы возникли, обрели четкость и дематериализовались в облаке Оорта, преследуя теоретические гиперкинетические самонаводящиеся ракеты, как они вынырнули из пространства Хоукинга, разыскали бездействующие факельщики и зарегистрировали два точных виртуальных поражения цели и одно «серьезные повреждения – высокая вероятность уничтожения противника».

В системе не было планет как таковых, однако еще четыре факельщика условного противника обнаружили в засаде в аккреционном диске в плоскости эклиптики. «Ремиил», «Гавриил» и «Рафаил» атаковали издалека и определили поражение целей задолго до того, как датчики факельщиков смогли зарегистрировать присутствие «архангелов»-нарушителей.

Последние два факельщика затаились в фотосфере гиганта, заслонились силовыми полями класса «десять», а тепло излучали через моноволокна длиной в полмиллиона километров. Командование Флота весьма неодобрительно относилось к подобным уловкам во время тренировочных боев, но де Сойя только порадовался дерзости двух командиров: он и сам предпринял бы такой маневр лет десять назад.

Эти последние факельщики вырвались из-за К-звезды на полной тяге, их поля переизлучали тепло в видимом спектре – две ослепительно белые протозвезды. Они попытались сблизиться с эскадрой, идущей на скорости в три четверти световой. Ближайший «архангел» – «Сариил» – уничтожил оба факельщика, не потратив ни эрга из запасов для силового поля класса «тридцать», которое протянулось на сто километров впереди носа крейсера, расчищая путь. Если силовое поле откажет, чудовищные скорости потребуют чудовищную цену...

Адмирал Алдикакти упомянула о «вероятном поражении» цели в облаке Оорта. Эскадра развернулась по дуге, и все капитаны и их помощники встретились в тактическом пространстве обсудить модельный бой перед прыжком в пространство Бродяг.

Де Сойя терпеть не мог все эти встречи... сидят бюрократы надутые, три десятка мужчин и женщин в форменных мундирах Флота вокруг виртуального стола, сидят и обсуждают

тактику, стратегию, технические неполадки оборудования и степень боеготовности. Солнце класса К ярко сверкает; звездолеты – как тлеющие угольки на черном бархате.

На трехчасовом совещании было решено, что «вероятное поражение» следует расценивать как промах и впредь запускать как минимум пять самонаводящихся гиперкинетических ракет. Далее перешли к обсуждению энергозатрат и выбора оптимальной дистанции точного поражения цели. Была разработана следующая стратегия: один «архангел» входит во вражескую звездную систему в тридцати световых минутах впереди эскадры – как приманка для радаров и датчиков противника, остальные идут следом и уничтожают цели.

Проведя на боевых постах двадцать два стандартных часа, еще не до конца оправившись после воскрешения, люди валились с ног. Но с «Уриила» по направленному лучу передали координаты для прыжка, и «архангелы» начали разгоняться к точке перехода. Де Сойя обошел звездолет, подбадривая экипаж. Сержанта Грегориуса, который командовал отделением из пяти швейцарских гвардейцев, он оставил напоследок.

Как-то раз, во время долгой и безуспешной погони на старом «Рафаиле» за девочкой по имени Энея, отец капитан де Сойя решил, что ему надоело называть сержанта Грегориуса «сержант Грегориус», и вызвал на экран его досье, чтобы узнать имя. К своему удивлению, де Сойя обнаружил, что имени у сержанта нет. Громадный ветеран родился и вырос на северном континенте болотистой планеты Патаупха, в воинской культуре, где новорожденным давали восемь имен – семь «имен слабости» и одно «имя силы», его обретали только те, кто уцелел после семи испытаний и доказал свое право. Бортовой компьютер сообщил капитану, что приблизительно из трех тысяч кандидатов выживал один, отвергавший после этого «имена слабости» и приобретающий «имя силы». О природе семи испытаний никаких данных в компьютере не было. Как следовало из досье сержанта, Грегориус первым из шотландцев-маори с Патаупхи стал морским пехотинцем, а впоследствии был принят в швейцарскую гвардию. Де Сойя давно уже хотел расспросить сержанта о семи испытаниях, но так и не набрался решимости.

В тот день, когда де Сойя спустился по гравиколодцу в кубрик гвардейцев, сержант Грегориус так обрадовался ему, что казалось, вот-вот кинется обниматься. Но не кинулся – щелкнул каблуками, вытянулся в струнку и гаркнул:

– Смирно!

Пятеро гвардейцев, занимавшихся своими делами – кто читал, кто стирал, кто чистил оружие, – тут же вскочили. На мгновение кубрик заполнили разлетевшиеся во все стороны скрайберы, журналы, импульсные ножи, части броневого скафандра и энергетические винтовки.

Капитан де Сойя кивнул сержанту и окинул взглядом всех пятерых – трех мужчин и двух женщин, ужасно, просто ужасно молодых. Худощавые, мускулистые, прекрасно адаптированные к невесомости и готовые к бою. Все как один ветераны. Каждый отличился так, что именно его выбрали для участия в этой операции. Де Сойя заметил в их глазах боевой азарт, и ему стало грустно.

Несколько минут ушло на проверку снаряжения, представление и беседу. Затем де Сойя поманил Грегориуса и вылетел из кубрика в отсек, где помещалась корабельная прачечная. Оставшись с Грегориусом наедине, капитан протянул руку:

– Чертовски рад видеть вас, сержант.

Грегориус ответил на рукопожатие и ухмыльнулся. Его квадратное, испещренное шрамами лицо ничуть не изменилось, и улыбка осталась такая же – открытая и приветливая.

– Взаимно, капитан. С каких это пор святой отец не боится помянуть черта, а?

– А с таких пор, как его назначили командовать этим кораблем, сержант, – ответил де Сойя. – Как ваши дела?

– Отлично, сэр. Все в порядке.

– Вы участвовали в операции «Святой Антоний» и во вторжении в Стрелец. Капрал Ки погиб при вас?

Сержант Грегориус потер подбородок.

– Никак нет, сэр. Я был в созвездии Стрельца два года назад, но Ки там не видел. По слухам, транспорт, на котором он летел, подбили. На этом транспорте у меня была еще пара приятелей, сэр...

– Очень жаль, – сказал де Сойя. Они плавали в невесомости рядом со стиральной машиной. Капитан ухватился за фал и развернулся, чтобы посмотреть Грегориусу в глаза. – Как вы перенесли допрос, сержант?

Грегориус пожал плечами:

– Меня продержали на Пасеме несколько недель. Задавали одни и те же вопросы. Не поверили ни единому слову про то, что произошло на Роще Богов, – ни насчет той девки-киборга, ни насчет Шрайка. Потом, похоже, им надоело задавать вопросы, меня разжаловали в капралы и вернули на службу.

– Простите меня, сержант. – Де Сойя вздохнул. – Я рекомендовал повысить вас в звании. – Он невесело усмехнулся. – И вот чего стоила моя рекомендация. Нам повезло, что нас не отлучили от Церкви и не казнили.

– Так точно, сэр. – Грегориус бросил взгляд на звезды в иллюминаторе. – Нам явно не обрадовались, это вы верно заметили. – Он посмотрел на капитана. – А вы, сэр? Я слышал, вас отправили в отставку?

Де Сойя улыбнулся:

– Да. Из боевых капитанов – в приходские священники.

– Говорят, вас сослали на какой-то занюханный пустынный мирок, сэр. Дескать, там и мочу продают по десять марок бутылка.

– Верно, – улыбнулся де Сойя. – Это моя родная планета.

– Вот дерьмо! – Грегориус совсем смутился. – Прошу прощения, сэр. Я хотел... Ну, я не... ни за что...

Де Сойя тронул его за плечо:

– Не переживайте, сержант. Вы абсолютно правы. На этой планете действительно торгуют мочой – только по пятнадцать марок за бутылку. Не по десять.

– Так точно, сэр. – На черной коже Грегориуса проступил румянец стыда.

– Да, сержант...

– Слушаю, сэр.

– С вас пятнадцать «Радуйся, Мария» и десять «Отче наш» за непристойные выражения. Не забывайте, я по-прежнему ваш духовник.

– Есть, сэр. – Сержант двинулся было к кубику, но вдруг остановился. – Можно один вопрос, капитан?

– Давайте.

– У меня такое чувство, сэр, – пробормотал Грегориус, – что... В общем, ничего конкретного, но приглядывайте за своей спиной.

– Ладно, – ответил де Сойя.

Подождав, пока Грегориус вернется в кубрик и люк закроется, он направился к главному гравиколодцу. Следовало до старта лечь в свой саркофаг.

В системе Пасема было полным-полно торговых кораблей, боевых звездолетов, орбитальных станций – Тор Гильдии торговцев, военные базы, терраформированные астероиды типа Кафель-Гандольфо, орбитальные «бидонвилы» по низким ценам, куда слетались миллионы, лишь бы поближе к центру цивилизации – ведь жить на самой планете не всем по карману. Кроме того, там наблюдалась самая высокая концентрация личных космических средств

передвижения. Вот почему Кендзо Исодаки, исполнительный директор и председатель Исполнительного Совета панкапиталистической лиги независимых католических трансгалактических торговых организаций, желая побыть в одиночестве, взялся пилотировать личный челнок и шел тридцать два часа на высоком ускорении к внешнему кольцу системы.

Даже выбрать челнок оказалось не слишком просто. Гильдия владела целой флотилией для перемещений внутри системы, но Исодаки вполне допускал, что, несмотря на все принятые меры, на каждом челноке наверняка сидят «жучки». Сначала он предполагал арендовать грузовик, но потом рассудил, что его врагам – Ватикану, Священной Канцелярии, разведке Флота, «Opus Dei», соперникам внутри Гильдии и мало ли кому еще – ничего не стоит установить «жучки» на каждый из великого множества звездолетов Гильдии.

В конце концов Исодаки переоделся, загримировался, отправился в общественный док Тора, купил на месте древний хоппер и велел своему подпольному ИскИну в комлоге вывести корабль из оживленной зоны эклиптики. Хоппер шесть раз окликали имперские патрули, однако лицензия была в порядке, к тому же он направлялся к астероидам – перекопанным вдоль и поперек, но все равно привлекательным для отчаявшегося старателя, – посему без личного досмотра обошлось.

Исодаки злила эта мелодрама, бесцельная трата драгоценного времени. Можно было бы встретиться и у него в кабинете на Торе – если бы согласился второй. Но второй отказался, а Исодаки в глубине души понимал, что ради этой встречи отправился бы и на Альдебаран.

Через тридцать два часа после вылета с Тора хоппер убрал внутреннее силовое поле и разбудил пассажира. Бортовой компьютер, на редкость тупой прибор, ни на что другое неспособный, выдал Исодаки координаты и сведения о разработках, а нелегальный комлог тем временем сканировал пространство, выискивая корабли – в активном режиме или затаившиеся, после чего объявил, что сектор свободен.

– Как же он сюда доберется, если тут нет кораблей? – спросил Исодаки, размышляя вслух.

– Иначе добраться невозможно, сэр, – отозвался комлог. – Если он здесь, что представляется крайне маловероятным...

– Молчать! – цыкнул Исодаки.

Он сидел в пропахшем маслом полутемном блистере и глядел на зияющий жерлами шахт астероид в полукилометре от хоппера. Тем временем корабль сравнял скорость с астероидом, и знакомое пасемское звездное небо за астероидом начало вращаться. Если не считать астероида, вокруг не было ничего – только вакуум, космические лучи и пронзительная тишина.

И тут в наружный шлюз постучали.

8

В то время, когда происходила передислокация войск, в то время, когда армады матово-черных звездолетов дырявили пространственно-временной континуум, в тот самый миг, когда Великого Инквизитора отправили на терзаемый Шрайком Марс, а исполнительный директор Гильдии торговцев летел на тайное randevu в открытом космосе, я лежал беспомощный в постели, мучимый дикой болью в спине и животе.

Боль – штука любопытная и обескураживающая. Мало что на свете способно столь бесцеремонно и столь решительно завладеть вашим вниманием, и мало о чем столь же скучно слушать или читать.

Боль всепоглощающая. Поразительно неумолимая, она обладает всеподчиняющей силой. В часы агонии – и тогда, и потом – я пытался сосредоточиться на окружающем, думать о других вещах, говорить с людьми, даже повторял в уме таблицу умножения, но боль проникала во все уголки сознания, точно расплавленное железо – в трещины плавильного тигля.

Я смутно осознавал происходящее – я на планете, которую комлог определил как Витус-Грей-Балиан Б; набирал воду из колодца, когда меня скрутила боль; подошла женщина в синем одеянии, синие ногти, открытые сандалии, и позвала на помощь других – в синих одеяниях, – они перенесли меня в дом, и я продолжал сражаться с болью на мягкой кровати. Там были и еще люди – женщина в синем платье и платке, молодой мужчина в синем костюме и в турбане и по крайней мере двое детей, тоже в синем. Эти добрые люди не только удовлетворились моими нечленораздельными извинениями и маловразумительными жалобами – они разговаривали со мной, клали на лоб влажные компрессы, успокаивали, сняли с меня ботинки, носки, жилет, заботились обо мне, ободряюще шепча что-то на своем странном языке, пока я пытался сохранить хоть крохи собственного достоинства, сражаясь с приступами боли.

Прошло несколько часов – небо за окнами стало по-вечернему розовым, – и женщина, та, что первой подошла ко мне, сказала:

– Гражданин, мы попросили местного священника-миссионера о помощи, и он отправился за доктором с имперской военной базы в Бомбасино. У военных почему-то не оказалось ни свободных скиммеров, ни других летательных аппаратов, поэтому священник и доктор... если доктор приедет... поедут вниз по реке – это пятьдесят пулов. Если повезет, они будут здесь еще до рассвета.

Я понятия не имел, сколько в одном пуле метров – или километров – и сколько надо времени, чтобы проделать путь в пятьдесят пулов, я не знал даже, сколько в этом мире длится ночь, но от одной лишь мысли, что скоро настанет конец моим мучениям, на глаза мне навернулись слезы... и я прошептал:

– Пожалуйста, мэ, не надо имперских врачей...

Женщина положила мне на лоб холодную ладонь.

– Так надо. В Лок Чайлд-Ламонде больше нет своего доктора. Вы можете умереть без медицинской помощи.

Я застонал и перекатился на бок. Боль пронзила меня раскаленной проволокой. Я понимал, что доктор с базы сразу поймет, что я не отсюда, сообщит обо мне полиции или военным – если этого уже не сделал их «священник-миссионер», – и меня наверняка задержат и допросят. На сем моя миссия и закончится – полным провалом. Четыре с половиной стандартных года назад, отправляя меня в эту одиссею, старый поэт Мартин Силен поднял бокал шампанского и предложил тост за героев. Если бы он только знал, чем это обернется в действительности! А может, знал?

Ночь тянулась с ледящей медлительностью. То ко мне заглядывали две женщины – посмотреть, как я, – то дети в голубых платящах (наверное, в ночных рубашках) тарасились

на меня из полутемного коридора. У девочки светлые волосы... и прическа совсем как у Энеи в ту пору, когда мы встретились, и ей было двенадцать, а мне – двадцать восемь стандартных лет. Мальчик – он младше девочки – очень бледный, голова выбрита. Всякий раз, заглядывая ко мне, он робко махал ручонкой. Когда боль отступала, я вяло махал в ответ.

Уже рассвело, а врача все не было. Соленой мутью накатило отчаяние. Я не в силах выносить эту ужасающую боль еще час. Интуитивно я знал, что такие люди, как мои хозяева, давным-давно дали бы мне болеутоляющее, если б оно у них было. Я всю ночь пытался вспомнить, не осталось ли чего-нибудь подходящего в каяке. Нет, единственное, что я захватил из лекарств, – аспирин и средства дезинфекции. А против такой сокрушающей волны боли аспирин не поможет.

Я решил, что, пожалуй, смогу продержаться еще десять минут. Они сняли браслет комлога и положили на полку у кровати. Можно попробовать скоротать время за разговором с комлогом. Я потянулся к полке, задыхаясь от накатившей боли... еще немного – получилось! – Нацепив браслет на запястье, я прошептал:

– Биомонитор включен?

– Да.

– Я умираю?

– Показатели жизнедеятельности критические, – сообщил комлог неизменно спокойным тоном. – Вы в шоке. Кровяное давление... – Он пустился перечислять технические подробности и перечислял их до тех пор, пока я не велел ему заткнуться.

– Ты не выяснил, что со мной случилось?

За приступами боли волнами накатывала тошнота. В желудке уже ничего не осталось, но позывы на рвоту не прекращались.

– Состояние напоминает приступ при воспалении аппендикса.

– Аппендицит... – Такие бесполезные придатки, как аппендикс, были давным-давно генетически удалены из человеческого организма. – Разве у меня есть аппендикс?

Наступило утро... Шелест одежд в тишине дома... женщины уже несколько раз заглядывали ко мне.

– Ответ отрицательный, – сообщил комлог. – Такого не бывает, если только это не генетические отклонения, в данном случае вероятность...

– Помолчи, – прошипел я. В комнату вошли две женщины в голубом, а с ними – третья, выше, тоньше, явно не местная. В черном комбинезоне с крестом и кадуцеем – значком медицинских частей Имперского Флота на левом плече.

– Доктор Молина, – представилась она, распаковывая маленький черный саквояж. – На базе все скиммеры на маневрах, мне пришлось добираться по реке на катере. – Она приложила одну присоску к моей груди. Вторую – к животу. – Вы, наверное, считаете, что я проделала этот путь исключительно ради вас. Так вот, вынуждена вас разочаровать: один из наших скиммеров потерпел аварию близ Кера-Тамбат, в восьмидесяти километрах к югу отсюда, и мне нужно оказать раненым первую помощь. Ничего серьезного, синяки и ушибы да одна сломанная нога. Не отзывать же скиммер с маневров из-за такой ерунды. – Доктор Молина достала из саквояжа небольшой приборчик и подключила к присоскам. – А если вы из тех, что сбежали несколько дней назад с грузовика Гильдии, то ограбить меня все равно не удастся. Вы не получите ни денег, ни наркотиков. Снаружи, у двери, двое охранников. – Она надела наушники. – Итак, что с вами стряслось, молодой человек?

Я покачал головой, заскрежетал зубами от очередного приступа боли и, когда смог, ответил:

– Не знаю, доктор... Спина... И тошнит...

Не обращая на меня внимания, доктор Молина изучала показания прибора. Внезапно она резко наклонилась и надавила мне слева на живот.

– Больно?

Я чуть не заорал.

– Да, – сказал я, когда смог говорить.

Она кивнула и повернулась к моей спасительнице в голубом.

– Скажите священнику, который меня привез, чтоб принес большую сумку. Организм полностью обезвожен. Нужно подключить искусственное питание. А потом я введу ему ультраморф.

И тут я понял: есть только боль, она над всем, превыше всего – превыше идеологий, честолюбивых устремлений, мыслей, эмоций; я знал это с детства, я видел, как умирала от рака моя мать. Есть только боль. И спасение от боли. Я готов сделать что угодно для этой разговорчивой и грубоватой женщины-врача.

– Что со мной? Откуда эта боль?

У доктора Молины был старинный шприц, в который она набрала из пузырька приличную дозу ультраморфа. Если бы даже она сказала мне, что я подхватил инфекцию и жить мне осталось несколько часов, – это не важно, все хорошо, только бы мне дали болеутоляющее.

– Камень в почках. – Должно быть, на моем лице отразилось полнейшее непонимание, потому что доктор Молина пояснила: – Маленький камешек... Но слишком крупный, чтобы выйти самостоятельно... Возможно, кальциевый... У вас были в последние дни какие-нибудь проблемы с мочеиспусканием?

Я постарался вспомнить. Да, иногда возникала боль и определенные затруднения, но я приписывал это тому обстоятельству, что слишком мало пью.

– Были, но...

– Камень в почках, – повторила доктор Молина, потирая мне левое запястье. – Так, уколчик сюда... – Укола я практически не почувствовал – что эта боль по сравнению с главной? Она подсоединила иглу к бутылке, в которой плескался физраствор. – Подействует через минуту. Потерпите, скоро ваши неудобства останутся позади.

Неудобства?.. Я закрыл глаза – не хотелось, чтобы видели, что я плачу. Женщина, которая спасла меня, взяла мою руку в свои ладони.

Боль начала отступать. Никогда в жизни ничего меня так не радовало, как это отсутствие боли. словно приглушили наконец невыносимо громкий звук, и я обрел способность думать. Я снова стал собой, когда боль опустилась до привычного уровня ножевых ран и сломанных ног. С этим я мог справиться, не теряя достоинства. Женщина в голубом держала меня за руку.

– Спасибо, – прошептал я растрескавшимися губами, сжимая ее ладонь. – И вам спасибо, доктор Молина.

Врач наклонилась надо мной и легонько потрепала по щеке.

– Вам нужно поспать, но сначала я хотела бы кое-что выяснить. Не засыпайте, пока не ответите на мои вопросы.

Я кивнул, перед глазами все плыло.

– Как вас зовут?

– Рауль Эндимион. – Я вдруг понял, что не могу ей лгать. Должно быть, она подмешала в раствор «правдосказ».

– Откуда вы, Рауль Эндимион? – Она держала свой диагностический прибор так, словно это был рекордер.

– С Гипериона. Континент Аквила. Мой клан...

– Как вы попали в Лок Чайлд-Ламонд на планете Витус-Грей-Балиан Б, Рауль? Вы – один из тех, кто бежал в прошлом месяце с грузовика Гильдии?

– На каяке, – словно издавдала услышал я свой голос. По телу разлилось приятное тепло. – Приплыл по реке на каяке. Через портал. Нет, я ниоткуда не сбежал...

– Через портал? – озадаченно переспросила доктор Молина. – Что вы хотите сказать, Рауль? Что вы просто проплыли под ним, сначала вверх по реке, а затем вниз?

– Нет. Я проплыл сквозь него. Из другого мира.

Доктор Молина обменялась взглядом с женщиной в голубом.

– Вы проплыли через портал из другого мира? То есть портал действует? И он перебросил вас сюда?

– Да.

– Откуда? – Левой рукой доктор считала мой пульс.

– Со Старой Земли. Я прибыл с Земли.

На мгновение я словно воспарил, блаженно-свободный от боли, а доктор тем временем вышла в коридор, поманив за собой женщину в голубом. До меня доносились обрывки разговора:

– ... явно не все в порядке с головой... он не мог пройти через... галлюцинации... Старая Земля... Наверное, накачался наркотиками... один из беглецов... – Это говорила Молина.

– Мы рады приютить его... – отвечала женщина в голубом. – Мы позаботимся о нем...

– Здесь останется священник и один охранник... Когда в Кера-Тамбат придет медскиммер, мы остановимся здесь, заберем его и доставим на базу... завтра или послезавтра... Не отпускайте его... Возможно, военная полиция...

Пребывая наверху блаженства потому лишь, что боль ушла, я перестал сопротивляться и погрузился в ультраморфные сны.

Мне снился наш разговор с Энеей несколько месяцев назад. Прохладная летняя ночь в пустыне, мы сидим под навесом у ее дома, пьем из кружек и смотрим, как на небе зажигаются звезды. Говорили мы об Ордене, и на все, что я ставил ему в упрек, у Энеи находилось, что возразить. Наконец я рассердился:

– Тебя послушать, так это вовсе и не Орден тебя ловил и пытался убить. Можно подумать, что не имперские корабли гонялись за нами по спиральному рукаву и не они подстрелили наш звездолет на Возрождении-Вектор. Не окажись там портал...

– Орден не гнался за нами, не стрелял в нас и не пытался нас убить, – тихо сказала девочка. – Всего лишь элементы Ордена. Мужчины и женщины, выполняющие приказы из Ватикана... или откуда-то еще, откуда там они их получают.

– Ладно, – сказал я, все еще не в силах успокоиться, – пусть всего лишь *элементы этого* стреляли в нас и убивали... Секундочку... Что ты имела в виду? Что значит «из Ватикана или откуда-то еще»? По-твоему, есть еще другие, кто отдает приказы? Другие, не Ватикан?

Энея передернула плечами. Движение грациозное, но меня это всегда приводило в бешенство. Одна из ее наименее приятных подростковых привычек.

– Разве есть другие? – спросил я требовательно и куда более резко, чем имел обыкновение говорить с моим юным другом.

– Всегда есть другие, – спокойно сказала Энея. – Рауль, они были правы, когда пытались отловить меня. Или убить.

И во сне – как и наяву – я поставил чашку с чаем на пол и уставился на нее.

– Ты говоришь, что ты... и я... что нас нужно поймать... или убить? Как зверей? И что они правы?

– Конечно, нет. – Энея скрестила руки на груди. В холодном ночном воздухе от чашек поднимался пар. – Я хочу сказать, Орден был вправе – с их точки зрения – прибегнуть к экстраординарным мерам, чтобы остановить меня.

Я покачал головой:

– Что-то я не помню, чтобы ты говорила что-нибудь этакое, ради чего за тобой следовало высылать в погоню целую эскадру звездолетов. Знаешь, детка, самым еретическим твоим

высказыванием была фраза, что любовь – движущая сила Вселенной, как гравитация или электромагнитное взаимодействие. Но это просто...

– Чувь? – спросила Энея.

– Демагогия, – поправил я.

Энея улыбнулась и взъерошила свои короткие волосы.

– Рауль, друг мой, не того, что я говорю, они страшатся. А того, что делаю. Чему учу... делая... прикасаясь...

Я посмотрел на нее. Я уже почти забыл всю чепуху о Той-Кто-Учит в «Песнях» – эпической поэме Мартина Силена. Энея – и есть тот самый мессия, чей приход описан в пророчествах старого поэта двести лет назад... или даже больше. Пока вроде бы ничто не указывало на то, что в Энее исполнится пророчество о новом мессии... ничто – или почти ничто... она ведь вышла из Сфинкса в Долине Гробниц Времени на Гиперионе, и с чего бы вдруг Ордену неотступно преследовать и пытаться убить ее... и меня – того, кто оберегал ее на тернистом пути к Старой Земле.

– Что-то я не слышал в твоих поучениях ничего такого еретического или уж очень опасного, – мрачно сказал я. – Впрочем, я также не заметил, что ты делала что-либо, представляющее угрозу этой их Священной Империи.

Я всматривался в далекие огоньки Талиесинского братства. Пустыня кругом – пустыня и темнота ночи. И сейчас, в ультраморфном сне – и не во сне даже, а в воспоминании, – я словно видел себя со стороны, из темноты ночи наблюдая за происходящим в освещенной хижине.

Энея покачала головой и отпила глоток чая.

– Ты, может, и не видишь, Рауль, а они – видят. Они уже относятся ко мне как к заразе. И они правы... именно это я и есть – для Церкви я именно вирус, как в древности вирус иммунодефицита на Старой Земле или Красная Смерть, прокатившаяся после Падения по Окраине... Вирус, который проникает в каждую клетку организма и репрограммирует ДНК этих клеток... или хотя бы достаточное количество клеток, чтобы организм сбился с толку, стал слабеть... и погиб.

В моем сне я парил над шатром Энеи, как ястреб в ночи, кружа в вышине среди чужих звезд над Старой Землей, и видел нас – девочку и мужчину, – сидящих при свете керосиновой лампы, как заблудшие души в затерянном мире, как, впрочем, оно и было.

Еще два дня боль то захватывала, то отступала от меня, и я безвольно плыл по течению, то погружаясь в беспамятство, то приходя в себя, как лодка в океане. Я пил очень много воды – женщины в голубом приносили мне воду в стеклянных бокалах.

Я брел до туалета и мочился через фильтр – хотел поймать камень, вызывающий эту дикую пульсирующую боль. Камня не было. И каждый раз я был вынужден возвращаться в кровать и ждать следующего приступа. И мне не приходилось ждать напрасно. Даже тогда я сознавал, что в этом весьма мало героики настоящего приключения.

Перед уходом – доктор отправилась к месту аварии скиммера дальше по реке – мне дали понять, что и у охранника, и у приходского священника есть комы и что, если со мной возникнут проблемы, они немедленно сообщат на базу. Доктор Молина уведомила, что мне будет очень плохо, если командованию Флота придется снять с маневров скиммер, чтобы экстренно доставить арестованного. Кроме того, она велела мне пить как можно больше воды и почаще мочиться. Если камень так и не выйдет, она поместит меня в тюремный лазарет на базе и разрушит камень ультразвуком. Она оставила четыре дозы ультраморфа женщине в голубом и ушла не попрощавшись. Охранник – лузианин средних лет, вдвое тяжелее меня, с игольником в кобуре и нейростеком на поясе – заглянул в комнату, сердито глянул и вернулся на пост у входной двери.

Пора уже перестать называть главу дома «женщиной в синем». Первые несколько часов боли она была для меня только женщиной в синем – кроме того, что была моей спасительницей, конечно, – но уже в первый день я узнал, что зовут ее Дем Риа. Я узнал также, что ее главный брачный партнер – другая женщина, Дем Лоа, и еще есть молодой мужчина, третий в их брачной триаде, Алем Микайл Дем Алем; и что девочка-подросток, Сес Амбре, дочь Алема от предыдущего брака, а бледный мальчик, совсем лысый – которому на вид около восьми стандартных лет, – дитя этого союза, хотя я так и не выяснил, кто его биологическая мать... Его звали Бин Риа Дем Лоа Алем, и он умирал от рака.

– Наш деревенский доктор, старейшина... он умер в прошлом месяце, и замены ему не нашлось... прошлой зимой отправил Бина в нашу больницу в Керао-Тамбат, но они только назначили лучевую и химиотерапию и посоветовали надеяться на лучшее, – рассказывала Дем Риа, сидя у моей постели.

В тот день Дем Лоа пристроилась рядом, на другом стуле с прямой спинкой. Я спросил о мальчике, чтобы не обсуждать собственные проблемы. Солнечный свет ложился густыми, красными как кровь мазками на глинобитные стены, и изысканные одежды женщин переливались всеми оттенками глубоких тонов кобальтовой сини. Кружевные занавеси дробили лучи на свет и тени, создавая диковинный узор. Мы болтали в промежутках между приступами боли. Спина болела так, словно по ней врезали тяжелой дубинкой, но это было еще вполне терпимо, если сравнивать с резким, пронизывающим ожогом боли, когда камень сдвигался. Доктор сказала, что боль – хороший признак, когда так болит, значит, камень движется. Постепенно основной очаг боли переместился в низ живота. Но доктор еще сказала, что, чтобы камень прошел, могут потребоваться месяцы, и это еще в том случае, если камень окажется достаточно маленьким, чтобы выйти самостоятельно. А многие камни, подчеркнула она, приходится распылять или удалять хирургическим путем... Я заставил себя переключиться и дальше обсуждать здоровье ребенка.

– Лучевая и химиотерапия, – повторил я. Почему-то эти слова вызвали у меня отвращение. Словно Дем Риа сказала, что врач прописал мальчику пиявки. В Гегемонии знали, как лечить рак, но почти все генные технологии были утрачены после Падения. А что не было утрачено, стало чересчур дорогостоящим для повсеместного применения, когда Великая Сеть канула в небытие. Имперский торговый Флот возил грузы и товары между звездами – но это было медленно, дорого и слишком мало. Медицина была отброшена на несколько веков назад. Моя мать умерла от рака – она отказалась от лучевой и химиотерапии, которые ей предложили в клинике.

Но зачем лечить смертельный недуг, если есть крестоформ? Можно умереть и воскреснуть здоровым. Крестоформ излечивал даже некоторые наследственные болезни. А смерть, как неустанно повторяла Церковь, – таинство, столь же сакральное, как и воскресение. Об этом можно молиться. Теперь любой может преобразить боль и отчаяние болезни и смерти в торжество искупительной жертвы Христа. До тех пор, разумеется, пока этот любой носит крестоформ.

Я прокашлялся.

– Э... у Бина нет... Ну, я хотел сказать... – Ночью, когда мальчик махал мне рукой, его рубашка распахнулась, приоткрыв хилую грудь без крестоформа.

Дем Лоа покачала головой. Капюшон ее одеяния был из мерцающей переливчатой как шелк ткани.

– Никто из нас еще не принял крестоформ. Но отец Клифтон... э-э-э... убеждает нас...

Я мог только кивнуть. Боль в спине и в паху вернулась, пробежав как электрический ток по нервам.

Пожалуй, мне следует разъяснить, что означали разные цвета в одежде жителей Лок Чайлд-Ламонда на планете Витус-Грей-Балиан Б. Дем Риа рассказывала, что сто лет назад

те, кто сейчас живет по берегам реки, переселились из звездной системы 9352-й Лакайля. Их мир, когда-то называвшийся Горечь Сибиату, был реколонизирован имперскими религиозными фанатиками. Новые колонизаторы дали ей другое название – Неизреченная Милость – и принялись обращать местные культуры, пережившие Падение. Культура Дем Риа – миролюбивая, философская, ориентированная на взаимодействие всех членов сообщества, – предпочла обращению эмиграцию. Двадцать семь тысяч человек пожертвовали свое состояние и рискнули жизнью, чтобы снарядить древний ковчег и доставить всех – мужчин, женщин, детей, домашних животных и все-все-все после сорока девяти лет холодного сна на Витус-Грей-Балиан Б, где после Падения не выжил никто.

Народ Дем Риа называл себя Спектральной Спиралью Амуа, по названию эпической философской симфонической голопоэмы Хэлпула Амуа. В поэме Амуа цвета спектра метафорически символизировали человеческие ценности. Спиральные сочленения, наложения, синергии и столкновения служили зримым выражением конфликтов, этими ценностями создаваемых. Спиральная симфония Амуа исполнялась с музыкой, стихами и голографическими изображениями, все вместе олицетворяло философское взаимодействие. Дем Риа и Дем Лоа объяснили, что их культура заимствовала значения цветов у Амуа: белый – цвет чистоты, интеллектуальной честности и физической любви; красный – страсть, искусство, политические убеждения и храбрость; синий – интроспективные откровения музыки, математики, индивидуальная терапия помощи другим; изумрудно-зеленый – созвучие с природой, контакт с техникой, сохранение вымирающих видов; черный – цвет мистерий, и так далее. Тройной брак, непротивление и другие особенности культуры возникли частично из философии Амуа и в большей степени – из богатой общинной культуры народа Спирали, созданной на Горечи Сибиату.

– Значит, отец Клифтон убеждает вас прийти в Церковь? – спросил я, когда боль немного отступила.

– Да, – сказала Дем Лоа.

Их супруг, Алем Микайл Алем, вошел в комнату и сел на подоконник. Он внимательно слушал, но говорил мало.

– Ну а вы что? – Я осторожно повернулся. Я не просил дать мне ультраморф уже несколько часов. Скажу честно, мне страшно хотелось его попросить.

– Если мы все примем крест, маленького Бина Риа Дем Лоа Алема отправят на базу в Бомбасино. Даже если они не смогут его вылечить, Бин вернется к нам... после... – Дем Риа опустила голову и спрятала руки в складках одежды.

– Они не позволят принять крест только Бину? – догадался я.

– Конечно... Они всегда стоят на том, что обратиться должна вся семья. Впрочем, это можно понять... Отец Клифтон очень расстроен, но он надеется, что мы примем Иисуса Христа и примем не слишком поздно...

– А ваша дочь, Сес Амбре – ей бы хотелось стать христианкой? – спросил я и тут же понял: это слишком личное, о таком не спрашивают. Но мне было интересно, да и размышления об этой мучительной дилемме отвлекали от моей вполне реальной, но куда менее значимой боли.

– Сес Амбре хочет стать возрожденной христианкой и полноправной гражданкой Священной Империи, – ответила Дем Лоа, поднимая голову. – Тогда ей позволят посещать церковную академию в Бомбасино или в Кероа-Тамбат. Она считает, что там ее ждут интересные брачные перспективы.

Я раскрыл было рот, передумал, а потом все-таки сказал:

– Но ведь тройной брак не... Разве Церковь позволит...

– Нет, – сказал Алем. Он нахмурился, серые глаза смотрели грустно. – Церковь не допускает ни однополых, ни полигамных браков. Наша семья погибнет.

Я заметил, как все трое обменялись взглядами... и в этих взглядах была такая любовь и такой страх потери, что это на долгие годы останется со мной.

Дем Риа вздохнула:

– В любом случае это неизбежно. И отец Клифтон прав... мы должны сделать это сейчас, ради Бина, а то дождемся: он умрет истинной смертью, мы потеряем его навсегда... и только потом примем крест. Уж лучше водить нашего мальчика на воскресную мессу и слушать, как он смеется, чем ходить в собор, чтобы поставить свечу за упокой его души.

– Почему неизбежно? – удивился я.

Дем Лоа пожала плечами.

– Наше общество Спектральной Спирали зависит от всех его членов... Все витки и составляющие Спирали должны быть на своем месте, чтобы взаимодействовать, работать ради прогресса и добра. Но все больше и больше людей Спирали оставляют свои цвета и принимают крестоформ. Ядро долго не продержится.

Дем Риа коснулась моего локтя, как бы желая подчеркнуть то, что скажет дальше:

– Все-таки они не сумели нас принудить. – Ее голос звучал как шелест ветра в кружеве занавесей за ее спиной. – Мы способны оценить и чудо воскрешения, но... – Она замолчала.

– Но это очень тяжело, – договорила Дем Лоа, и ее ровный голос вдруг сорвался.

Алем Микайл Дем Алем поднялся с подоконника, подошел к своим супругам и, опустившись на колени, невыразимо нежно коснулся запястья Дем Лоа, а другой рукой обнял Дем Риа. На мгновение они забыли все, и меня тоже, в своей любви и скорби.

А потом вернулась боль, пронзила раскаленным копьем, проникая как лазер в спину и пах. Я громко застонал, не в силах удержаться.

Трое разомкнули объятия, и Дем Риа протянула руку за шприцем с очередной дозой ультраморфа.

Сон был все тот же – я лечу в ночи над Аризоной, внизу пустыня, я смотрю на себя и Энею: мы пьем чай и болтаем под навесом у ее домика, на этот раз разговор ушел далеко от воспоминания о нашем реальном разговоре той ночью.

– Это как ты – вирус? – спросил я. – Как это так получается, что то, чему ты учишь, чему бы ты ни учила, – угроза для огромной могущественной Империи?

Энея смотрела прямо перед собой, в черную пустоту, вдыхая ночные ароматы. И она не повернулась ко мне.

– Знаешь, в чем главная ошибка в «Песнях» дяди Мартина, Рауль?

– Нет, – сказал я. За прошедшие годы она уже сообщала о выявленных ошибках, пропусках и неверных предположениях – да и вместе мы обнаружили несколько во время путешествия на Старую Землю.

– Их две, – тихо сказала Энея. В ночной пустыне раздался крик ястреба. – Первая – он верил тому, что сообщил моему отцу Техно-Центр.

– Насчет того, что они – те, кто похитил Землю? – уточнил я.

– Насчет всего, – поправила Энея. – Уммон лгал кибриду Джона Китса.

– Почему? – удивился я. – Ведь они собирались уничтожить его.

Наконец Энея повернулась ко мне:

– Там была моя мать, чтобы записать разговор. И Центр знал, что она расскажет все старому поэту.

Я задумчиво кивнул:

– А он приведет это как достоверный факт. Но с какой стати им было лгать?..

– Вторая ошибка более серьезна, – не повышая голоса, перебила Энея. Небо на северо-западе по-прежнему чуть светилось. – Дядюшка Мартин верил, что Техно-Центр – враг человечества.

Я поставил чашку на камень.

– Ошибка? А что, ИскИны нам не враги? – Энея не ответила. Я принялся загибать пальцы. – Во-первых, из «Песней» следует, что Центр стоял за нападением на Гегемонию – за той атакой, которая привела к Падению. Не Бродяги, а именно Центр. Церковь это отрицает и винит во всем Бродяг. Ты хочешь сказать, что Церковь права, а старый поэт – нет?

– Нет. Атаку спланировал Центр.

– Миллиарды погибших... – Я чуть не плюнул от возмущения. – Гегемония уничтожена. Великая Сеть уничтожена. Мультилинии уничтожены...

– Техно-Центр не обрубал мультилиний.

– Ладно. – Я перевел дыхание. – Их обрубали некие загадочные сущности... Скажем, твои медведи, тигры и львы. Но ведь атаку-то организовал Центр...

Энея кивнула и подлила себе чая.

Я загнул второй палец.

– Второе. Техно-Центр использовал порталы как каких-то космических пиявок, паразитирующих на человеческих нейронных сетях для их этого самого чертова проекта Высшего Разума – да или нет? Всякий раз тот, кто телепортировался... использовался... этими... этими самыми ИскИнами. Так или не так?

– Именно так, – сказала Энея.

– Третье. – Я загнул следующий палец. – В поэме Рахиль – дочь паломника Сола Вайнтрауба, которая пришла из будущего сквозь Гробницы Времени, – говорит о том времени, которое придет... – я процитировал: – «разразится последняя война между создателем Техно-Центра – Высшим Разумом – и человеческим духом». Это ошибка?

– Нет.

– Четвертое, – сказал я, начиная чувствовать себя последним идиотом, демонстрирующим упражнения по загибанию пальцев, но к этому моменту я уже был достаточно зол, чтобы продолжить. – Разве Центр не признался твоему отцу, что создал его... создал киборг Джона Китса... только как приманку для – как они это называли? – эмпатической составляющей человеческого Высшего Разума, который, как предполагалось, возникнет когда-нибудь в будущем?

– Так они говорили, – согласилась Энея, потягивая чай. Похоже, все это ее забавляло. А я еще больше озлился.

– Пять. – Я загнул последний палец на правой руке, теперь я показывал ей кулак. – Разве не Центр – о черт!.. – не Центр приказал Ватикану поймать и убить тебя на Гиперионе, на Возрождении-Вектор, на Роще Богов... половину пути по спиральному рукаву?

– Да, – спокойно сказала Энея.

– И разве не Центр, – сердито продолжал я, напрочь забыв про счет на пальцах и про то, что мы, собственно, говорим об ошибках старого поэта, – создал эту особь женского пола... эту... эту тварь... ведь она отрубила бедному А.Беттику руку на Роще Богов и, не вмешайся тогда Шрайк, унесла бы твою голову в сумке? – Я погрозил неизвестно кому кулаком, так я был зол. – Разве не этот сраный Центр пытался прикончить меня заодно с тобой и, наверное, таки прикончит, если у нас хватит дури когда-либо опять сунуться в пространство Ордена?

Энея кивнула.

Я почти задыхался, как после спринтерской дистанции.

– Ну и? – неубедительно закончил я, разжимая кулак.

Энея коснулась моего колена – и, как всегда, меня словно током дернуло.

– Рауль, я не утверждала, что Центр не замышляет всякие пакости. Я всего лишь сказала, что дядюшка Мартин ошибался, изображая его врагом человечества.

– Но если все это правда... – Я в ошалении замотал головой.

– Это элементы Техно-Центра напали на Гегемонию перед Падением, – пояснила Энея. – Мы знаем – ведь мой отец побывал там с Уммоном, – что Техно-Центр не пришел к согласию по многим вопросам.

– Но... – начал я.

Энея подняла руку, и я умолк.

– Они использовали наши нейронные сети для создания своего проекта Высшего Разума, но ни из чего не следует, что это повредило людям.

Ну и ну! Вот это объяснение – при мысли о том, что ИскИны используют человеческие мозги как нейронную пузырьковую память, меня чуть не вывернуло наизнанку.

– Они не имеют права!

– Конечно, нет, – согласилась Энея. – Им бы следовало спросить разрешения. И что бы ты сказал?

– Что?! Трахнуть себя в задницу! Вот что! – завопил я, тут же осознав всю абсурдность подобного пожелания применительно к ИскИнам.

Энея улыбнулась.

– Ты должен помнить, что мы использовали их ментальную энергию для наших собственных целей больше тысячи лет. Не думаю, что мы спрашивали позволения их предков, когда создали первый кремниевый ИскИн... или первый магнито-пузырьковый... или на основе ДНК.

– Это совсем другое. – Я сердито отмахнулся.

– Ну да, конечно. Группа ИскИнов, носящая прозвище Богостроителей, создала для людей немало проблем в прошлом и еще создаст в будущем – включая попытку убить нас с тобой, – но они всего лишь часть Техно-Центра.

Я покачал головой.

– Не понимаю, детка, – сказал я уже немного мягче. – Ты действительно утверждаешь, что есть плохие ИскИны и хорошие ИскИны? Ты что, забыла – они же на самом деле рассматривали вариант полного уничтожения человеческой расы! И они ведь это сделают, даже если мы попробуем им помешать. Ну так и что, по-твоему, они не враги человечества?

Энея опять коснулась меня. В темных глазах читалась тревога.

– Не забывай, Рауль, человечество уже было близко к самоуничтожению. Капиталисты и коммунисты готовы были взорвать Землю, а ведь тогда была только одна планета. И ради чего?

– Ну да, – вяло согласился я, – но...

– А Церковь и сейчас готова уничтожить Бродяг. Это геноцид... и мало того – геноцид в невиданных доселе масштабах.

– Ну... Церковь... да и многие другие... не считают Бродяг человеческими существами.

– Ерунда! – возразила Энея. – Они человеческие существа. Они эволюционировали из людей со Старой Земли, как и ИскИны Техно-Центра. Все три расы – сироты в грозу.

– Все три расы... – повторил я. – Господи Боже, Энея, ты что, причисляешь Техно-Центр к человечеству?

– Мы сами создали их, – кротно сказала она. – Поначалу мы применяли человеческие ДНК для увеличения вычислительной мощности ИскИнов. Мы привыкли к роботам. Они создали кибридов из ДНК человека и ИскИнов. И сейчас у власти человеческое сообщество – и вся слава, вся власть принадлежит ему, потому что оно установило завет с Богом... – человеческим Высшим Разумом. Быть может, в Техно-Центре аналогичная ситуация – я имею в виду власть Богостроителей.

Я ошарашенно уставился на нее. Я ничего не понимал.

Энея положила обе руки на мое колено. Я чувствовал заряд ее прикосновения через ткань брюк.

– Рауль, ты помнишь, что сказал ИскИн Уммон второму кибриду Китса? Этот фрагмент «Песней» достоверен. Уммон говорил буддийскими коанами... или по крайней мере это звучит так в интерпретации дядюшки Мартина.

Я закрыл глаза, припоминая эту часть эпической поэмы. Давно, очень давно мы с бабушкой сидели у костра и по очереди читали поэму наизусть.

Энея начала произносить слова, едва они всплыли в моей памяти.

– Вот что сказал Уммон второму кибриду Китса:

**[Ты должен понять/
Китс/
единственным выходом для нас
было создание гибрида/
Сына Человека/
Сына Машины\\
И это прибежище должно быть таким привлекательным/
чтобы беглое Сопереживание
даже не смотрело на прочие обиталища\
Сознание почти божественное
какое только могли предложить
тридцать человеческих поколений/
воображение свободно странствующее
через пространство и время\\
И благодаря этим дарам
и соответствиям/
образовать связь между мирами/
которая позволила бы
этому миру ладить
с обеими сторонами]**

Я потер щеку и задумался. Ночной ветерок шевелил брезентовый полог шатра и доносил дурманящие запахи пустыни. Чужие звезды светили у горизонта над старыми горами Старой Земли.

– Эмпатия, по общему мнению, исчезнувшая составляющая человеческого ВР, – медленно проговорил я, словно разгадывая загадку. – Часть нашего эволюционировавшего сознания, вернувшаяся назад во времени. – Энея посмотрела на меня. – Под гибридом разумелся кибрид Джона Китса. Сын Человека и Машины.

– Нет, – тихо возразила Энея. – Это вторая ошибка дядюшки Мартина. Кибриды Китса не были созданы, чтобы стать прибежищем для Сопереживания в этот период. Они были созданы, чтобы стать орудием слияния Техно-Центра и человечества. Короче, чтобы появился ребенок.

Я посмотрел на ее маленькие детские руки.

– Значит, ты – «сознание почти божественное, какое только могли предложить тридцать человеческих поколений»? – Энея пожала плечами. – И у тебя есть «воображение, свободно странствующее сквозь пространство и время»?

– Оно у всех людей есть, – сказала Энея. – Разница в том, что я – в мечтах или в воображении – вижу то, что действительно случится. Помнишь, я сказала тебе, что помню будущее?

– Угу.

– Вот сейчас я вспомнила, что через несколько месяцев тебе приснится наш разговор. Ты будешь лежать в постели – с ужасной болью – на планете с очень сложным названием, и вокруг тебя будут люди в голубом...

– Чего-чего?

– Не бери в голову. Это обретет смысл, лишь когда наступит. Все не-вероятности исполняются, когда волны вероятности коллапсируют в событие.

– Энея, – услышал я собственный голос, поднимаясь над пустыней все выше и выше, и увидел далеко внизу маленькие фигурки – себя и девочку, – скажи мне, в чем твой секрет?.. Что делает тебя мессией, этой «связью между мирами»?..

– Хорошо, Рауль, хорошо, любимый... – Она вдруг превратилась во взрослую женщину – за мгновение до того, как я поднялся слишком высоко на крыльях сна, чтобы различать детали или слышать. – Я скажу тебе. Слушай.

9

К моменту перехода в пятую систему Бродяг эскадра «Гидеон» уже уверенно была на поражение.

Еще из курса военной истории отец капитан де Сойя знал, что почти все бои в космосе, которые велись не ближе одной второй АЕ от планеты, луны, астероида или стратегической точки пространства, начинались только в обусловленном месте. И, насколько он помнил, примерно так же все обстояло уже до Хиджры на Старой Земле – как правило, великие морские сражения проходили в виду суши в тех же акваториях; если что и менялось с течением времени, так это сами корабли – от греческой триремы до стальных линкоров. Но с появлением авианосцев все изменилось: штурмовики дали возможность наносить удары далеко в море – это уже были совсем не те легендарные морские сражения, когда крейсеры вели обстрел с дистанции прямой видимости. И когда это произошло – а тогда даже еще не пришло время управляемых снарядов, тактических боеголовок и энергопушек, – морские волки Старой Земли начали тосковать по залпам и абордажам.

И в космической войне вернулись к принципу ведения боя в обусловленном месте. Великие сражения эпохи Гегемонии – давние междоусобные войны с генералом Горацием Гленнон-Хайтом, столетия войны между мирами Гегемонии и Роями Бродяг, – как правило, велись вблизи планет или космических порталов. А дистанции между противниками были до смешного малы – сотни тысяч километров, а зачастую и десятки тысяч, впрочем, бывало и того меньше, – и это при том, что до места битвы – световые годы и парсеки. Но это было необходимо, поскольку на то, чтобы преодолеть одну астрономическую единицу, у света уходило восемь минут, у ракет, даже с максимальным ускорением, намного больше, а погоня и сама стычка длились иногда не один день. Спин-звездолеты легко уворачивались от ракет, а наложенные Церковью ограничения на применение ИскИнов существенно затрудняли задачу. Поэтому уже многие столетия космические битвы велись по издавна заведенному правилу – эскадры прыгали в нужный сектор пространства, где обнаруживали готового к обороне противника, перемещались на расстояние поражения, обменивались разящими ударами и отступали на подготовленные позиции, освобождая дорогу подкреплениям, – или гибли, если отступать было некуда, а победитель торжествовал и подбирал трофеи.

Технически те корабли, на которых де Сойя служил раньше, были, конечно, не так совершенны, да и скорости гораздо ниже, но они имели мощное тактическое преимущество над крейсерами класса «архангел». На пробуждение после криогенной фуги требовались в худшем случае часы, а в лучшем – минуты, а это значит, что капитан и экипаж звездолета с двигателем Хоукинга готов к бою сразу после выхода из состояния С-плюс. А на «архангелах», даже с папским разрешением на ускоренный – и опасный – двухдневный цикл воскрешения, – требовалось как минимум пятьдесят стандартных часов, прежде чем экипаж будет в состоянии сражаться. Теоретически это давало огромное преимущество обороняющимся. Теоретически Орден мог бы оптимизировать применение кораблей с двигателями Гидеона – например, отправлять аппараты без команды, пилотируемые ИскИнами, во вражеское пространство. Они учиняли бы там бойню и прыгали обратно, прежде чем противник успеет что-либо понять.

Но такая теория здесь неприменима. ИскИны, способные на решение таких неопределенных логических задач, никогда не будут разрешены Церковью. Но это все не важно, главное, что Имперский Флот разработал-таки стратегию нападения с учетом требований воскрешения таким образом, чтобы не дать противнику никаких преимуществ. Короче говоря, теперь никаких сражений по правилам. «Архангелы» должны были обрушиться на врага, как разящая десница Господня, – и именно это они сейчас и делали.

Первые три вторжения эскадры «Гидеон» в пространство Бродяг осуществлялись по стандартному плану: первым совершал переход «Гавриил», корабль капитана Стоун, и жестко тормозил в системе – лакомая приманка для всех электромагнитных, нейтронных и прочих зондов дальнего радиуса действия. Ограниченных возможностей бортовых ИскИнов хватило для распознавания местоположения и типа всех объектов – и оборонительных позиций, и центров сосредоточения населения – при одновременном слежении за медленным перемещением в системе военных транспортных кораблей Бродяг.

Через тридцать минут «Уриил», «Рафаил», «Ремиил», «Сариил», «Михаил» и «Рагуил» совершали переход в систему. Сбросив скорость до трех четвертых световой, эскадра все равно летела как пуля по сравнению с черепашими скоростями факельщиков Бродяг. Получив с «Гавриила» информацию и параметры цели по узконаправленному лучу, эскадра открывала огонь из оружия, неподвластного ограничениям световых скоростей. Модифицированные гиперкинетические ракеты Хоукинга возникали словно из небытия среди вражеских кораблей и над населенными центрами – некоторые поражали цели, другие взрывались в строго рассчитанных точках, устраивая плазменные либо термоядерные взрывы. В то же время в намеченные секторы посылались зонды, которые выходили в реальное пространство и атаковали врага лазерами, уничтожая все и вся в радиусе сотен тысяч километров.

Кроме того, и это было самое страшное, крейсера использовали нейродеструкторы, которые словно невидимые серпы косили врагов подобно неумолимой карающей деснице Господа. В мгновение ока плавилась и сгорала несчетные триллионы нервных клеток. Десятки тысяч Бродяг погибали, так и не узнав, что на них напали.

А затем эскадра выходила в реальное пространство и приближалась к останкам вражеских укреплений, чтобы нанести последний удар.

Каждая из семи звездных систем зондировалась управляемыми ракетами, и только если присутствие Бродяг подтверждалось, намечались главные цели и давался сигнал к атаке. Каждая из семи звездных систем имела свое название – обычно буквенно-цифровое по Новому общему каталогу, но штаб на «Урииле» назвал их по именам семи главных ветхозаветных демонов.

Отцу капитану де Сойе вообще казалось, что это уж чересчур, вся эта каббалистика – семь архангелов, семь главных целей, семь главных демонов, семь смертных грехов. Но вскоре он привык.

Системы называли так: Бельфегор (праздность), Левиафан (зависть), Вельзевул (чревоугодие), Сатана (гнев), Асмодей (похоть), Маммона (алчность) и Люцифер (гордыня).

Бельфегор – система красного карлика – напомнила де Сойе звездную систему Барнарда, но вместо прелестного, полностью терраформированного Мира Барнарда у Бельфегора была единственная планета – безымянный газовый гигант. А вокруг этого безымянного газового гиганта вращались цели – заправочные станции для факельщиков Роев, гигантские танкеры, доставлявшие газ с планеты на орбиту, доки и орбитальные верфи. Де Сойя атаковал без колебаний, превратив все объекты в орбитальную лаву.

Эскадра «Гидеон» обнаружила, что почти все крупные населенные пункты дрейфуют за газовым гигантом в троянских точках – множество маленьких орбитальных лесов, а в них десятки тысяч адаптировавшихся к космосу «ангелов». Почти все они раскрыли в слабом красном свете солнца силовые крылья, отчаянно пытаются спастись. Семь «архангелов» обратили в прах хрупкие экосистемы, уничтожили все леса, все астероиды, все водяные кометы, и летящие «ангелы» сгорели в пламени, как мотыльки.

Вторая система, Левиафан, вопреки столь выразительному названию – звезда класса В типа Сириуса едва ли с дюжиной астероидов Бродяг, жавшихся поближе к бледному пламени. Здесь не было явно военных целей, которые де Сойя так охотно атаковал в системе Бельфе-

гора: астероиды никак не защищены – возможно, здесь даже находились родильные дома: в полых внутри скалах поддерживалось давление и создавалась приемлемая среда для тех, кто предпочел не адаптироваться к вакууму и жесткой радиации.

Сметя все «лучами смерти», эскадра «Гидеон» проследовала дальше.

Третья система, Вельзевул, – красный карлик типа Альфы Центавра: ни планет, ни колоний, одна-единственная база во тьме, в тридцати астроединицах от солнца. Там заправлялись и ремонтировались пятьдесят семь кораблей Роя. Тридцать девять боевых кораблей, от крохотных разведчиков до линкоров класса «орион», ринулись на эскадру «Гидеон». Сражение продолжалось две минуты восемнадцать секунд. Все пятьдесят семь кораблей Бродяг и комплекс военной базы превратились в облако газа. Ни один «архангел» не получил повреждений. Эскадра двигалась дальше.

Четвертая система, Сатана, – никаких кораблей, только колонии для выращивания потомства, протянувшиеся до облака Оорта. В этой системе эскадра задержалась на одиннадцать дней, предавая огню «ангелов Люцифера».

Пятая система, Асмодей, центрированная приятным оранжевым карликом класса К, что-то вроде Эпсилона Эридана. Здесь на защиту населенного пояса астероидов выплеснулись волны внутрисистемных факельщиков. Факельщики были уничтожены с минимальными энергопотерями. «Гавриил» сообщил о наличии восьмидесяти двух заселенных астероидов, численность населения оценивалась примерно в полтора миллиона адаптированных и неадаптированных Бродяг. Восемьдесят один астероид был уничтожен или обработан с огромного расстояния нейродеструкторами. А потом адмирал Алдикакти отдала приказ высадить десант. Эскадра «Гидеон» сбрасывала скорость по вытянутой эллиптической траектории, которая привела их через четыре дня к поясу астероидов и к тому самому, единственному, оставшемуся. Радар показал, что астероид кружится и кувыркается совершенно беспорядочно – лишь богам хаоса понятно, по какой модели, но что он вращается вокруг своих осей. Зондирование показало, что астероид внутри полый и что там находится не менее десяти тысяч живых особей. Они обнаружили родильный дом Бродяг.

На эскадру попытались напасть шесть безоружных хопперов. С расстояния в восемьдесят шесть тысяч километров «Уриил» превратил их в плазму. Тысяча «ангелов» – некоторые с оружием малой мощности или с винтовками – расправили крылья и полетели к кораблям Имперского Флота длинными галсами на гребне солнечного ветра. Но их скорость была слишком мала... Сжечь их предоставили «Гавриилу».

«Архангелы» обменялись сообщениями по направленному лучу. «Рафаил» и «Гавриил» подтвердили приказы и приблизились к безмолвному астероиду на тысячу километров. Открылись шлюзы, и в лучах желтого карлика двенадцать крохотных фигурок – по шесть с каждого корабля – устремились к скале. Сопротивления не было. Солдаты обнаружили два загерметизированных шлюза. Они синхронно взорвали внешние двери и по трое проникли внутрь.

– Благословите, отец, ибо я согрешил... Последний раз я исповедовался два стандартных месяца назад.

– Продолжайте.

– Отец, сегодняшняя акция... Это беспокоит меня.

– Да?

– Так нельзя...

Отец капитан де Сойя молчал. Он наблюдал за ходом операции и видел сержанта Григоруса по виртуальным тактическим каналам. Он переговорил с людьми после задания. И сейчас он приготовился выслушать все это еще раз в сумраке конфессионала.

– Продолжайте, сержант.

– Есть, сэр! – ответил Грегориус из-за перегородки. – Я хотел сказать, отец... – Сержант шумно вздохнул. – Мы не встретили сопротивления. В смысле, я и мои ребята. Мы поддерживали связь по лучу с отделением сержанта Клюге с «Гавриила». А также, разумеется, с генералами Барнс-Эйвне и Учикавой.

Де Сойя в своей части кабинки конфессионала хранил молчание. Кабинка была сборной, ее разбирали, когда шли в форсированном режиме или на боевых позициях, то есть большую часть времени, но сейчас здесь, как в настоящих конфессионалах, пахло деревом, потом, бархатом и грехом. Отец капитан имел время ощутить это, до последнего разгона перед точкой перехода в шестую систему Бродяг – Маммону – оставалось еще полчаса. Он предоставил команде время для исповеди, но откликнулся только сержант Грегориус.

– Когда мы приземлились, сэр... отец... я отправил парней к южному шлюзу, мы так делали на виртуальных тренажерах. Мы взорвали шлюз как нечего делать, а потом включили силовые экраны, на случай, если вдруг засада.

Де Сойя кивнул. Боевые скафандры швейцарских гвардейцев – лучшее, что есть в человеческой вселенной, они действовали в воде и воздухе, выдерживали вакуум, жесткое излучение, энергетический залп и взрыв мощностью до килотонны. А в новых скафандрах – еще и встроенные силовые поля, которые питаются от силовых полей звездолетов.

– Ну и... они на нас напали... эти Бродяги, отец, они сражались в лабиринте туннелей, в темноте. Среди них и эти – адаптированные к космосу существа, сэр, «ангелы», только со сложными крыльями. Но больше обычных людей в комбинезонах... о броне и говорить-то смешно... В нас стреляли из винтовок и лучеметов, но у них-то обычные очки ночного видения, значит, мы и заметили их первыми, с нашими-то фильтрами. – Грегориус опять тяжело вздохнул. – Через пару минут мы прорвались дальше, во внутренние помещения. Все, кто пытался остановить нас в туннелях, так там и остались...

Де Сойя молча слушал.

– А внутри... Ну... – Грегориус прокашлялся. – Оба отделения взорвали внутренние шлюзы одновременно, сэр... и северный, и южный сразу. Передатчики, которые мы оставили за собой в туннеле, здорово поддерживали связь по лучу, значит, мы и были все время на связи и с Клюге, и с кораблями. На внутренних шлюзах была аварийная система – так мы и думали, и ее тоже взорвали, и страховочные мембраны следом... Внутри астероид полый... мы это, знали, конечно... но я еще никогда не был внутри родильного астероида, отец... Надо же, беременная скала...

Де Сойя слушал.

– Он был эдак километр в поперечнике, и полно этих самых гравитационных башенок, которые занимали много места. Изнутри форма примерно такая же, как снаружи...

– Картофелина, – подсказал отец капитан де Сойя.

– Точно, сэр. Куда ни глянь, всюду ямы какие-то... Пещер полно и гроты там всякие... ну прям берлоги беременных Бродяг...

Де Сойя кивнул и посмотрел на свой хронометр: интересно, доберется ли обычно немногословный сержант в этом перечне до осознания своих грехов? Вот-вот уже надо будет складывать конфессионал перед прыжком.

– Для Бродяг, отец, это, ну как... конец света, должно быть... Астероид разгерметизировался, воздух улетает, как вода через дырку в ванной, кругом какие-то ошметки, Бродяг швыряет в разные стороны, как опавшие листья... У нас были включены наружные наушники, сэр... такой грохот, что голова раскалывается, – и тут вой ветра, и вопли Бродяг, треск, будто от молний, взрывы плазменных гранат, эхо... оно не стихало долго-долго. Оно было громким, отец.

– Да, – сказал из темноты отец капитан де Сойя.

Сержант Грегориус помолчал.

– Как бы то ни было, отец, а приказано было доставить по два экземпляра всего – взрослых мужчин, мутировавших и нет; женщин, беременных и нет; пару детишек обоего пола и пару младенцев... Мы принялись за дело, парализовывали и оттаскивали... Сила тяжести внутри была где-то в одну десятую g, как раз хватало, чтобы мешки с телами лежали там, куда их положишь...

Молчание. Де Сойя хотел было заговорить и завершить исповедь, но сержант Грегориус прошептал через разделяющую темноту:

– Простите, отец. Я знаю, что вам это все известно, но... Понимаете... В общем, тут я и сломался. Почти все обычные Бродяги, не мутанты, уже мертвы или умирают, кто от декомпрессии, кто от ран. Мы не пользовались нейродеструкторами. Ни я, ни Ключе ничего не говорили своим парням – просто никому и в голову не пришло пользоваться ими.

А Бродяги-мутанты превратились в «ангелов», их тела вдруг засверкали, когда они включили свои силовые экраны. Конечно, крылья они развернуть в туннелях не могли, да и толку от них было чуть... ни света, ни солнечного ветра, и сила тяжести чересчур велика... но все равно... Некоторые пытались использовать крылья как оружие.

Сержант издал странный звук, который при желании можно было бы принять за смешок.

– У нас были силовые экраны класса «четыре», а они нападали на нас со своими стрекозиными крылышками... Мы их сожгли, потом нас отправили по трое из каждого отделения обратно с добычей, и мы с Ключе повели остальных вычищать пещеры...

Де Сойя слушал. На исповедь оставалось меньше минуты.

– Мы знали, что это родильный астероид, отец. Мы знали... все знают... что Бродяги, даже те, которые запустили к себе внутрь машины и перестали быть людьми... что они так и не научились рожать и выкармливать детей в невесомости... Мы знали, что это родильный астероид, когда лезли внутрь... Прошу прощения, отец...

Де Сойя хранил молчание.

– Но даже так, сэр... Эти пещеры сильно напоминали дома... кровати, колыбели, видеоблоки, кухни... мы и не думали, что у Бродяг может быть такое... Но больше всего пещер были как...

– Ясли, – закончил капитан де Сойя.

– Так точно, сэр. Ясли. Крошечные кровати, а в них лежали малыши... Не какие-нибудь там уроды, сэр, не чудовища, не те бледные крылатые твари, с которыми мы сражались, не «ангелы Люцифера»... просто обыкновенные малыши... Их там были сотни, нет, тысячи... Пещера за пещерой... Во многих комнатах они погибли от декомпрессии, кого-то разорвало на кусочки, кто-то просто умер, задохнулся. Но некоторые пещеры оставались герметичными. Мы взрывали шлюзы и проникали внутрь. Матери... беременные женщины с распущенными волосами... они бросались на нас, царапались и кусались, отец... Мы не обращали на них внимания – все равно: или вынесет из пещеры в туннель, или задохнется... Но дети... в своих крошечных пластиковых респираторах...

– Инкубаторах, – поправил капитан де Сойя.

– Так точно, – устало отозвался сержант Грегориус. – Мы связались с кораблями, спросили, что нам делать с этой кучей детишек в инкубаторах... И генерал Барнс-Эйвне приказала...

– ...продолжать, – прошептал отец капитан де Сойя.

– Так точно, сэр... И мы...

– ...выполняли приказ, сержант.

– Мы истратили на ясли все гранаты до последней, отец. А потом пошли в ход винтовки. Комната за комнатой, пещера за пещерой. Пластик плавился... Одежда вспыхивала... Наверно, туда подавался чистый кислород – малыши взрывались как гранаты... Нам пришлось включить экраны, и все равно... Я целых два часа отчищал скафандр... Но много инкубаторов не возо-

рвалось, они пылали, как сухое дерево, как факелы, со всем, что в них было, словно в печке... Воздуха уже не осталось, абсолютный вакуум, но в инкубаторах атмосфера еще была... и мы отключили наружные наушники. Все как один. Но все равно мы слышали плач и крики – сквозь силовые поля, сквозь шлемы... Я до сих пор их слышу, святой отец...

– Сержант...

– Да, сэр?

– Вы выполняли приказ, сержант. Мы все выполняли приказ. Его Святейшество уже давно объявил, что Бродяги променяли свою человеческую сущность на наноустройства, на мутации с хромосомами...

– Но эти крики, отец...

– Сержант! Ватиканский Собор и Его Святейшество постановили, что крестовый поход необходим – само существование человечества под угрозой, – необходим ради спасения от Бродяг. Есть приказ. И вы его выполняли. Мы солдаты, сержант.

– Да, сэр, – прошептал Грегориус.

– У нас нет времени, сержант. Мы поговорим об этом позже. А сейчас я налагаю на вас епитимию... не за то, что вы как солдат исполняли приказ, а за то, что позволили себе усомниться. Пятьдесят «Аве Мария» и сто «Отче наш», сержант... И молитесь, молитесь, как следует, чтобы понять...

– Да, отец.

– А теперь говорите, что вы искренне раскаиваетесь... поторопитесь, сержант.

Когда до него из-за перегородки донесся торопливый шепот, отец капитан де Соя поднял руку в благословении и произнес формулу отпущения грехов:

– Ego te absolvo...

Восемь минут спустя отец капитан и экипаж «Рафаила» лежали в своих саркофагах. Звездолет разогнался и совершил прыжок в систему Маммоны. После мгновенной смерти экипаж ожидало долгое и мучительное воскрешение.

Великий Инквизитор умер и отправился в ад.

Это была лишь вторая его смерть и второе воскресение, и ни то, ни другое не привело его в восторг. И Марс на самом деле оказался адом.

Джон Доменико кардинал Мустафа и его свита в количестве двадцати одного человека – чиновники Священной Канцелярии и служба безопасности, включая личного помощника Великого Инквизитора, незаменимого отца Фаррелла, – прибыли в систему Старой Земли на новом «архангеле». Перед началом работы на Марсе на восстановление сил после воскрешения было отпущено целых четыре дня. Великий Инквизитор получил уже достаточно информации о красной планете, чтобы у него сложилось вполне твердое убеждение: Марс – это ад.

– На самом деле, – возразил отец Фаррелл, когда Великий Инквизитор поделился с ним выводом, что Марс и есть ад, – тут больше подойдет другая планета системы, Венера... Там все плавится и кипит, чудовищное давление, озера жидкого металла, страшные ветры и ураганы...

– Заткнись, – сказал Великий Инквизитор и вяло махнул рукой.

Марс... Первый мир, колонизированный людьми, несмотря на низкий рейтинг (2,5 по старой шкале Сольмева)... Здесь была проведена первая попытка терраформирования, и, соответственно, первая провальная попытка... После того как Старая Земля ухнула в черную дыру, Марс обходили стороной – из-за двигателя Хоукинга, из-за Хиджры, из-за того, что никто не хотел жить на этой ржаво-красной планете, когда в галактике почти бесконечное множество миров с более здоровым и приятным климатом.

Века после гибели Старой Земли Марс был таким захолустьем, что его даже не включили в Великую Сеть – этот пустынный мир мог, пожалуй, заинтересовать только изгнанников с Новой Палестины (легендарный полковник Федман Кассад, как с удивлением узнал Мустафа,

родился в одном из лагерей палестинских беженцев) и дзен-гностиков, возвращавшихся на равнину Эллада, чтобы возродить учение магистра Шредера. Лет сто все вроде бы шло к тому, что вторая попытка терраформирования будет удачной – гигантские котлованы стали морями, в долине Маринер разрослись целые чащи циклазoidных папоротников, но энтропия победила, и наступил следующий ледниковый период.

Во времена расцвета Великой Сети Флот Гегемонии принес на красную планету порталы и создал в недрах исполинского вулкана Олимп Офицерскую Школу ВКС. Почти полная изоляция Марса от торговли и культуры Сети вполне устраивала ВКС, и вплоть до Падения планета так и оставалась военной базой. После Падения остатки ВКС установили на Марсе военную диктатуру – так называемую Марсианскую Военную Машину, – распространявшую свое влияние до Центавра и Тау Кита; это могло бы стать зародышем второй галактической империи, если бы не вернулся Орден. Имперский Флот быстро расправился с марсианским, загнал Военную Машину в пределы системы Старой Земли, а полководцы попрятались на древних орбитальных базах ВКС и в туннелях Олимпа. Военные базы Священной Империи обосновались в поясе астероидов и на спутниках Юпитера, а на Марс высадили миссионеров и губернатора, дабы усмирить красную планету.

Тут-то и выяснилось, что на Марсе так мало жителей, что и обращать в истинную веру и управлять, собственно, нечем. Воздух холодный и разреженный, большие города разрушены, повсюду свирепствуют пылевые бури, в ледяных пустынях мрут от эпидемий последние горстки кочевников – все, что осталось от великой расы марсиан; и теперь лишь колючие хилые кактусы росли там, где некогда цвели яблоневые сады и зрели на плантациях ягоды брэдберии.

Как ни странно, лучше всех приспособились к изменившимся условиям загнанные, презируемые палестинцы Фарсиды. Потомки древней Ядерной Диаспоры 2038 года от Рождества Христова прижились на Марсе и донесли ислам до многих кочевых племен и свободных городов-государств. Когда на Марсе появились имперские миссионеры, новые палестинцы не обнаружили ни малейшего желания подчиняться Церкви, ведь их не удалось сломить даже безжалостной Марсианской Военной Машине.

Именно там – в палестинской столице Арафат-каффиех – появился Шрайк и прикончил сотни, если не тысячи человек.

Великий Инквизитор переговорил со своими чиновниками, встретился с командованием гарнизона Имперского Флота на орбите и в сопровождении внушительного эскорта отправился непосредственно на Марс. Космопорт столицы, города Сент-Малахи, был открыт только для военных кораблей – впрочем, прибытия транспортов или пассажирских звездолетов в ближайшую марсианскую неделю все равно не ожидалось. Первыми сели шесть катеров конвоя, и когда кардинал Мустафа ступил на марсианскую почву – точнее, на Имперский бетон космопорта, – сотня швейцарских гвардейцев и людей из службы безопасности оцепили космопорт. Официальную делегацию Марса, в том числе архиепископа Робсона и губернатора Клэр Пало, тщательно обыскали и проверили сканерами.

Из космопорта делегацию Священной Канцелярии доставили наземным транспортом по городским улицам мимо обшарпанных зданий в новый губернаторский дворец на окраине Сент-Малахи. Были приняты беспрецедентные меры безопасности. Личную охрану Великого Инквизитора сочли недостаточной и разместили во дворце полк мотопехоты марсианских сил самообороны. Кардиналу Мустафе показали документальные материалы, подтверждающие, что две недели назад Шрайк побывал на плато Фарсида.

– Чушь какая-то, – возмущался Великий Инквизитор в ночь перед вылетом на место происшествия. – Все эти голограммы и видеокдры – двухнедельной давности или сняты с большой высоты. Да, на них есть это размытое пятно, которое вы называете Шрайком, и несколько десятков трупов. Но где местные жители? Где очевидцы? Где две тысячи семьсот жителей Арафат-каффиех?

– Мы не знаем, – ответила губернатор Клэр Пало.

– Мы связались с Ватиканом, но нам было велено не соваться туда и ждать вас, – добавил архиепископ Робсон.

Великий Инквизитор покачал головой и взял один из снимков.

– Что это? – спросил он. – База на окраине Арафат-каффиех? Да она не уступает в оснащении столичному космопорту.

– Это не имперская база, – сказал капитан Уолмак, командир «Джеббраила» и командующий эскадрой. – До появления Шрайка космопорт принимал ежедневно от тридцати до пятидесяти челноков.

– От тридцати до пятидесяти, – повторил Великий Инквизитор. – И это не имперская база. А чья? Может, Гильдии? – Он угрюмо посмотрел на архиепископа с губернатором.

– Нет, – сказал архиепископ после продолжительной паузы. – Гильдия тут ни при чем.

Великий Инквизитор сложил руки на груди.

– Челноки зафрахтовал «Опус Деи», – сообщила губернатор Пало.

– С какой целью? – Великий Инквизитор невольно поискал взглядом своих людей из службы безопасности – они стояли через каждые шесть метров.

Губернатор развела руками:

– Мы не знаем, ваше преосвященство.

– Доменико, – дрогнувшим голосом проговорил архиепископ, – нам было приказано не вмешиваться.

– Приказано? Кем? У кого есть право приказывать архиепископу и губернатору? – Великий Инквизитор не на шутку разгневался. – Во имя Христово! Кто вам приказал?

Взгляд архиепископа был мрачен, но тверд.

– Вот именно, что во имя Христово, ваше преосвященство. У представителей «Опус Деи» были официальные диски от понтификальной комиссии «Мир и справедливость». Нам было сказано, что в Арафат-каффиех проводится секретная операция. Нам рекомендуют не вмешиваться.

– Секретные операции на Марсе, и не только на Марсе, – прерогатива Священной Канцелярии! Понтификальная комиссия «Мир и справедливость» не смеет приказывать здесь. Где ее представители? Почему они меня не встречали?

Губернатор Клэр Пало указала на снимок:

– Вот они.

Кардинал Мустафа посмотрел на глянцевое фото: пыльные улицы, тела в белых одеждах. Обезображенные, в неестественных позах, раздувшиеся на жаре. Великому Инквизитору очень хотелось громко завопить... или немедленно расстрелять этих идиотов.

– Почему их не воскресили и не допросили?

Архиепископ Робсон грустно улыбнулся:

– Вы поймете все завтра, ваше преосвященство. Вы все поймете завтра.

ТМП на Марсе не функционируют, поэтому до плато Фарсида пришлось добираться на армейских скиммерах, которые с орбиты страховали факельщики и «Джеббраил». За двести километров до места пять взводов морской пехоты покинули скиммеры и полетели впереди, на малой высоте, сканируя местность.

Арафат-каффиех встретил их мертвой тишиной.

Первыми, увязнув в песке, сели скиммеры с охраной. Они включили силовое поле, и воздух и дома вокруг площади словно замерцали. Морские пехотинцы выстроились по периметру защитного купола. Вторая линия оцепления, солдаты губернатора, – на улицах за площадью. На площади личная охрана Великого Инквизитора в черных боевых скафандрах окружила кардинальский скиммер.

- Чисто, – доложил по тактическому каналу сержант морских пехотинцев.
- В радиусе километра от объекта никакого движения, – сообщил лейтенант сил самообороны. – На улицах много тел.
- Все чисто, – подтвердил капитан швейцарской гвардии.
- Подтверждаю. В Арафат-каффиех никакого движения, кроме ваших людей, – донесся голос капитана «Джебраила».
- Сообщения принял, – сказал шеф службы безопасности Священной Канцелярии Браунинг.
- Испытывая досаду и некоторую неловкость, Великий Инквизитор спустился по трапу на песчаный пустырь. Проклятая осмотическая маска настроения ничуть не улучшала.
- Отец Фаррелл, архиепископ Робсон, губернатор Пало и толпа чиновников бросились следом. Кардинал Мустафа прошел мимо охранников и царственным взмахом руки велел открыть проход в защитном поле, невзирая на протесты командора Браунинга.
- Где первый... – начал Великий Инквизитор, нетвердой походкой следуя по узкому переулку напротив пустырей: сила тяжести на Марсе меньше, и он не успел привыкнуть.
- Сразу за углом, – выдохнул архиепископ.
- Нам следовало бы подождать. Наружное силовое поле... – сказала губернатор Пало.
- Вон там, – указал отец Фаррелл в дальний конец улицы.
- Пятнадцать человек разом остановились, помощники и охранники чуть было не налетели на них.
- Господи, – прошептал архиепископ Робсон и перекрестился. Его лицо под прозрачной осмотической маской было мертвенно-бледным.
- Иисусе! – пробормотала губернатор Пало. – Я видела фотографии и голограммы, но это... Боже!
- Э... – протянул отец Фаррелл, приближаясь к первому телу.
- Великий Инквизитор встал рядом с отцом Фарреллом. Тело на красном марсианском песке выглядело как жуткая абстрактная скульптура. Зубы... рот, перекошенный в предсмертном крике... поодаль валяется рука. Трудно поверить, что это было человеческое существо...
- Тут что, постарались стервятники? Или крысы? – спросил Великий Инквизитор.
- Нет, – ответил майор Пиет, командующий гарнизоном. – С тех пор как воздух стал разреженным, птицы все исчезли. Датчики не засекли ни крыс, ни других грызунов.
- Значит, Шрайк, – не слишком уверенно сказал Великий Инквизитор. Он подошел ко второму телу – похоже, женскому. Его словно сначала вывернули наизнанку, а затем разодрали в клочья. – А тут?
- Мы полагаем, что это все – дело рук Шрайка, – сказала губернатор Пало. – У полицейских, которые обнаружили тела, была при себе камера. Вы видели снимки...
- Если судить по снимкам, то Шрайков тут было не меньше десятка, – возразил отец Фаррелл. – И вообще снимки очень нечеткие.
- Была песчаная буря, – объяснил майор Пиет. – А Шрайк был только один... Мы внимательно изучили снимки. Он просто двигался сквозь толпу с такой скоростью, что казалось, будто их несколько.
- Двигался сквозь толпу, – повторил Великий Инквизитор. Он подошел к третьему телу – миниатюрной женщины или подростка. – И творил все это...
- И творил все это, – повторила губернатор Пало. Она посмотрела на архиепископа Робсона, который, не в силах стоять, прислонился к стене.
- На этом участке улицы было от двадцати до тридцати трупов.
- Отец Фаррелл присел и рукой в перчатке провел по груди первого мертвеца, по углублению на месте крестоформа.
- А где крестоформ? – тихо спросил он.

Губернатор Пало покачала головой:

– Мы ни одного не нашли. Хотя бы кусочек... хотя бы миллиметр ткани...

– Это нам известно, – раздраженно прервал ее Великий Инквизитор.

– Очень странно, – сказал епископ Эрдль, главный специалист Священной Канцелярии по технике воскрешения. – Насколько мне известно, еще не было случая, чтобы не удавалось обнаружить хотя бы крохотный кусочек крестоформа. Губернатор Пало права. Для таинства воскрешения хватило бы и миллиметра ткани.

Великий Инквизитор остановился у тела, пришпиленного неведомой силой к железному поручню.

– Похоже, Шрайк охотился за крестоформами. Он вырывал их с корнем.

– Невозможно, – возразил епископ Эрдль. – Совершенно невозможно. В крестоформе свыше пятисот метров микроволокна...

– Невозможно, – согласился Великий Инквизитор. – Но если мы переправим эти тела на корабль, готов поспорить на что угодно, что воскресить их не удастся. Да, Шрайк раздирал им глотки, вырывал сердца и легкие, но охотился он за крестоформами.

Командор Браунинг появился из-за угла с пятью солдатами в черных доспехах.

– Ваше преосвященство, – обратился он к Великому Инквизитору по тактическому каналу, чтобы больше никто не слышал. – Самое худшее в квартале отсюда... Пойдемте.

Высокие чины последовали за человеком в черной броне, но медленно, нехотя.

Они насчитали триста шестьдесят два тела. Но на улицах – лишь малая часть, остальных обнаружили в домах или ангарах космопорта на окраине Арафат-каффиех. Делали голограммы, судебные медики Священной Канцелярии досконально изучали каждое тело перед отправкой в морг в пригороде Сент-Малахи. Было установлено, что все они – с других планет; нет ни палестинцев, ни коренных марсиан.

Специалистов особенно заинтересовал космопорт.

– Восемь катеров обслуживали поле, – сообщил майор Пиет. – Это очень много. В Сент-Малахи только два катера. Да еще наверняка звездолеты имели собственные катера – ну, скажем, по два на каждый... внушительная цифра.

Великий Инквизитор посмотрел на Робсона.

– Мы ничего об этом не знали, – ответил архиепископ. – Как я уже говорил, операцию проводило «Опус Деи».

– Что ж, судя по всему, весь персонал «Опус Деи» мертв... причем окончательно... Теперь расследование будет проводить Священная Канцелярия. Как по-вашему, чем они тут занимались? Может, добывали тяжелые металлы? Или минералы?

Губернатор Пало покачала головой:

– Марс перекапывали вдоль и поперек тысячу лет. Тут не осталось ничего ценного. Даже для обычных старателей, не говоря уж об «Опус Деи». Не те масштабы.

Майор Пиет поднял визор шлема и потер щетину на подбородке.

– Но что-то же они сюда переправляли, ваше преосвященство. Восемь катеров... современный космопорт... автоматизированная система охраны...

– Если Шрайк... если, конечно, это был Шрайк... не уничтожил компьютерные файлы... – начал командор Браунинг.

Майор Пиет покачал головой.

– Файлы уничтожены, но Шрайк тут ни при чем. Файлы были уничтожены компьютерными вирусами, сами машины – взорваны. – Он окинул взглядом пустое административное здание, куда уже просочился красный песок. – Я полагаю, что эти люди сами уничтожили свои данные еще до появления Шрайка. Видимо, они собирались эвакуироваться. Вот почему все катера готовы к старту и автопилоты в полной боевой...

Отец Фаррелл кивнул.

– Но у нас есть только орбитальные координаты. И никаких данных, с кем именно должно было состояться randevu.

Майор Пиет посмотрел в окно, за которым бушевала песчаная буря.

– Двадцать наземных машин, – тихо пробормотал он, ни к кому не обращаясь. – Восемьдесят человек в каждой. Что-то слишком много, если предположить, что персонал «Опус Деи» на Марсе чуть больше трехсот... да, конечно, столько трупов мы и обнаружили.

Губернатор Пало нахмурилась и скрестила руки на груди.

– Мы не знаем, сколько здесь было сотрудников «Опус Деи», майор. Все данные уничтожены. Откуда вы знаете, что не тысяча или...

Тут вмешался командор Браунинг:

– Прошу прощения, губернатор, но в казармах по периметру космопорта можно разместить не более четырехсот человек. Возможно, майор прав... то количество тел, которое мы обнаружили... и есть весь персонал «Опус Деи».

– Вы в этом уверены, командор?

– Нет, мадам.

Губернатор махнула рукой в сторону машин, едва различимых за пеленой песка.

– Но у нас есть наглядное подтверждение того, что людей было гораздо больше.

– А что, если это первая партия? – спросил командор Браунинг.

– Тогда почему они уничтожили записи в компьютерах вместе с самими компьютерами? – вопросом на вопрос ответил майор Пиет. – Почему все выглядит так, будто они собирались улетать отсюда навсегда?

Великий Инквизитор остановил их повелительным жестом.

– Хватит досужих предположений. Завтра Священная Канцелярия начнет собственное официальное расследование. Губернатор, мы можем разместиться в вашем дворце?

– Разумеется, ваше преосвященство. – Пало опустила голову – то ли в знак согласия, то ли чтобы скрыть выражение лица. Возможно, и то, и другое.

– Отлично, – кивнул Великий Инквизитор. – Командор, майор, вызовите скиммеры. Здесь останутся медэксперты и похоронная команда.

За окном все сильнее бушевала песчаная буря.

– Как называется это безобразие?

– Самум, – ответила губернатор Пало. – Такая буря может охватывать всю планету. И с каждым годом они становятся все яростнее.

– Местные говорят, что это древние марсианские боги, – прошептал архиепископ Робсон. – Что они требуют обратно то, что принадлежит им.

Менее чем в четырнадцать световых годах от Старой Земли, над планетой, называвшейся Витус-Грей-Балиан Б, звездолет, носивший когда-то имя «Рафаил», а ныне безымянный, закончил торможение и вышел на геостационарную орбиту. Четверо живых существ на его борту плавали в невесомости, рассматривая голограмму планеты на видеоэкране.

– Насколько достоверны данные о возмущениях поля портала? – спросила женщина по имени Скилла.

– Достовернее не бывает, – ответила ее двойняшка, Радаманта Немез. – Но надо проверить.

– Начнем с базы Имперского Флота? – предложил мужчина по имени Гиес.

– С самой крупной, – уточнила Немез.

– Значит, с базы в Бомбасино, – сказал Бриарей, сверившись с данными на пульте управления. – Северное полушарие. У центрального русла канала. Население...

– Какая разница, сколько там народу? – перебила Немез. – Нас интересует, проходили здесь Энея, андроид и Рауль Эндимион или нет.

– Катер готов, – доложила Скилла.

Катер вошел в атмосферу, выпустил крылья, пересек терминатор – им сразу же разрешили посадку (тут сработал диск Немез) – и приземлился среди «скорпионов», боевых скиммеров и бронированных ТМП. Гостей встретил запыхавшийся лейтенант и проводил в кабинет начальника базы.

– Итак, значит, Дворянская гвардия... – задумчиво протянул генерал Солжников, изучая лица вошедших и сведения с папского диска.

– Да, – равнодушно ответила Радаманта Немез. – Это подтверждают наши бумаги, чипы и диск. Сколько раз вам повторять одно и то же, генерал?

Лицо и шея Солжникова над высоким воротником кителя побагровели. Вместо того чтобы ответить, он еще раз взглянул на голограмму. Теоретически эти офицеры Дворянской гвардии – новая игрушка нового Папы Римского – старше его по званию. Теоретически они могли приказать расстрелять его или отлучить от Церкви, поскольку в звании центуриона Дворянской гвардии сосредоточена вся мощь Имперского Флота и Ватикана. Теоретически – согласно тексту и коду срочности на диске – они могли приказывать губернатору планеты и даже указывать архиепископу, что и как делать. Теоретически Солжникову до смерти хотелось, чтобы эти бледные рожи никогда не заглядывали к нему в кабинет.

Он изобразил улыбку.

– Мои люди в вашем распоряжении. Чем могу служить?

Худощавая женщина по фамилии Немез бросила на стол генерала голокарту и включила ее. Над столом возникли головы трех людей в натуральную величину – точнее, двух: третий был андроидом.

– Я не знал, что в пространстве Священной Империи еще есть антроиды, – удивился Солжников.

– Никто из ваших людей не встречал этих троих на вверенной вам территории, генерал? – спросила Немез, пропустив мимо ушей реплику Солжникова. – Их могли видеть на той широкой реке, которая течет у вас от Северного полюса к экватору.

– Вообще-то это канал... – Солжников оборвал себя. Никого из четверых, похоже, эта информация не интересовала. Он вызвал своего помощника, полковника Винару.

– Как их зовут? – спросил Солжников, когда Винара появился и встал у стены, держа в руке комлог.

Немез назвала все три имени. Генерал готов был поклясться, что никогда их не слышал.

– Это не местные имена, – сказал он, наблюдая, как полковник Винара проверяет данные. – Местные – они называют себя Спектральной Спиралью Амуа – собирают имена, как моя гончая на Патаупхе собирала палки. Понимаете, у них в ходу брачные триады...

– Это не местные, – перебила Немез. – Они с другой планеты.

– Понятно... – Солжников явно обрадовался. Значит, эти типы сейчас отсюда выметутся, осталось потерпеть от силы пару минут. – Мы вряд ли сможем помочь вам. Дело в том, что, с тех пор как мы прикрыли местную лавочку в Кера-Тамбат, Бомбасино – единственный действующий космопорт на Витус-Грей-Балиане Б. Если не считать нескольких арестованных на гауптвахте, тут нет ни одного иммигранта. Местные все принадлежат к Спектральной Спирали, и хотя они любят... э... яркие цвета, антроида все равно бы заметили... Что такое, полковник?

– Ни изображения, ни имена не опознаны, сэр, – сообщил Винара, – но четыре с половиной стандартных года назад эти трое были объявлены в розыск. – Он вопросительно поглядел на офицеров Дворянской гвардии.

Их лица были совершенно непроницаемы.

Генерал Солжников развел руками:

– Прошу прощения. Последние две недели мы проводили крупные маневры, но если бы здесь появился кто-нибудь чужой...

– Сэр, – перебил полковник Винара, – есть те четверо беглецов.

«Черт тебя возьми!» – подумал Солжников.

– Четверо беглецов с транспорта Гильдии, – объяснил он гвардейцам. – Их обвинили в употреблении наркотиков, и они решили сбежать. Насколько я помню, все мужчины, под шестьдесят, и, – он многозначительно посмотрел на полковника Винару: мол, заткнись, ты, козел драный, – и мы обнаружили их тела в Большой Луже. Верно, полковник?

– Мы нашли только три тела, сэр. – Винара упорно не замечал сигналов начальства. Он снова сверился с комлогом. – Один из наших скиммеров потерпел аварию близ Кера-Тамбат, и мы отправили туда медика... доктора Абне Молину... вместе с миссионером, чтобы она занялась ранеными.

– Какое, черт возьми, это имеет отношение к делу, полковник? – взъярился Солжников. – Эти офицеры ищут девочку-подростка, мужчину лет тридцати и андроида.

– Так точно, сэр, – отчеканил испуганный Винара. – Но доктор Молина сообщила по рации, что она оказала первую помощь больному чужаку в Лок Чайлд-Ламонде. Мы решили, что это четвертый беглец...

Радаманта Немез шагнула вперед столь быстро, что генерал Солжников невольно моргнул. В движениях этой женщины сквозило что-то не совсем человеческое.

– Где находится Лок Чайлд-Ламонд? – требовательно спросила она.

– Это деревня на берегу канала, приблизительно в восьмидесяти километрах к югу, – ответил Солжников. Он повернулся к полковнику с таким видом, словно во всем, что здесь сейчас творилось, виноват не кто иной, как Винара. – Когда этого человека доставят сюда?

– Завтра утром, сэр. Медицинский скиммер должен подобрать уцелевших и врача близ Кера-Тамбат в семь ноль-ноль, после чего он залетит в... – Полковник не успел договорить: четверо офицеров Дворянской гвардии развернулись на каблуках и направились к двери.

Немез бросила через плечо:

– Генерал, проследите, чтобы путь к Лок Чайлд-Ламонду был свободен. Мы полетим на катере.

– Право, не стоит! – засуетился генерал. – Этот человек арестован и будет здесь... Эй!

Офицеры дружно вышли из кабинета, спустились по ступенькам и двинулись к своему катеру. Солжников выскочил следом и крикнул, пытаясь привлечь их внимание:

– Атмосферные полеты на катерах запрещены! Эй! Мы вышлем скиммер! Эй! Этот человек наверняка не тот, кого вы ищете... Эй!

Четверо даже не оглянулись. Они забрались по трапу в катер и закрыли люк. Взвыли сирены, персонал базы поспешил в укрытие. Катер поднялся на маневровых двигателях, перешел на маршевые и устремился к югу.

– В Бога и душу! – прошептал генерал Солжников.

– Прошу прощения, сэр... – переспросил полковник Винара.

Солжников смерил его взглядом, от которого расплавился бы свинец.

– Отправьте за ними два боевых скиммера... нет, три. И по взводу морской пехоты на каждом. Это наша территория, не хватало еще, чтобы эти сосунки совали нос куда не следует. Нужно, чтобы скиммеры прилетели туда раньше и морпехи захватили этого долбаного типа... даже если им придется укокошить всех аборигенов отсюда до Лок Чайлд-Ламонда. Все ясно, полковник?

Винара ошарашенно уставился на генерала.

– Выполнять! – рявкнул Солжников.

Полковник Винара рысью сорвался с места.

10

Я не спал всю ночь и весь следующий день, корчась от боли.

Время от времени вставал и брел в туалет, волоча за собой аппарат искусственного питания, усиленно мочился, а затем проверял идиотский фильтр. Уже под утро камень наконец вышел.

Я не мог в это поверить. Последние полчаса боль уже не так мучила меня, и сейчас, когда я разглядывал красноватый предмет, немногим больше песчинки, я никак не мог поверить, что именно он и послужил причиной стольких терзаний.

– Придется поверить, – сказала Энея, сидевшая на краешке раковины и наблюдавшая за тем, как я заправляю пижамную куртку в штаны. – В жизни чаще всего так и бывает: вещи вроде бы незначительные причиняют самую сильную боль.

– Угу, – пробурчал я, смутно сознавая, что Энеи здесь быть не может, что я никогда не стал бы мочиться в присутствии кого бы то ни было и уж тем более Энеи. Наверняка опять ультраморфные грезы.

– Поздравляю, – сказала Энея-призрак. Ее улыбка казалась вполне реальной – озорная, дразнящая, та самая, к которой я привык за прошедшие годы. Я видел, что на ней те самые зеленые брюки и хлопковая рубашка, которые она часто надевала в Талиесине. Но еще я видел сквозь нее раковину и полотенца на стене.

– Спасибо, – сказал я и с трудом доковылял до кровати. Я все никак не мог поверить, что боль не вернется, – ведь доктор Молина не отрицала, что камней может быть и несколько.

Энея исчезла, и появились Дем Риа, Дем Лоа и охранник.

– Это просто замечательно! – воскликнула Дем Риа.

– Мы так рады! – подхватила Дем Лоа. – Мы надеялись, что вам не придется делать операцию.

– Дай сюда правую руку, – приказал охранник и защелкнул наручник, приковав меня к медной спинке кровати.

– Я арестован? – тупо спросил я.

– А ты сомневался? – фыркнул охранник. Его темная кожа под визором каски лоснилась от пота. – Завтра утром за тобой прилетит скиммер. Ведь ты не хочешь пропустить рейс? – И он опять вышел постоять в тени под деревом у крыльца.

– Нам очень жаль, Рауль Эндимион, – проговорила Дем Лоа, касаясь своими прохладными пальцами наручника.

– Вы не виноваты... – Я был так измотан и вдобавок накачан ультраморфом, что еле ворочал языком. – Вы очень добры ко мне. Очень добры. – Еще не затихшая боль мешала провалиться в сон.

– Отец Клифтон хотел прийти побеседовать с вами. Вы не против?

Крысы, грызущие мои ноги, обрадовали бы меня куда больше.

– Конечно. Почему бы нет? – сказал я.

Отец Клифтон был моложе меня, круглый, лысоватый, добродушный, небольшого росточка – но все же выше, чем Дем Риа, Дем Лоа и другие местные. Такие мне, пожалуй, уже встречались. В гипериионских силах самообороны у нас был капеллан, чем-то похожий на отца Клифтона – серьезный, довольно безобидный, этакий маменькин сыночек, который и в священники-то пошел потому, что не хотел становиться взрослым и сам за себя отвечать. Бабушка объяснила мне, что приходские священники в деревнях близ пустошей так и остаются детьми: прихожане относятся к ним с почтением, обыватели сплетничают о них, и никто по сути-то не считает их настоящими мужчинами, и вряд ли бабушка была настоящей антиклерикалкой –

хотя и отказывалась принять крест, – просто ее забавляло, что у великой и могучей Священной Империи такие приходские священники.

Отцу Клифтону хотелось устроить теологический диспут.

По-моему, я застонал, но все решили, что это от боли, и потому добрый священник наклонился поближе, участливо погладил меня по руке и пробормотал:

– Ну-ну, сын мой.

Я уже говорил, что он был лет на шесть моложе меня?

– Рауль... Могу я называть вас так?

– Конечно, отец. – Я закрыл глаза и притворился, что сплю.

– Как вы относитесь к Церкви, Рауль?

Не размыкая век, я закатил глаза.

– К Церкви, отец?

Отец Клифтон ждал.

Я пожал плечами. Точнее, попытался – это не так-то просто, когда одна рука в наручнике над головой, а во второй торчит игла внутривенного питания.

Но отец Клифтон, похоже, понял.

– Вам она безразлична? – спросил он тихо.

«Как можно быть безразличным к организации, которая хочет тебя поймать и прикончить?»

– Не совсем, отец, – ответил я. – Просто Церковь... Ну, была не совсем уместна в моей жизни... по многим причинам...

Миссионер вопросительно приподнял бровь.

– Рауль, о Церкви можно сказать многое, разумеется, не все в Церкви совершенно, но уж неуместной ее вряд ли можно счесть...

Я хотел было снова пожалть плечами, но решил, что хватит и одной попытки.

– Я знаю, к чему вы клоните. – Может, на этом наша беседа закончится?

Отец Клифтон наклонился еще ближе:

– Рауль, вы знаете, что завтра утром вас отправят на военную базу в Бомбасино?

Я кивнул. Хорошо хоть голова двигалась свободно.

– Вы знаете, что за дезертирство Имперский Флот и Гильдия карают смертью?

– Ага, но только после беспристрастного судебного разбирательства.

Отец Клифтон игнорировал мой сарказм. Он нахмурился, давая мне понять, что обеспокоен. Интересно, что его так тревожило: моя судьба или моя бессмертная душа? Или и то, и другое?

– Для христиан... – Он помолчал. – Для христиан такая казнь не более чем временные неудобства – мгновенный ужас, а затем радость воскресения. Но для вас...

– Ничегошеньки, – сказал я, помогая ему закончить фразу. – Большой пшик. Вечный мрак. Я стану пищей для червей.

– Этого не должно случиться, сын мой. – Отец Клифтон почему-то не пожелал веселиться вместе со мной.

Я вздохнул и посмотрел в окно. На Витус-Грей-Балиане Б около полудня. Солнце здесь светит как-то немного не так, как на тех планетах, где мне довелось побывать: на Гиперионе, Старой Земле, Безбрежном Море и многих других. Да, разница есть, но она столь неуловима, что я затрудняюсь описать. Но это очень красиво. Очень. Я смотрел на кобальтовое небо в росчерках лиловых облаков, на лучи масляно-желтого света на розовой стене и на деревянном подоконнике, слушал крики детей, играющих на улице, тихий разговор Сес Амбре и ее больного брата Бина и думал: «Потерять все это навсегда?..»

И призрачный голос Энеи ответил: «Но терять все это навсегда – и есть сущность человеческого бытия, любимый».

Отец Клифтон кашлянул:

– Вы когда-нибудь слышали о пари Паскаля, Рауль?

– Да.

– Неужели? – Похоже, отец Клифтон здорово удивился. – Тогда вам известно, какой в нем заключен смысл.

Я снова вздохнул. Боль стала постоянной, уже не было приливов и отливов, как раньше... Впервые о Блезе Паскале я услышал от бабушки, еще ребенком, и с Энеей мы о нем говорили. В библиотеке Талиесина я случайно наткнулся на его «Мысли».

– Паскаль был математиком, – сообщил отец Клифтон, – до Хиджры, по-моему, в середине восемнадцатого века...

– Вообще-то семнадцатого, – поправил я. – Если не ошибаюсь, он родился в 1623 году, а умер в 1662-м. – Ну, положим, с датами я слегка блефовал. Вроде похоже, но держать пари на свою голову я бы не стал. Как-то зимой мы с Энеей недели две подряд обсуждали Просвещение и как оно повлияло на людей эпохи до Хиджры.

– Верно, – согласился отец Клифтон, – но когда именно он жил, не так важно, как его так называемое пари. Поразмыслите, Рауль, с одной стороны – шанс воскресения, бессмертие, вечность на небесах и благодать Господня. С другой... Как вы выразились?

– Большой пшик, – с удовольствием повторил я. – Вечный мрак.

– Хуже того, – сказал молодой священник с неподдельной убежденностью. – Ничто. Сон без сновидений. Но Паскаль понимал, что если ты лишен искупления Христова, то это во сто крат хуже. Это вечное сожаление... бесконечная печаль...

– А-а? – спросил я. – Вечное наказание.

Отец Клифтон стиснул руки, явно смущенный этой стороной вопроса.

– Возможно, – сказал он. – Но даже если ад – только вечное сожаление об утраченных возможностях... Стоит ли рисковать? Паскаль понял, что, если Церковь ошибается, ничего не потеряешь, если принять надежду. А если права...

Я улыбнулся:

– Несколько цинично.

Священник пристально посмотрел на меня.

– Не так цинично, как бессмысленная смерть, Рауль. Приняв Христа, ты можешь творить добро, служить своим ближним, своим братьям и сестрам во Христе, и ты спасешь свою жизнь и свою бессмертную душу.

Я кивнул, помолчал и проговорил:

– А все-таки это важно, когда именно он жил.

Отец Клифтон озадаченно заморгал: он явно не понял.

– Блез Паскаль, я имею в виду, он пережил невиданную интеллектуальную революцию. Коперник, Кеплер и их последователи тысячекратно расширили вселенную. Солнце стало... ну, просто солнцем, отец. Все переместилось, отодвинулось, выкатилось из центра. Паскаль однажды сказал: «Меня ужасает вечное молчание бесконечных пространств».

Отец Клифтон наклонился так низко, что я уловил исходящий от его кожи запах мыла и аромат крема для бритья.

– Тем больше у вас оснований разделить его мудрость, Рауль.

Мне захотелось отодвинуться от этого розового, свежесбритого, лунообразного лица. От меня самого пахло потом, болью и страхом. Зубы я не чистил уже сутки.

– Я не считаю возможным заключать пари, если это имеет отношение к Церкви, настолько привыкшей, что все продается и покупается, что устанавливает цену за спасение жизни ребенка – полное повиновение и подчинение всем ее требованиям, – сказал я.

Отец Клифтон отшатнулся, как от пощечины. Он встал и похлопал меня по плечу.

– Отдыхайте. Мы с вами еще поговорим до отлета.

Но времени у меня не оставалось – катер Немез уже садился на военной базе в Бомбасино. Отец Клифтон ушел, и я заснул.

Я наблюдал, как мы с Энеей сидим на крыльце ее домика и продолжаем наш разговор.

– Я уже видел этот сон, – сказал я, прикасаясь к камню под холстиной. Камень еще хранил дневное тепло.

– Да, – согласилась Энея, потягивая свежесваренный чай.

– Ты собиралась рассказать мне, что делает тебя мессией, – услышал я собственный голос. – Раскрыть секрет, почему ты стала той «связью между мирами», о которой говорил ИскИн Уммон.

– Да, – повторила она и кивнула. – Но сначала скажи, ты считаешь, что правильно ответил отцу Клифтону?

– Правильно? – Я пожал плечами. – Он меня разозлил.

Энея отпила маленький глоток. Пар поднимался от чашки к ее ресницам.

– Но ведь ты так и не ответил на вопрос о пари Паскаля.

– Я не мог ответить ничего другого. Маленький Бин Риа Дем Лоа Алем умирает от рака. Церковь использует крестоформ как рычаг давления. Это мерзко... Я не желаю иметь с этим ничего общего.

Энея посмотрела на меня:

– Но если бы Церковь не была насквозь продажной, Рауль... если бы она предлагала крестоформ, не требуя ничего взамен... Ты бы принял его?

– Нет, – выпалил я и сам удивился.

Энея улыбнулась:

– Значит, дело не в Церкви и не в продажности. Ты отвергаешь саму идею воскресения.

– Такое воскресение – да. Его я отвергаю.

– А что, есть другое?

– Церковь полагала, что есть, – сказал я. – Без малого три тысячи лет она предлагала воскресение души, а не тела.

– И ты веришь в такое воскресение?

– Нет, – без колебаний ответил я. И покачал головой. – Пари Паскаля никогда меня не привлекало. Оно казалось мне логически... неполным.

– Возможно, потому, что предлагает лишь два варианта, – предположила Энея. Где-то в ночи заухала сова. – Духовное воскресение и бессмертие – либо смерть и проклятие.

– Два последних – не одно и то же.

– Для такого человека, как Блез Паскаль, это одно и то же. Для того, кого ужасает «вечное молчание бесконечных пространств».

– Духовная агорафобия, – пробормотал я.

Энея рассмеялась.

– Религия всегда предлагала людям этот обманчивый дуализм, – сказала она, поставив чашку на камень. – Молчание бесконечных пространств – или уютный покой внутренней определенности.

Я хмыкнул.

– Пасемская Империя и Церковь предлагают более прагматичную определенность.

Энея кивнула:

– В наши дни, возможно, это единственный выход. Возможно, наш источник веры иссяк.

– По-моему, ему следовало бы иссякнуть давным-давно, – сурово сказал я. – Человечество дорого заплатило за все эти религиозные предрассудки. Войны... погромы... отрицание логики, науки, медицины... не говоря уж о том, что власть попадала в руки таких же, как те, кто управляет Пасемской Империей.

– Разве религия только предрассудок, Рауль? Разве вера – это глупость?

– Что ты хочешь сказать? – спросил я, ожидая подвоха.

– Если ты веришь в меня, это глупо?

– Верю в тебя... В кого? В мессию? Или в друга?

– А какая разница? – Энея снова улыбнулась своей дразнящей улыбкой.

– Вера в друга... это дружба, – сказал я. – Верность. – И, помедлив, прибавил: – Любовь.

– А вера в мессию? – спросила Энея.

Я досадливо махнул рукой.

– Это религия.

– А если твой друг – мессия? – не унималась она.

– То есть если он думает, что мессия? – уточнил я и снова пожал плечами. – Наверно, ты хранишь ему верность и пытаешься уберечь от сумасшедшего дома.

– Хотела бы я, чтобы все было так просто, мой друг, – с непонятной мне горечью сказала Энея.

Она уже не улыбалась.

– Энея, девочка моя, так ты расскажешь мне, что делает тебя мессией? Из-за чего ты стала связью между двумя мирами?

Она торжественно кивнула.

– Меня избрали потому лишь, что я была первым ребенком от союза человечества и Техно-Центра.

Она это уже говорила. Я тряхнул головой.

– Значит, вот какие эти два мира, которые ты объединяешь... мы и Техно-Центр?

– В какой-то мере, – ответила Энея, поднимая голову и глядя на меня. – Но они не единственные. Именно этим и занимаются мессии, Рауль, – перекидывают мостки между мирами. Между эпохами. Объединяют в единое целое непримиримые концепции.

– Выходит, мессией тебя делает твоя связь с обоими мирами? – тупо спросил я.

Энея покачала головой – быстро, почти нетерпеливо. В ее взгляде промелькнуло что-то вроде раздражения.

– Нет, – ответила она резко. – Я мессия из-за того, что могу делать.

Я даже испугался ее реакции.

– И что же ты можешь делать?

Энея протянула ладонь, ее пальцы коснулись моих волос.

– Помнишь, я говорила, что Церковь и Орден были правы насчет меня? Что я – вирус?

– Угу.

Она стиснула мое запястье.

– Я могу распространять этот вирус, Рауль. Заражать других. В геометрической прогрессии. Я – разносчик заразы.

– Какой заразы? Мессианства?

Она вновь покачала головой. Ее лицо было столь печальным, что мне захотелось обнять ее, утешить.

– Нет. Всего лишь следующего шага к пониманию того, кто такие мы, люди. Кем можем стать.

Я перевел дыхание.

– Ты рассуждала о том, чтобы научить физике любви. О представлении любви как основополагающей силы во вселенной. Это и есть вирус?

По-прежнему держа меня за руку, Энея пристально поглядела мне в глаза.

– Это источник вируса, – сказала она тихо. – Я учу тому, как пользоваться этой энергией.

– И как же? – прошептал я.

Энея моргнула, словно мой вопрос вырвал ее из сладостного забытья.

– Допустим, у нас есть четыре этапа. Четыре стадии. Четыре шага. Четыре ступени. – Я молча ждал. Ее пальцы все так же стискивали мое запястье. – Первый этап состоит в том, чтобы изучить язык мертвых.

– Какое это...

– Тсс! – Энея приложила палец к моим губам. – Второй – изучить язык живых.

Я кивнул, хотя ничего не понимал.

– Третий – научиться слышать музыку сфер, – прошептала она.

Копаясь в книгах талиесинской библиотеки, я наткнулся в одной из них на старинную фразу о музыке сфер. В этой книге речь шла об астрологии в донаучную эпоху Старой Земли, о крошечных деревянных моделях Солнечной системы в лаборатории Кеплера, о сферах звезд и планет, движимых ангелами... В общем, сплошная чушь. Я не представлял, о чем говорит моя подруга и какое это имеет значение в эпоху, когда человечество перемещается по галактике быстрее света.

– Четвертый этап, – Энея вновь отвернулась от меня, – заключается в том, чтобы научиться делать первый шаг.

– Первый шаг, – озадаченно повторил я. – Ты имеешь в виду свой первый шаг?.. Как там... изучить язык мертвых?..

Энея покачала головой и медленно, словно выныривая откуда-то, сфокусировала на мне взгляд.

– Нет. Это общий первый шаг.

Затаив дыхание, я произнес:

– Ладно. Я готов. Научи меня.

Энея улыбнулась:

– В том-то все и дело, Рауль. Если я соглашусь, то навсегда стану Той-Кто-Учит. Но вся глупость в том, что мне не надо этому учить. Я должна лишь делиться этим вирусом с теми, кто пожелает его принять.

Я посмотрел на ее тонкие пальцы, сжимавшие мое запястье.

– Значит, меня ты уже... наделила? – Я не чувствовал ничего необычного, лишь привычное электрическое покалывание от ее прикосновения.

Она рассмеялась:

– Нет, Рауль. Ты еще не готов. Чтобы поделиться вирусом, нужен не просто физический контакт, нужно причащение. А я пока не решила, каким оно должно быть... если мне предстоит...

– Поделиться со мной? – закончил я. «Что еще за причащение?»

– Поделиться со всеми, – шепотом поправила она. – С каждым, кто готов принять. – Она посмотрела мне в глаза. Где-то в пустыне затаивал койот. – Эти уровни... этапы... несовместимы с крестоформом, Рауль.

– Значит, возрожденные не смогут научиться? – спросил я. – А их гораздо больше, чем нас.

Энея покачала головой:

– Могут... если откажутся от крестоформа... Выбор за ними.

Я шумно выдохнул. Слова Энеи представлялись мне непонятными – из-за того, что она говорила обтекаемо. «Неужели все на свете мессии изъясняются столь туманно?» – голосом бабушки поинтересовался циник в глубине моей души. Вслух я сказал:

– Не существует способа избавиться от крестоформа, не убив его владельца, который в результате умирает истинной смертью. – Я частенько задумывался над тем, не этот ли факт – основная причина моего отказа принять крест. Или я всего-навсего по-юношески верю в бессмертие?

Энея не ответила на вопрос. Она спросила:

– Тебе нравятся местные, правда?

Я попытался сообразить, к чему она клонит. Приснилась мне эта фраза, эти люди, эта боль? Разве я не сплю? Или вспоминаю разговор, действительно имевший место? Но Энее ничего не было известно о Дем Риа, Дем Лоа и об остальных. Ночная пустыня, брезентовые стены и фундамент вдруг подернулись дымкой, как мираж...

– Нравятся, – подтвердил я.

Энея убрала руку с моего запястья. Секундочку, разве на мне уже нет наручников?

Энея кивнула и пригубила остывший чай.

– Для них есть надежда, Рауль. Для них – и для тысяч других культур, возникших или возродившихся после Падения. Гегемония означала гомогенность. Империя означает даже нечто большее. Человеческий геном... человеческая душа не доверяет гомогенности, Рауль. Она всегда готова рискнуть, ради перемен, ради разнообразия.

– Энея, – позвал я, протягивая к ней руки. – Я не... Мы не можем... – Мне вдруг показалось, что я падаю с громадной высоты, картина распалась, точно карточный домик под дождем. Моя подруга исчезла.

– Проснитесь, Рауль. Они летят за вами. Вас арестуют.

Я попытался проснуться, точно тонущий выплывая на поверхность сознания. Я рвался к воздуху и свету, но усталость и болеутоляющее тянули меня обратно. Я не понимал, зачем Энее понадобилось меня будить. Мы ведь так хорошо беседовали во сне.

– Проснитесь, Рауль Эндимион. – Это не Энея. Еще прежде, чем окончательно проснулся и открыл глаза, я узнал по сильному акценту Дем Риа.

Я сел. Женщина раздевала меня! Я увидел, что она сняла с меня ночную рубашу и теперь надевала майку – свежестыранную, с запахом ветра, но, несомненно, мою. Белье было уже на мне. Брюки, рубашка и куртка лежали рядом. Как это Дем Риа ухитрилась снять рубашу – ведь моя рука прикована к...

Я уставился на запястье. Наручника на нем не было – он валялся на одеяле. Кровообращение потихоньку восстанавливалось, кожу покалывало. Я облизнул губы и попытался произнести без запинки:

– Летят? Арестуют?

Дем Риа одевала меня как ребенка. Я отмахнулся от нее и начал застегивать пуговицы; мои пальцы вдруг сделались удивительно неуклюжими, хотя в Талиесине большинство предпочитало именно одежду на пуговицах, а не на «липучках». Я полагал, что давным-давно привык, но, как видно, ошибался.

– ...и мы слышали по радио, что в Бомбасино приземлился катер. На нем прилетели четверо в незнакомых мундирах – двое мужчин и две женщины. Они расспрашивали о вас начальника базы. Только что они вылетели сюда – катер и три скиммера. Они сядут через четыре минуты. Или даже раньше.

– Радио? – глупо переспросил я. – Вы же говорили, что радио не работает. Разве не поэтому священник сам отправился на базу за врачом?

– Не работает передатчик отца Клифтона, – прошептала Дем Риа, помогая мне встать. Опираясь на нее, я кое-как натянул брюки. – У нас есть свои приемники... с направленным лучом... спутники... и Церковь ничего не знает об этом. У нас свои шпионы. Один из них и предупредил... Торопитесь, Рауль Эндимион! Корабли вот-вот прилетят.

Наконец я проснулся полностью, меня била дрожь от гнева и отчаяния. Почему эти подонки не оставят меня в покое? Четверо в незнакомых мундирах. Наверняка Орден. Значит, розыски Энеи и нас с А.Беттиком не закончились, когда тот священник в чине капитана – кажется, де Сойя – позволил нам ускользнуть из ловушки на Роще Богов четыре года назад.

Я посмотрел на комлог. Скиммеры будут здесь через минуту. Слишком мало времени, я не успею спрятаться.

– Пустите, – сказал я, отстраняя женщину в синем. Окно было открыто, ласковый ветерок шевелил занавески. Мне казалось, я улавливаю ультразвуковое гудение скиммеров. – Я должен покинуть ваш дом... – Мне представилось, как солдаты сжигают дом вместе с Сес Амбре и Бином...

Дем Риа отвела меня от окна. В комнату вошел молодой Алем Микайл Дем Алем вместе с Дем Лоа. Они тащили охранника-лузианина. Сес Амбре, сверкая глазами от возбуждения, поддерживала охранника за ноги, а Бин пытался на ходу стащить с него башмак. Лузианин крепко спал.

Я уставился на Дем Риа.

– Дем Лоа минут пятнадцать назад предложила ему чая, – тихо объяснила она. – Боюсь, мы использовали весь ваш ультраморф, Рауль Эндимион.

– Я должен уйти... – начал я. Боль в спине была вполне терпимой, только ноги подкашивались.

– Нет, – отрезала Дем Риа. – Они вас сразу же поймают. – Она указала на окно. Снаружи донесся безошибочно узнаваемый гул маршевых двигателей катера, затем включились маневровые... Должно быть, катер завис над деревней, выискивая место для посадки. И почти сразу же – тройной звуковой удар – прибыли скиммеры; два приземлились совсем рядом.

Алем Микайл раздел лузианина до белья и уложил его на кровать, затем надел ему на правую руку наручник, который пристегнул к прутьям спинки. Дем Лоа с помощью Сес Амбре тем временем запихивала в мешок одежду, бронежилет и башмаки. Маленький Бин Риа Дем Лоа Алем швырнул туда же каску. Мальчишка держал в руках увесистый игольник. Признаться, я вздрогнул. Алем усмехнулся и забрал игольник у сына. По тому, как Бин держал оружие – пальцы на рукояти, не на спусковом крючке, дуло смотрит в пол, предохранитель на месте, – было ясно: он умеет с ним обращаться.

Бин улыбнулся мне, взял мешок с одеждой охранника и выбежал из комнаты. Гул снаружи шел по нарастающей. Я повернулся к окну.

Черный скиммер садился, вздымая клубы пыли, в тридцати метрах по улице, вдоль берега канала. Я видел его в просвете между домами. Катер повернул немного южнее – наверное, к тому лугу у источника, где меня скрутил первый приступ боли.

Я торопливо застегивал куртку, Алем протянул мне игольник. Я по привычке проверил предохранитель и индикатор заряда, потом покачал головой.

– Не надо. Нападать на солдат с игольником – просто безумие. Их броня... – Признаться, в тот миг я думал не столько о броне, сколько о том, что ответный огонь в мгновение ока сровняет с землей этот дом, и о том, что будет с мальчиком, который выбежал на улицу с тяжелым мешком. – Бин... Если его поймают...

– Мы знаем, мы знаем, – сказала Дем Риа, буквально выталкивая меня из спальни в узкий коридор. Этой части дома я не помнил. Последние сорок с чем-то часов моя вселенная ограничивалась спальней и уборной. – Пойдемте.

Я высвободился и протянул игольник Алему.

– Позвольте мне уйти. – Мое сердце бешено колотилось. Я указал на храпящего лузианина. – Они ни за что не примут его за меня. Они могут связаться с врачом – если уже не связались, – чтобы она меня опознала. Просто скажите им... – я поглядел на дружелюбные лица – ...скажите, что я одолел охранника и под дулом пистолета... – Я замолчал, сообразив, что, как только охранник очнется, моя версия мгновенно лопнет. И участие семьи Алем в моем побеге станет очевидным. Я посмотрел на игольник. Один залп стальных иголок – и охранник уже никогда не проснется, чтобы причинить неприятности этим добрым людям.

Вот только я никогда этого не сделаю. Я могу выстрелить в имперского солдата в честном бою – мой страх, беспомощность, загнанность в угол дают мне право использовать эту возможность, но я никогда не выстрелю в спящего человека.

Хотя честной борьбы, похоже, не предвидится. Солдаты наверняка в боевой броне, значит, бесполезно применять что-либо слабее имперского штурмового оружия. А эта тайная военная четверка с катера – может, швейцарские гвардейцы? В таком случае они точно неуязвимы для игольника.

Хлопнула задняя дверь, и в коридор вбежал Бин, из-под подвернутого балахона виднелись запыленные, по-паучьи тонкие ноги. Мальчик не получит крестоформ и умрет от рака. А взрослые проведут лет десять в тюрьме...

– Извините... – прошептал я, слова не шли на ум, а хотелось сказать так много. С улицы доносились голоса солдат, расталкивающих толпу.

– Рауль Эндимион, – спокойно сказала Дем Лоа, протягивая мне рюкзак, который они вытащили из каяка, – пожалуйста, заткнись и следуй за нами. Быстро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.